

Юраш Кристина

Я — богиня по вызову

ПРОЛОГ

— Открывай, бабка, — мрачно заметила фигура в черном капюшоне, стоя перед старенькой дверью с облезлой ручкой. — Эй! Бабка! Ты что? Уснула?

За дверью послышалось шорканье и скрипы: «Иду-иду! Вот нетерпеливая! Сейчас-сейчас!». Шорканье дошло до дверей и внезапно стихло.

— Кито там? — подозрительно спросил скрипучий голос. — А ну отвечай быстро! Ишь, хулиганят! Нет спасенья. Весь огород истоптали!

Фигура в черном мрачно вздохнула, глядя на поросшие репейником и бурьяном подступы к дому.

— Это я, — замогильным голосом заметила фигура с мешком, корзиной и двумя узлами, связанными между собой и перекинутыми через шею. Дверь скрипнула, впуская в пыльный домик, насквозь пропахший сыростью и кислятиной.

— Ноги вытирай! А то как в прошлый раз будет! Пришла, наследила! Тьфу! — выругалась бабка, пока фигура в черном затаскивала мешки и стонала от натуги. — Вон твои тапки в углу стоят! Ты мне тут в своих грязных тухлях по полу не гарцуй!

Судя по тому, как у фигуры в черном балахоне прогибались ноги, последнее, что она сделает — доползет до кровати и тихим холмиком упокоиться под одеялом.

— Чего встала! Тапки обувай! Мало ли где шлялась! Грязи пононосила! Как мыть вас, так никого, а как мусорить, так сразу все! — ворчала бабка, а на пол возле ее ног упал мешок, два больших узла и встала корзина. — Тряпок на вас не напасесси! Чай, не казенные! Здоровье у меня уже не то, чтобы с тряпкой ползать!

Мрачная фигура посмотрела на бабку с надеждой, переобулась с тяжким вздохом.

— Ну что ж, поглядим, что тут понанесла. Тащи сюдой! — скомандовала бабка, потирая руки и растирая свою застиранную клетчатую юбку. — Да на стол клади! Что я, по-твоему? Самая молодая, чтобы нагибаться? Ой, спину крутит... Ой, не могу! Хотя помирай!

С тяжким стоном черная фигура дрожащими руками взяла мешок и тут же уронила.

— Эх ты, немощь костлявая! Ой, здоровьице уже не то, — прокряхтела бабка, поднимая с пола мешок на стол так, что не каждый готов посоревноваться с ней в перетягивании пакета с дешевым луком. Мешок с грохотом упал на стол, а цепкие воробьиные трясущиеся ручки тут же развязали веревочку.

— Ой, совсем стара стала... Немощна... Спасу нет! Суставы ноют... Вон! На руки погляди! Совсем ослабли! — ворчала бабка, пристально разглядывая каждую морковку и луковицу. — Спину ломит — ой, не могу! А давление скачет, аки конь ретивый! Ту где эту морковку брала? Что она такая кривая и мелкая? Ты что морковку не видала? Я тебе говорила, у кого покупать в деревне? И что? А это что? Луковица?

Под черный капюшон костлявая рука сунула маленькую луковичку.

— Тьфу, а не луковица! Шелуха одна! — вопила расстроенная бабка, перебирая и рассматривая каждую луковицу. — Совсем глаза не видят! Вон, черная точка! Жук ел что ли? Гляди! Не видишь? Внимательней смотри! Эх! Говорила, что луку хочу, как перед смертью! Выбирать надобно! Чтобы такие мелкие не попадались! И почему?

— По три медяка, — мрачно заметила фигура в черном капюшоне, тяжело вздыхая.

— Ой-ё! — схватилась за сердце бабка, опадая на старенький стул. — Дорого-то как! Раньше по одному были! Батюшки! Совсем обнаглели! Да у меня так кости не ломают, как у них цены! Что хотят, то и творят!

Бабка стала с причитанием разбирать овощи, снуя по дому туда-сюда.

— Эй, не видала, куда кабачки положила? — прищурилась бабка, резво раскладывая по

мешкам припасы. — Совсем без очков не вижу! Вот придет кто, а не признаю!

Бабка с легкостью схватила два огромных кулька, поставила друг на друга, а потом побрела за тесемками, скрючившись и положив руку на спину.

— Не высыпаюсь совсем. Ой, не высыпаюсь! Соседи — сволочи. Дышат громко и топают, как стадо! — жаловалась бабка, теребя узловатыми пальцами старенькую шаль. — Спать не дают!

— Белки что ли? У тебя до ближайшей деревни три часа пути! — мрачно возмутилась фигура в черном.

— А то я не знаю, что они шумят! И дышат громко! — огрызнулась бабка, разбирая корзину и вытаскивая оттуда колечко колбасы. — Жирная колбаса. Опять жиру напихали! Обдиралово! Вот в наше время колбаска вкусная была! А сейчас что? Срам! Че стоишь? Прибирайся! Понанесла мусору! Ой, а у меня что-то давление прихватило. Прилягу-ка я! Ты это, далеко не отходи! А не помру и без тебя! Слышь, как у меня в ухе стреляет? То-то! Недолго мне осталось!

Бабка улеглась на старую, скрипучую кровать, закатывая глаза.

— Окно прикрой! Не видишь, дует мне! — ныла бабка, причитая и охая в разных тональностях. — Че встала, костлявая! Давай, окно само не прикроется! Ишь ты, это раньше ты когда хочешь приходила и жизни отнимала, а сейчас все по-другому! Нынче другие времена! Эх, отдохнула бабушка? Пойду-ка огород прополю! Что смотришь, костлявая? Рано! Потом позову. Ой, че-то пирожков, как перед смертью захотелось!

Ничего на свете лучше нету, Чем пирожным заедать диету.

Ух! — отдувалась я, цепляясь за перила и с тоской глядя наверх. Давай милая. О, спорт, ты

— жизнь! Еще ступенечка! А что вы хотели? Никакого лифта! Теперь только пешком.

Я ввалилась в свою однушку, чувствуя себя победителем. Не разуваясь, я поплелась на кухню и бухнулась на табурет. На холодильнике висела мотивирующая картинка: «Кто много не жрет, тому мужик дает» и красавица, весом под пятьдесят килограмм. Ничего, мы скоро тоже такими будем!

Никакого второго подборodka! Никаких предсмертных скрипов табуретки под тяжестью нашей доброты! Я вытянула свои толстенькие ножки в лосинах, глядя на календарь с красавицами в купальниках. Если на витрине лосины были «леопард», то сейчас это — поплывшая коричневая зебра. У меня еще майка классная! С раздавленным котенком. На витрине это был милый котенок, а на мне он выглядит как представитель иной цивилизации, раздавленный камазом после высадки.

— Давай, милая! Что у нас по диете? стакан воды с утра, стакан воды в обед и стакан воды вместо секса! — жалобно простонала я, отмеряя стакан воды на весах и тихо попивая его.

Ничего-ничего! Еще немного! Еще чуть-чуть! «Мяу!», — раздалось из кармана, а я вцепилась в телефон, подозрительно оглядываясь по сторонам. Мужик! Живой мужик! Мне кто — то написал на службе знакомств! Та-а-акс!

«Я не люблю полных дам!», — писал красавец с квартирой, машиной и внешностью журнального олигарха.

— А кто... — старательно набирала я, высунув язык от усердия и пытаюсь попасть по клавишам. — Сказал, что я... вам дам? Отправляем! Ждем ответа.

Я гневно пролистывала комментарии к своему фото, глядя на аватарки мужиков. «Фу!», «А похудеть не мешало бы!», «Жирная!».

Я смотрела на мужичка, который написал целую петицию матушке-природе относительно женской полноты. «Фу, жируха! Неужели так сложно пойти в спортзал и следить за собой?». Я с грустью смотрела на хлипкого мужичонку с теловычитанием. Его рука была толщиной с ножку табуретку, а ножки напоминали отощавшего волосатого кузнечика. От лягушки-прожорливого брюшка, досталось то самое брюшко, которое шло вместе с лысиной в комплекте.

— Не бывает полных девушек, — сопя отвечала я, промахиваясь по клавишам. — Бывают слабые руки у мужиков! С вашим теловычитанием у нас ничего не сложится! Отправляем!

«Терпеть не могу складки жира!» — я читала следующий комментарий, поглядывая на свои ноги в розовых кроссовочках и грудь пятого размера.

— Ты им тоже не нравишься! — долбила я по клавишам, гневно сопя и разглядывая еще одного мужичка с ноготок, прилизавшего три волосинки на манер мафиози.

«Зато зимой не холодно!», — прочитала я, закусив губу и глядя на стакан воды. На меня с аватарки смотрел потенциальный жених бомжеватой наружности. «Ненавижу тех, кому от мужика нужны деньги!», — значилось в его статусе.

— Еще бы, тебе на куртку работать не придется! — огрызнулась я, отвоевываю себе место под одеялом красивого и успешного молодого человека, который деликатно молчал. А вдруг я ему понравилась? Ну кто его знает?

— Я — не полная! Я — полноценная! И полная и ценная! — огрызалась я, понимая, что если этот чахлый субъект метр с кепкой в прыжке попытается взять меня на руки, то у него позвоночник сложится в трех местах, а после первой брачной ночи, я буду долго искать по кровати, чтобы бережно на руках отнести в травматологию и долго смотреть на гипсовые трусы.

«Кит убийца!», — заметил еще один комментатор, пока я скрипела зубами, горестно глядя на зачёркнутый календарь диеты.

— Слышишь, тунец! Плыви к своей русалке! — обиделась я, глядя на один подбадривающий комментарий «Классные лосины!».

Из-под стола выглядывали весы. «63 килограмма», — показало табло. И это только правая нога. Я поджала губы и с опаской встала второй ногой. Цифры на табло побежали, а я зажмурилась.

— Сюки вы, мерзкие! — всхлипнула я, вспоминая бабушкины пирожки в детстве. Стрелка решила меня не щадить, добежав до сотни, а я зажмурилась и закрыла глаза руками. «Сто десять килограмм», — показывали весы, а я осмотрелась по сторонам. Сняв два кроссовка, куртку, я встала на весы. «Сто девять килограмм пятьсот грамм».

— Уже лучше! — обрадовалась я, снимая лосины. «Сто девять килограмм четыреста двадцать грамм», — заметили весы, а я сорвала резинку для волос, сняла кольцо и сережки.

— Ну! — потребовала я у весов, стоя на них и втягивая живот. «Сто девять килограмм четыреста десять грамм!», — сообщили весы, а я с мольбой посмотрела на плакаты.

«Позвольте порекомендовать! Крупный специалист в своей сфере! Я бы даже сказал, очень крупный!», — послышался голос в голове. В памяти мелькнул деловой костюм и красный директорский галстук. «Ты мне нравишься и такой!» — произнес ласковый мужской голос, а в памяти послышалось интенсивное стучание ложкой о тарелочку. «Но похудеть не мешало бы! А то мне с тобой на людях стремно показываться!», — снова произнес этот же голос, чем-то чавкая. Я грустно посмотрела на исполняющие обязанности тряпочки для пыли мужские трусы и чужую зубную щетку, давно приспособленную для мытья посуды.

— Сюки вы, мерзкие! — всхлипнула я, вспоминая, куда спрятала трофейную коробку шоколадных конфет.

— Приди к нам, — шептали конфеты, а я подозрительно прищурилась. «Три недели на капустном листе и воде!», — напоминал желудок, пока я отгоняла от себя этот соблазнительный зов.

— Я уже о них и забыла! — приказывала я себе, глядя на потолок. — Забыла, что они лежат на третьей полке серванта за журналами «Похудей за пару дней», припорошенные пакетиками и прикрытые салфеткой.

На столе что-то чирикнуло, а я уставилась на экран. Мне кто — то написал! Сам! Представляете?

— Привет! — прочтала я, чувствуя, как осматриваюсь по сторонам. Мой мужик! Никому не отдам!

— Привет! — ответила я, любуясь маленькой перепиской и прищуриваясь на фотографию. Очки я забыла на работе, так что придется выкручиваться. А ничего так, мужик! Лысый, гладкий! Черты лица, правда, мелковаты. Где-то уже вовсю играл Мендельсон, а я мысленно рассказывала с бокалом в руке, что не в килограммах счастье.

— Ну как? — спросил меня отважный герой, а я слегка растерялась. Где-то на столе в офисе лежали бережно сложенные очки и блестели в темноте светящихся колбасок ламп.

— Симпатичный! — написала я, понимая, что лысина — это не приговор. Вон, Брюс Уиллис тоже лысый и страшный! Даже астероид с криком: «Да не ну нафиг!» отказался врезаться в землю после того, как увидел Брюса.

— А я думаю, что мелковат, — написал собеседник, а сердце чуть не растаяло от умиления.

— Ну что вы! — возразила я, снова подслеповато прищуриваясь на присланное фото.

Нет, конечно, хотелось бы мужика с шевелюрой, но какая разница? Если что намажем медом, мухи прилетят, усядутся, мы их спугнем. Мушки улетят, а лапки останутся.

Я тыкала на фото, но оно не собиралось увеличиваться. И тут я вспомнила, что в серванте, рядом с конфетами лежали еще одни очки.

— Нет, ну а что скажете? Красивый? — прочитала я ответ, умиляясь тем, что меня называют на «вы». Вежливый мужчина — это большая редкость в наше время.

Я еще раз внимательно с прищуром посмотрела на лысину.

— Главное, чтобы хороший был. И не важно, большой или маленький, — ответила я, с замиранием сердца ожидая сообщения. — Я сейчас очки найду и присмотрюсь внимательней, если вы так хотите...

Я нашарила очки, встряхнула их, открывая дужки и.

— Ну что ж, — писала я, поглядывая на тощих красавиц с плаката. — Искривления нет, признаков хирургического вмешательства не обнаружено. Высыпаний тоже не наблюдается. Меня смущает только кривизна. В детстве травм не было? Не нравится вон то пятнышко. Вам бы анализы сдать. Если вам нужна профессиональная консультация, записывайтесь на прием в клинику «День здоровья». Телефон уролога.

А вы думаете, как я стала крупным специалистом в своей сфере?

Со мной вежливо здоровался какой-то накачанный красавец, при виде которого сердце начинало биться чаще даже у покойниц. С замиранием я следила за тем, как он отвечает на мой «привет». «Покори его интеллектом!», — подсказывало женское кокетство. «Замани супами!», — нашептывал мне предыдущий опыт. — «Небось холостяк на пельменях, а тут ммм! Пальчики оближешь!». Я посмотрела в зеркало на свое лицо, понимая, что именно с таким выражением запускают в космос корабли и проводят сложнейшие операции.

— Че делаишь? — прочитала я, чувствуя, как грамматический фашист во мне тихо достает словарь, прикидывая сколько дадут за убийство с отягчающими ошибками. «Ничего-ничего! Грамотность — это не конек нашего принца!», — утешал меня внутренний голос. «И даже не лыжа...», — гаденько огрызнулась я, доедая от волнения свежий маникюр. Переписка продолжалась, а я искренне болела за свою команду.

— Тибе риальную фотачку скинуть? — спросил меня принц, а я с замиранием сердца ждала заветное фото. Оп! И оно загруз... Так! Это точно лицо? Точно-точно? Глаза я как бы уже нашла, но опыт подсказывал, что они иногда в силу определенных обстоятельств бывают натянуты на места для этого непредназначенные.

— Слыш тибе не нравица? Думаиш кто-то на тибя позариться, кроме миня? — поинтересовался собеседник, а я с грустью посмотрела на плакат на холодильнике, а потом обратно в переписку. Принтер уже печатал фото, а я молча прикрепила его поверх многоярусной красавицы с такими стратегическими запасами жира, благодаря которым ядерную зиму переживут сразу несколько государств. «Не ешь, ты же не хочешь быть таким?»- была приклеена надпись. А я прилепила новое фото, добавив немного в послание самой себе: «ты же не хочешь быть с таким?».

«Здрасте не хочешь прокатиться и кофе попить моему начальнику тридцать пять.», — прочитала я новое сообщение от нового собеседника, а потом тяжело вздохнула. «Это раньше ездовые собаки были, а теперь ездовые начальники!», — вздохнуло женское кокетство, решив взять отпуск за счет самооценки.

— А он точно довезет? Тридцать пять — это лет или лошадиных сил? — поинтересовалась я, чувствуя, как дергается глазик, требуя увидеть картинку. Покататься на чужом начальстве конечно хотелось, но собеседник решил пощадить начальника и утих.

Я подошла к зеркалу в прихожей и с грустью посмотрела на масштабы.

— Хочу быть костлявенькой! — всхлипнула я, втягивая живот и присматриваясь к трескам в липистый цветочек. — Почему я не костлявая?

И тут я увидела, как ко мне тянется тощая рука с черным рукавом, а следом появляется измученное лицо со впалыми щеками.

— Костлявенькой? — задушевно начала женщина с теловычитанием. — Не вопрос! Похудеешь за пару месяцев! Гарантирую!

— А вы кто? — подозрительно спросила я, понимая, что меня ухватили за трусы и тащат в свою сторону. — Эй! Я их еле нашла! Пусти!

— Хочешь много цветов? — сулила мне тощая мадам мрачноватой наружности. — Мужчины будут падать к твоим ногам! Это я тебе обещаю! Ни один не устоит перед тобой! И не важно, женатый или холостой! Да тебя каждый день будут осыпать цветами!

Хм... Предложение заманчивое, поэтому я посмотрела на костлявую руку, вцепившуюся в резинку от моих трусиков, а потом на свою пустую квартирку.

— Обещаешь? — на всякий случай поинтересовалась я, представляя себя первой красавицей, вокруг которой толпами вьются мужики с букетами.

— Обещаю! Цветы, мужчины к ногам! Подарки! — закивала тощая мадам, пытаюсь дотянуть меня до зеркала. Где-то Робин Гуд погрузился от зависти, глядя на то, как натянулась резинка от моих трусов.

— Ла-а-адно, — согласилась я, глядя на свое отражение и делая шаг вперед. — Стой! Я чайник выключила? Погоди!

Я дернулась, видя, как костлявая мадам вылетает следом за мной и падает на старенький, полизанный коврик.

— Выключила! — обрадовалась я, заглянув на кухню. — Газ выключила, свет выключила. Надо бы одеться и накрасти.

Я почувствовала, как невидимая сила тащит меня в зеркало. Меня вроде бы как и всосало, но наполовину.

— Погоди! — засопела я, выдыхая и втягивая грудь с животом. Меня увлекало в серый туман, а в моей квартире уже вовсю орудовала тощая мадам. Она мчалась к холодильнику, а потом застыла, схватившись за сердце при виде фотографии.

— Может он человек хороший! — вдогонку крикнула я, а в голове все помутилось. Ну! И где тут толпа поклонников, которым я сейчас радостно упаду на руки?

Я лежала на полу, подтягивая трусы в цветочек, и осматривалась по сторонам. В ведрах, вазах и прочих емкостях стояли букеты цветов. В открытой двери санузла виднелся унитаз, откуда торчал целый кустик, срочно требующий полива.

— Та-а-ак! — потрясла головой я, понимая, что ничего не помню, но мысль о том, что у меня есть таинственный поклонник, одаривающий меня цветами, меня как-то приободрила. Мне на грудь упал колючий венок с черной ленточкой: «Помним, любим, скорбим!».

— Рано! — возмутилась я, с криканием поднимаясь с пола и воинственно подтягивая белье. На кресле лежала черная мантия, а в углу стояла коса.

— Добро пожаловать, богиня смерти! — траурным голосом произнес кто-то, а я на всякий случай прикрыла часть своих прелестей руками. Я обернулась, глядя в узкое зеркало в черной оправе, занимающее часть стены.

— Слышь, костлявая! — донесся до меня скрипучий голос, явно принадлежащий какой-то старухе. — Тебя где носит? Вот пирожков хочу, как перед смертью! И чтоб тепленькие были! Эх, хочу, просто помирать...

— Поздравляю. Можете сделать обеденный перерыв, а потом умирайте на здоровье, — ответила я, поглядывая на косу и накидку. В черном узком зеркале, украшенном черепами, появилось изображение старушечки на фоне естественной среды обитания среди горы кулчков, мотков, каких-то коробочек, со старым ковром на стене в виде

гадкого койота на фоне хвойных зарослей.

— Я кому сказала! — проскрипела старуха, а я своими глазами видела, как этот божий одуванчик ворочает и поднимает мешки с крупами, которые никогда не простит мне моя поясница. — Как перед смертью! Хочу! Пирожков! Да не абы каких, а три с мясом, два с сыром, один с капустой и четыре с картошкой.

Я смотрела на бабу, которая взвалила на себя огромный мешкарус с пшеницей и потащила в погреб, намекая на то, что раньше кончатся припасы, чем баба.

— Ага, — мрачно заметила я, накидывая черный халат и никуда не торопясь. — Вам с собой или здесь будете? Салфеточки класть?

— Ты что? Оглохла, костлявая! — возмутилась баба, соперничая в скрипучести с несмазанной телегой. — Быстро пирожки неси! Я уже дом на кота переписала!

— Ага, сейчас пекарню открою! Осталось только лицензию получить, — огрызнулась я, проводя рукой по странной раме из черепушек и костей. Где-то грекнула об мраморный пол коса.

Баба исчезла, а я посмотрела на букеты, стоящие под зеркалом. Несколько из них из стадии «Я вас люблю» уже перешли в стадию «Гербарий юнната», рассыпаясь от каждого прикосновения.

— Многоуважаемая смерть, — внезапно послышался красивый мужской голос, заставивший меня тут же втянуть живот. — Сегодня у вас последний день перед отчетом, а у вас не хватает ровно трех душ. Ровно в полночь у вас будут большие неприятности.

Мужик! Ты где? Я подозрительно осмотрелась по сторонам, снова уставившись на мутное зеркало, из которого на меня смотрели желтые светящиеся глаза. Он словно затаился в глубине, а я еще отходила от вибрирующих интонаций, заставляющих меня представлять такое, что обещали мне на сайтах знакомств, присылая фотографии своих пациентов. Мммм. Полночь. Мммм. неприятности, которые сулит мне красивый голос.

— Сразу смотри адреса ближайших травмпунктов, до которых будешь ползти со сломанным тазом, — мрачно заметила я, отворачиваясь от зеркала. Однажды в студеную зимнюю пору, когда я возвращалась с работы и зашла в свой подъезд, я встретила маньяка, который при виде меня тут же попытался переквалифицироваться в грабителя, а после удара сумкой по голове перешел на светлую сторону силы с криками: «Грабят, убивают, пожа-а-а-ар!!!». А однажды в парке, когда я шла после работы, мне повстречался таинственный незнакомец в черном плаще, откуда торчали волосатые ноги. Если меня и собиралась вербовать какая-то разведка, то я сразу поняла, что страна слишком бедная, чтобы позволить вербовщику даже приличные штаны. Но потом я поняла, что у меня в тот день были сверхурочные. Через полчаса я шла в магазин, а где-то на скамейке плакал эксгибиционист, считая стоимость лечения всех болезней, которые я у него нашла при первичном, но тщательном осмотре. Я-то знаю, что они приуныли в тот момент, когда я достала из сумки пачку одноразовых перчаток и занялась первичным ощупыванием и предварительным диагнозом. Зато сделала доброе дело, поэтому горжусь собой неимоверно!

— Если ты не выполнишь план по душам, ты умрешь, — намекнул мне шикарный баритон, от которого мне захотелось экстренно похудеть. Глаза в темноте внимательно следили за мной, а я следила за ними.

Странно, имени своего не помню, а какие-то эпизоды в памяти остались...

— Неужели смерть может умереть? — поинтересовалась я, поставив косу на место.

— Смерть теперь не имеет права забрать того, кого хочет до тех пор, пока не выполнит последнее желание умирающего, — глухо произнес таинственный баритон, а я вздохнула. — Так что последнее желание — это закон для смерти!

— Ты что? Предлагаешь мне пойти купить пирожки и отнести их бабке? — спросила я, а зеркало уже показывало дорогу через лесную чащу, зловещей пастью приглашающей на экскурсию всех любителей пощекотать нервишки.

Я поправила балахон, глядя на своей отражение в зеркале. А что? Черный меня стройнит.

— Ты обязана носить капюшон и косу! — заметило зеркало, пока я одергивала свой черных халатик. — Я открою тебе путь в ближайшую деревню...

— Ага, сейчас, — пообещала я, осматривая новые владения. И где мужики, которые собрались падать к моим ногам? Я ради такого даже полы помою!

— Ой, помира-а-аю! — заманчиво орала бабка, укладываясь на кушетку и имитируя обширное кровоизлияние пятки. — Ой, все! Кажись помру!

— Помни, — вкрадчиво прошептал голос, глядя на меня из темноты зеркала желтыми глазами. — Три трупа до полуночи. Три с мясом, два с сыром, один с капустой и четыре с картошкой.

Я схватила обрывок бумаги на столе и огрызок карандаша, записывая меню и прикидывая, сколько в бабку влезет.

— Ладно, так и быть! — согласилась я, ковыляя в сторону зеркала, которое жизнерадостно открыло проход в деревню. — Эй, погоди — ка! Что-то маловато! А-ну ка на выдохе!

— Вам нужно взять с собой косу! — настаивало зеркало, выплевывая меня обратно. — Без косы вы не смерть!

— Спасибо, я еще с косой не ходила. На старой косе осталась сухая трава, а я прикинула, как буду таскать с собой этот неудобный аксессуар. И ведь по-любому где-то забуду! Я на каждый дождь покупаю себе новый зонтик, между прочим!

— Без косы. — напомнило зеркало, а я распустила волосянки, потрянула ими и начала плести косичку.

— Вот! Варвара — краса длинная коса! — заметила я, демонстрируя свою физиономию и тонкий хвостик — косичку, замотанный мятой ленточкой, которую я тут же содрала с погребального венка.

— Эм... — встало в тупик зеркало, пытаюсь принять смелое дизайнерское решение. — Но это же не та коса!

— А что это по-твоему? Прощание с любимым по тихой грусти? Ершик для унитаза? — возмутилась я, а зеркало, видимо, собиралось меня послать.

— Да иди ты! — обиделось чудовище из зеркала, когда я расправляла свою косу, так и не решив на какую сторону буду ее носить. — Коса нужна для устрашения!

— А этот кошмар на моей голове тебя не пугает? — огрызнулась я, махнув ладошкой.

— Да при виде нее люди будут впадать в состояние глубокого ужаса.

— Эм. — замерло на секунду зеркало, а я уже лезла навстречу приключениям. Еще бы! Предыдущая богиня не солгала! Мужики будут падать к моим ногам, а те, кто отказывается это делать, тем поставим подножки!

— Да что у вас за зеркало такое узкое, — заметила я, пытаюсь протиснуться в него бочком. С неимоверным усилием, я сумела пройти в дырку, очутившись в какой — то живописной деревеньке. При виде этой деревеньки мог «живоописаться» любой ценитель прекрасного. Мощеная улочка, поросшая травой убегала извилистой тропой в сторону дремучего леса, мимо меня с вальяжным видом прошла курица, у которой наклеивался завтрак в виде лошадиного прополиса. Неподалеку от меня стояла чья-то ветхая телега, резво бегал пес, а разноцветная вывеска гласила: «Лучшие пирожки». Я подошла к деревянной двери. «Крашенная?» — осторожно спросила я, глядя на кованную ручку. «Это, между прочим, мой натуральный цвет!», — со скрипом заметила дверь. Мимо меня пронеслась орущая ватага деревенских ребятишек, один из которых с наслаждением прыгнул в лужу, обдав меня деревенским парфюмом «Колхоз Номер Пять».

— Смерть- смерть! — дразнил меня босоногий малец в драных штанах и огромной подпоясанной веревкой рубахе, тыкая в меня пальцем. — Слышишь, костлявая, попробуй, догони!

— Сюки вы, мерзкие, — обиделась я, стучась в дверь булочной. Мне не ответили, а внутри что-то с грохотом упало вниз.

— Проходите, — послышался голос, а я шагнула внутрь маленькой пекарни. На двери висел ржавый колокольчик, а внутри пахло сдобой. — А, это ты? Ну-ну. Что на этот раз?

Я достала списочек, развернула ему, надиктовывая заказ.

— Ты еще за хлебушек не рассчиталась, — заметил полный пекарь, поигрывая третьим подбородком и вытирая руки о фартук. — Знаю, что опять без денег пришла. А раз пришла без денег, то придется отдавать натурой!

— Не вопрос, — авторитетно произнесла я, сопя, как стадо ежей, снимая с себя капюшончик.

— Раздевайся!

Пекарь застыл, глядя на то, как я поигрываю косичкой. Я тут соблазняю, как могу. О! Схватился за сердце! Видимо, Амур не промазал!

— Эм... Не... — нечленораздельно заметил пекарь, оседая на мешок муки и нервно сглатывая. Интересно, у этой страны есть какой-нибудь государственный долг? Если что я могу дипломатично предложить отдать его натурой!

— Я имел в виду траву покосить за домом! — икнул бедолага, так и не оценив моей косы. — Там.

Он на всякий случай даже махнул рукой в сторону не приметной двери, а по выложенным на витрине пирожкам пробежал игривый таракан, а потом оставил след на мучной дорожке.

— Слушай, — со всей душевностью подошла я к вопросу отжатия пирожков. — Я могу посуду помыть, подмести. Я очень хозяйственная.

— Ну, — покрутил усы хозяин, глядя на меня снисходительно.

— Если что, это будет считаться вашим последним желанием? — поинтересовалась я, вспоминая то, что мне сообщило зеркало приятным, отнюдь не женским голосом.

В этот момент продавец замер на месте, нехорошо прищурившись на меня, а я улыбнулась ему самой обезоруживающей улыбкой. В медной сковородке, висевшей в качестве украшения, мелькнуло такое лицо, от которого сдаст оружие любая страна, срочно требуя меня в качестве ядерной секс-бомбы.

— Ладно, — забегал глазами продавец, посматривая на меня и на пирожки в корзине. — Бери и уходи. Я сегодня добрый.

Я содрала со стенки старенькую корзинку, запустила руку в пирожки, чувствуя, как они стучаются друг об друга.

— Свежие! — тут же отозвался продавец, протирая муку на прилавке. — Те, которые в виде калача — с мясом.

Я посмотрела на коричневые пирожки, а потом взвесила один из них на руке. Если бы где — то играли в игру «съедобное- несъедобное», то я вряд ли бы ловила мячик при упоминании чего-то отдаленно похожее на этот шедевр бакалеи.

— Где бабка живет? Признавайся! — обнаглела я, выбирая пирожки по списку из общей кучи.

— А то память у меня девичья!

— Там, — махнул рукой в сторону заднего двора лучший друг местного стоматолога. —

Иди в лес, дальше по тропинке. И никуда не сворачивай.

Набрав пирожки в старую корзинку, прикрыв ее серенькой тряпочкой, я настолько ослепительно улыбнулась продавцу, что он даже зажмурился, а потом легкой походкой, едва не зацепив корзину со стучащим друг об друга хлебом, вышла на улицу.

Тропинка вела в сторону дремучего леса, а я со спокойной совестью направилась в сторону опушки, понимая, что имея в арсенале больше двадцати пирожков — кирпичей, я сумею не просто отбиться, но и отбить любому все внутренние органы.

Деревья скрипели на разные лады, из чащи на меня дхнуло сыростью, а лес показался не таким мрачным, как мое настроение. Накинув капюшон, поплотнее прихватив корзину, я решительно шагала по тоненькой петляющей тропочке. Через десять минут я устала, чувствуя, как колет в боку. Присев на пенек и поставив перед собой корзину, я слушала пенье птиц.

— Эй, дятел, — мрачно заметила я, глядя на то, как ветерок приподнял тряпку а одна резвая птичка пытается хотя бы проклевать пирожок с мясом. Птичка отчаянно пыталась отклевать себе кусочек, а я сидела и чувствовала приливы жалости к маленькой бедняжке. Под конец совсем отчаявшись, птичка упорхнула, а я стала подниматься, отряхивая попу, размером в три сарая, от сучьев и листьев.

Внезапно кусты зашевелились, а я на всякий случай схватилась за пирожок, подозрительно поглядывая в сторону трясущихся веток. Подкинув пирожок на руке, я понимала, что у меня куда больше попыток, чем у животинки жизнью, так что в ее интересах не рисковать.

Кусты снова шевельнулись, а на меня, прямо из чащи вылетел огромный волк. Пирожок вылетел навстречу волку, а я уже потянулась за вторым снарядом... С глухим ударом волк и пирожок встретились.

— Милый, ты голоден? Лови пирожок! — заметила я, глядя на огромного темного волка, который уже познакомился с местной кухней уже не понаслышке, а вместе с шишкой. Взвизгнув, волк, застыл на месте, пытаясь прийти в себя, а я уже вооружилась третьим. — А это у нас что?

Я посмотрела на пирожок в форме органического повидла.

— Это — повидло. Десерт, — пояснила я волку, но его это мало чем утешило. Еще один пирожок просвистел над прижатыми ушами голодного хищника, а он, наученный знакомству с пирожками, взвизгнул.

— Слышишь, мастер бесконтактного боя! — заметила я, глядя на то, как волк с обалдевшими глазами пятится в сторону кустов, поджав хвост. — Это — не ко мне, это к нашим футболистам!

Кусты затрещали, хищник исчез, а я с криком поднимала и отряхивала пирожки, со стуком складывая их в корзину. Ничего, путь долгий, мало ли кто проголодается?

Путь продолжался. Тонкая тропка уводила меня все дальше и дальше. Кусты иногда хрустели, а я поворачивалась в их сторону, держа на вооружение пирожок с хреном и подозрительно прищурившись в сторону хруста и шелеста.

Листики шуршали, ветерок задувало в надвинутый капюшон, я несла корзинку с кирпичами и пыталась вспомнить какую-нибудь задорную песенку. Пока я пыталась воспроизвести мотив, неподалеку едва слышно прошуршали разлапистые кусты, уронив на траву несколько листочков. Я остановилась и взвесила на руке пирожок с повидлом, подозрительно глядя в сторону кустиков и их пока еще живого обитателя. Смеркалось, небо затягивало мутновато-сизой мглой, а я замерла, понимая, что без боя не сдамся.

На мгновение мне показалось, что в кустах мелькнули чьи — то светящиеся глаза, а сквозь шелест веток и скрипы деревьев послышалось хрипловатое дыхание. Дышит? Уже хорошо! Жаль, что ненадолго.

Стоило сделать мне шаг вперед, как вдруг послышался вкрадчивый мужской голос, а соседние кусты затряслись.

— Ну здр-р-равствуй, капюшончик, — произнес тот самый голос, порадовав меня хрипловатым дыханием и раскатистой «р-р-р». — Куда это ты собр-р-ралась на ночь глядя...

Глаза в кустах сверкнули, а мне навстречу выходил огромный даже по меркам медведей, волк с оскаленной пастью и высунутым по собачьи языком.

— Мужчина! — раздраженно заметила я, поглядывая по сторонам. — Уберите вашу собаку! Кто вам разрешил гулять с ней без намордника и поводка!

— Какой аппетитный пир-р-рожочек, — отчетливо произнес волк, а я слишком устала, чтобы удивляться говорящим волкам. С такой экологией, не удивлюсь, если медведь диссертацию защитит.

Бесстрашный зверь сделал шаг ко мне и с наслаждением принялся, а потом стал обходить со всех сторон, пока я держала еду наготове. — И такой вр-р-редный. Пр-р-релест! Так бы и съел. Взял бы и р-р-растер-р-рзал бы.

И тут ему прямо в морду прилетел пирожок. А что? Я очень люблю животных, поэтому искренне считаю, что их нужно подкармливать.

— Свежие, — похвасталась я, глядя на то, как волк переводит на меня странный взгляд. — Для меня их специально отложили.

— Кто этот тр-р-русливый малый? — поинтересовался хищник, глядя на лежащий в траве пирожок и наострив уши. Волк сделал шаг в мою сторону, а я тут же достала еще один пирожок.

— Мой пир-р-рожочек темпер-р-раментный, — сладко заметил санитар леса, осторожно подкрадываясь ко мне и глядя в упор желтыми глазами, но тут же получил прожег ушей еще один пирожком. — Хор-р-роший пир-р-рожочек, пр-р-равда повидла в тебе многовато.

— Может, тебе палку бросить? — не растерялась я, хватая палку и швыряя ее в кусты.

— Считаю, что ты ее бр-р-росила, и считай, что я уже бегу за ней со щенячьим визгом, — зловеще произнес волк. Нет, может быть, он от чистого сердца, с трепетной душой и благими намерениями, но в сумрачном лесу с оскаленной пастью он выглядел как-то зловеще. — Ну что, мой пир-р-рожочек, может пр-р-роводить тебя?

— На тот свет? Или в увлекательное путешествие по желудочно-кишечному тракту с остановками «Желудок», «Тонкая Кишка» и «Толстая Кишка»? — поинтересовалась я, глядя на огромную зверюгу, которая расхаживала вокруг меня.

— Замер-р-рзла? — ехидно поинтересовался волк, а я молча сняла капюшон. — Иди ко мне, сор-р-рею.

— Хорошие волки, между прочим, снимают шкуры, — вежливо ответила я, держа

пирожок наготове. — Так, все, я пошла! Куда за мной! У меня пирожок! Я вооружена и очень опасна! Провожать меня не надо!

Я бочком пробиралась в колючие заросли, чувствуя, как ветки цепляют мой балахон. Обернувшись, я услышала, как шевельнулись за мной кустики.

— Предупредительный пирожок летит в голову, — на всякий случай предупредила я, шевеля пирожками по тропинке. Кусты затихли, а я поежилась, подслеповато щурясь на тропинку и пытаюсь разглядеть ее в сумерках. Тропинка весело петляла, огибая заросли, мне на голову упал желудь, а я едва ли не споткнулась о выставленный корень, громыхнув пирожками так, словно разгружаю вагоны с кирпичами.

Лес темнел, а я осматривалась по сторонам и ускорила шаг.

— Фу-фу-фу, — пыталась отдышаться я на ходу, поглядывая в оба.

— Уф-уф-уф, — возмущался филин, пока я продиралась сквозь кусты. Луна кое-как освещала угрюмые ветки деревьев.

Я присела на траву и отдышалась. Пирожки болели, а домик бабки все не показывался. Судя по тому, что я видела в зеркале, червячки на кладбище уже давно перешли на вставные челюсти, но надежду не потеряли.

— Ау-у-у! — послышался волчий вой, а мрачно посмотрела на желтый блин луны. Кусты снова зашевелились, а передо мной появилась знакомая физиономия.

— А куда идет мой сладкий пир-р-робочек? — поинтересовалась волчья морда, сверкнув огромными белоснежными клыками. — Может, я его все-таки пр-р-ровожу?

— Видимо, тебя часто посылали, раз знаешь дорогу, — огрызнулась я, вооружаясь пирожком с мясом. Если что они — самые убойные.

— Вр-р-редный капюшончик не хочет отвечать? — волк смотрел на меня в упор, а я закатила глаза и почувствовала, что сейчас завою от такой навязчивости. Еще немного и любовь к братьям нашим меньшим перерастет в безграничное обожание к братьям нашим тупым.

— Послушай, — я посмотрела на волка с сожалением, осознавая, что в дремучем и непроходимом лесу живут дремучие и непроходимые волки. — Мой дорогой дальтоник, перепутавший красную шапочку и черный капюшончик! Я тебе тонко намекаю...

— Ласку хочешь, мой сладкий пир-р-робочек? — усмехнулся оскаленной пастью волк.

— Нет, мне лучше хоряка или кулек джунгариков! — отозвалась я, сопя и продолжая путь в темноте, раздвигая густые ветки кустов и таща свою корзину с кирпичами. И как сюда только почтальоны пенсию носят?

— Так! — возмутилась я, чувствуя, что меня кто-то схватил за одежду. Я резко развернулась, видя огромную волчью морду, которая оттаскивает меня от кустов, глазами намекая, что разговор еще не закончен. — Еще один такой кусь, и я скажу, что пирожки готовила сама! Рецепт «Сюрприз». Сможешь разгрызть — узнаешь начинку. Пшел вон! Там твои друзья в овраге лося доедают! Без тебя!

— Какой же ты вр-р-редный пиробочек! — послышался хриловатый волчий голос, пока я норовила угостить его пирожком с мясом.

— Мучное всегда вредно для организма! — огрызнулась я, а потом почувствовала, что как-то несправедливо обхожусь я с дикой и разговорчивой природой. Лучше обходиться без нее.

— Я подумываю тебя завести, — прорычал волк, явно не желая заканчивать наше знакомство на столь грустной для отношений ноте. Я утешала себя тем, что в случае чего, любой мой последующий будет всегда лучше этого предыдущего.

— В лес? — осмотрелась я, глядя на непролазные дебри. — Дружок, я прекрасно умею заводиться самостоятельно.

— Да, видимо, одинокой женщиной быть не пр-р-росто. Ты мне нр-р-равишься, я бы даже сказал с каждым разом все больше и больше, — оскалился волк, выдавая раскатистое «рррр» и взмахивая роскошным пушным хвостом. — Так как на счет завести?

— Если ты завел блох, то это еще не значит, что ты можешь завести женщину! — гордо ответила я, шевеля булочками в сторону от волка противоположную не без тайной надежды выбраться на тропу. Корзинка цеплялась за ветки, а я цеплялась за надежду слинять подальше от этого любвеобильного зверя.

— Могу довести до чего-то приятного, — снова оскалился волк, я а смотрела и понимала, что в детстве он, видимо, хорошо кушал, раз вымахал чуть ли не с лошадь.

— В первый раз слышу, чтобы белое каление называли оргазмом, — фыркнула я, гордо ускоряя шаг. Так, где-то здесь была тропа. Бабка, поди уж, заждалась. — Не надо меня провожать! Я кому сказала!

— У меня очень сер-р-рзные намер-р-рения, — облизнулся волк, поглядывая на вверенный мне природой комплект верхних пирожков и нижних булочек.

— А у меня очень далеко идущие жизненные планы, — ответила я, выйдя на тропу и дойдя до развилки. Странно, но в деревне про развилку мне ничего не сказали.

— А кто туда послал твои планы, если не сер-р-рет? — пристала зубастая животинка, а я посмотрела на него со всей суровостью и даже нахмурила брови.

— Послушай, малыш, мы не сможем ужиться вместе... — ласково произнесла я, меняя тактику. Волк замер на месте, глядя на меня с каким-то подозрением. — Понимаю, что ты тут набиваешься на миску корма.

— Ага, — сладко прорычал волк, внимательно меня слушая. — И спать с тобой под одним одеялом.

— Но стоит тебя завести, как сразу начнется! — вдохновенно объясняла я волку, поглядывая по сторонам. Волк кивал, соглашался, понимающе глядя на меня. — Развороченное мусорное ведро, еда из мусорного ведра. Ну, конечно же! Очистки намного вкуснее дорого корма! Вся одежда в шерсти, шнурки жеванные, лужи на полу, корм разбросан, скатерть порвана, везде следы грязных лап, слюни по всем подушкам.

Волк задумался, периодически поглядывая на меня. Видимо, он все понял.

— На счет гр-р-рязных лап, одежды в шер-р-рсти, луж на полу и разбросанной еды, так и быть, я согласен, — вздохнул волк, а потом поднял на меня глаза. — Но из мусор-р-рки есть я тебя быстро отучу.

Я поперхнулась, глядя в волчьи глаза, а потом развернулась и пошла по чему-то отдаленно напоминающему тропинку. Волк исчез в кустах, а я ускорила шаг, поглядывая на кусты с целью оросить дикую природу. Джунгли звали меня, а я трепетно выбирала безопасное и уютное местечко, словно после этого естественного процесса собираюсь построить там дом. Наконец-то крапивы стало меньше, а я выхватила взглядом маленькую интригующую полянку, куда ломанулась со скоростью спринтера. Огромный дуб прикрывал мой тыл, боеголовка, кажется, с черникой, ожидала в руке запуска, а я прислушивалась к ночным шорохам.

Из кустов высунулась медвежья морда, глядя на меня подозрительно. Я настолько устала, что твердо решила, что в нашем случае дохлым придется прикидываться ему, а пирожок с ягодами поможет в этом нелегком для начинающего актера деле.

— Пшел вон! — возмутилась я, слыша, как медведь ломает ветки и голову над тем, царь он или не царь местной природы.

— А лапку поднимать не пробовала? — осведомился знакомый голос, когда я наконец-то уселась в засаде, а на моем лице проступила нескрываемая гримаса блаженства.

— Зачем? — процедила я, понимая, что остановиться уже не могу, а корзинка далеко.

— А так видно больше, — с явным интересом выдал волк. — Ты метишь мою территор-р-

рию, моя сладенькая булочка в чер-р-рном капюшончике. Поздравляю, мы тепер-р-рь соседи! Правильно, я же животное, зачем передо мной стыдиться. Что естественно, то не без ор-р-ргазма!

Я сопела так, что ежи записывались на мастер-класс, посматривая в надежде, не пробегают ли мимо охотники.

— Ты думаешь о том же, о чем и я? — сладенько заметил волк, пока я мысленно прикидывала, где купить ружье. — Подсказываю, волшебное слово «брак»...

— Браконьеры? — с надеждой спросила я, понимая, что с каждой минутой вношу свою лепту по спасению дикой природы, пытаюсь держать себя в руках. Волк поперхнулся.

Холодало, зубы отбивали пламенное фламенко, а я зябко куталась в накидку и шла неразборчивым бульдозером сквозь лесную чащу. Если совсем будет плохо, то удар пирожка о пирожок должен увенчаться костерком! Волк шел за мной, а я решила, что если не обращать на него внимания, то сам отвяжется. На небо лениво выполз желтый глаз луны и тут же стыдливо спрятался в рвань облаков. Приехали!

— И? — заметил волк, пока я смотрела на замшелый камень и тропинку, которая разделилась на две. Одна убегала в густую чащу, зато вторая ровно вела к какому-то просвету. В деревне ничего не говорили про тропинку. Ничего-ничего! За это я еще приду и буханкой хлеба по голове поясню принципы работы навигатора.

— Все тр-р-ропинки ведут к дому стар-р-рушки, — послышался голос волка, а он подошел ко мне, глядя на меня с жутковатой, зубастой улыбкой. — Левую пр-р-ротоптали р-р-родственники с целью получить недвижимость после ее кончины, а пр-р-равую стар-р-ренькая, др-р-ряхленькая бабушка, которая волокла по ней без телеги четыр-р-ре мешка из дер-р-ревни. Левая длиннее, а правая, разумеется, короче. Советую пойти по пр-р-равой.

Я смерила подозрительным взглядом пушистый навигатор. Не про твой сытый месяц жизни, я обзавелась упитанными прелестями!

— Пойду по левой. Только потому, что ты советуешь! — ответила я, понимая, что за мной уже послали санитаря. Вот он, сидит и смотрит на меня нехорошими глазами. — Красная Шапочка пошла по правой и плохо кончила!

— Пр-р-рости, а Кр-р-расная Шапочка, точно была женского пола? — прищурился волк, но я оценивала перспективы жилья, где неприятности были «в шаговой доступности».

Я гордо свернула налево, прошла метров двести, слыша, что за мной не крадется зубастый экскурсовод, а потом обернулась. Никого! Вот и замечательно! Я шевелила булочками, чувствуя, что недвижимость в этом районе продает только риелтор с лицензией на отстрел.

Кустики молчали, а я брела, хватаясь за колючий бок. Внезапно мой взгляд отследил силуэт маленького домика, а я выдохнула с облегчением. Ну все! Пришла! Прокашлявшись, я подошла к приоткрытой двери и поправила пирожки.

— Здравствуйте, смерть вызывали? — спросила я, вспоминая свою практику.

— Да-да, входите! — сипло прокашлялась старушка, а я рванула дверь на себя, вдыхая запах сырости, кислоты и чего-то съестного, решившего покинуть этот бранный мир раньше бабки.

Дверь заскрипела, как фильме ужасов, а я с деловым видом поставила корзинку у входа, осматриваясь по сторонам.

— На что жалуетесь? — поинтересовалась я, осматривая убогий интерьер, который освещала луна, заглянувшая в окно. Несколько деревянных шкафчиков, столик со скатертью, стул, скамейка, куча мешков и старенькая кровать, на которой лежала бабка, накрытая горой одеял.

— На жизнь, — тихонечко прошептала бабка, а я прислушалась. У бабушки явно шалили гормоны. — На цены, на короля, на политику, на родственников проклятых.

— Я пирожки принесла? Принесла! Вставай, пошли! — устало заявила я, понимая, что бабуку нужно куда-то отвести, но куда я смутно понимала. Ладно, разберемся.

— Не могу-у-у, — жалобно заметила старушенция противным наигранным голосочком мужика, который отпустил неудачную шутку чемпионке мира по единоборствам. — Встать не могу... Прикрой окошечко, бабушке холодно!

Я прошла к окну и хлопнула ветхими ставнями, нетерпеливо ожидая кончины бабки. Стоило мне только присмотреть стульчик, на котором легко отстегнуть ноги, приземлиться на него, как послышалось:

— Открой окошечко, бабушке жарко...

Я встала, распахнула ставни и снова посмотрела на стул и на бабуку, которая ворочалась под ворохом одеял и стонала так, словно рожает.

— Бабушка, а почему у тебя сорок седьмой размер ноги? — прищурилась я, глядя, как огромная, волосатая нога сорок седьмого размера кокетливо выглянула из-под утеплителя.

— Так я мешок с картошкой на него уронила, — проскрипела бабка, которая с такой пушистостью может, смело зимой на снегу спать, а нога тут же юркнула обратно.

— Бабушка — бабушка, — заметила я, понимая, что на зрение не жалуюсь исключительно потому, что для того, чтобы написать жалобу, нужны очки. — А что ж ты такая пушистая?

— Видала мою пенсию? Это — единственный мех, который я могу себе позволить! — заерзала бабулька, а я подошла поближе, слыша сопение под одеялом. — Специально к старости отращивала, чтобы не замерзнуть.

Я подтащила стульчик и села рядом, глядя, как бабка накрылась одеялом с головой и простонала.

— А это что такое под одеялом выпирает? — поинтересовалась я, присматриваясь и понимая, что грудь не могла так низко пасть даже в старости. Бабушки любят поговорить о болячках, а тут целая почва для диалога.

— Это? — спросила бабка, а холмик зашевелился. — Это мой котик. Тоже. греется. Под одеяло взяла. А то замерзнет.

Я поджала губы, глядя на заботливую бабушку и вспоминая плешивого, как мой коврик, котишку, которого видела в зеркале.

— Вот помру, а о котике заботиться некому будет, — негромко заметила бабка, а я уже передумала забирать бабуку. — Я бы сразу померла, да котик один останется. Кто ж его кормить будет?

Я грустно посмотрела на холмик, а потом тяжело вздохнула: «Бедненький». Мои глаза наполнились слезами, когда я представила, как котик ищет свою бабушку, жалобно мяукает, а бабушки уже нет. Так! Я — Смерть, на минутку!

— Давай, бабушка, собирайся! — нервно заметила я, лаская взглядом холмик. — Главное, не переживай. Твой котик в надежных и нежных руках! Ой, а высунуться он не может.

Я жалобно посмотрела на холмик, который зашевелился. На всякий случай я зажала руки между колен, напоминая себе, что гладить чужих котиков неэтично.

Сколько раз я ловила себя на том, что, придя к кому-то в гости, начинаю тискать и гладить котишку. Многие знакомые котики уже при виде меня тут же залезают под кровать, шипят и царапаются. Сюки, мерзкие! А я их, между прочим, люблю.

— Да куда ж он вылезет? Пригрелся. Лежит, меня лечит, — тут же отозвалась бабка, а холмик увеличивался. — От ревматизму. Он у меня хороший.

— Я бы его погладила... — не выдержала я, умиляясь ответственному котик. Помню, в

зеркале у бабки маячил котишка, причем вид у него был жалкий. — Не царапается?

— Женскую руку любит! Мужикам не дается, — вздохнула бабка, а котик снова шевельнулся.

— Игривый он у меня. И ты ему понравилась. Прямо, чувствую, как понравилась. Ну, гладь, не бойся. Замерз он бедный.

Я положила руку на холмик и стала нежно поглаживать.

— Хороший, — заметила я, проводя рукой по одеялу и чувствуя, как котик зашевелился. — А худой-то какой! Ты что? Его совсем не кормишь?

— Г олодает он у меня последнее время, — приглушенно заметила бабка, тут же превращаясь в моих глазах в живодерку. — Я ему одну предлагаю, а он не хочет. Другую — тоже не хочет. Привередливый стал.

— А что предлагаешь? — спросила я, понимая, что однажды я обязательно заведу себе котика.

— Рыбку?

заведу себе котика. — Рыбку?

— Да, и рыбоньку, и птичку, и цыпочку, и даже заюшку, — вздохнула бабка, а я сочувственно на нее посмотрела. — Раньше ведь все ел! И много. А сейчас что — то затосковал. Переел, в свое время, видимо.

— А может, ему киску хочется? — спросила я, вспоминая орущую по весне кошачью братию.

— Вы его с киской пытались познакомить? У него есть котята?

— Эм. — замялась бабка. — Нет. Вроде нет.

— Это хорошо, — вздохнула я, глядя котика и глядя в окно. — Но если будут — не топите! Лучше мне их отдайте! Я их воспитаю! Ой, а почему он не мурчит?

— Так не умеет, — простонала бабка, а котик зашевелился. — Не мурчит и все тут.

— Бедненький, маленький, — погладила я довольно крупного, но тощего кота сквозь одеяло.

— Что ж ты так переживаешь? Здесь я, здесь. Я тебя не обижу! А он у вас породистый?

— Да. Благородных кровей., - простонала бабка. Видимо, ей совсем плохо. — Ой, когтями вцепился. Ой, не могу.

Я задумчиво сидела на стульчике и вздыхала о кошачьей доле. Вот так всегда. И ведь жалко же животное. Пропадет.

— А не пахнет от него? — принялась я, вспоминая запах «кошачьих» квартир, в которых при первом вздохе понимаешь, что где-то здесь обитает половозрелый кот.

— Не должно. Он мылся, — внезапно застыла бабка, а я почувствовала, как ее рука легла мне на колено, поглаживая его сквозь черный халат с капюшоном. Луна исчезла, а в домике становилось темно.

— Ладно, бабка. Поговорили и хватит. Мне нужно тебя взять, — вздохнула я, задумчиво глядя на дверь и занавески, которые колыхались от ветерка.

— Слушай, а котик у тебя не больной, случайно? А то обычно котики игривые! Они же ночные животные! Может его клещ сосет? У моей соседки был котик, а потом приболел! Его клещ сосал! Умер потом. Не спасли...

— Ммммм, — простонала бабка, явно расстроившись, что котик в любую минуту последует за ней на тот свет.

— Вяленький он у тебя, — вздохнула я, почесав котика, как следует. Луна окончательно исчезла, а в доме стало так темно, хоть глаз кому-нибудь выколи, чтобы свет включили!

Бабкина рука сжала мое колено, а я обернулась. В темноте на меня смотрели желтые, глаза с хищным разрезом, а широкая, обольстительная и наглая улыбка с острыми белоснежными зубами, заставила меня недоверчиво потрясти головой. Луна снова появилась в оконце, осветив роскошные бицепсы и трицепсы на атлетической фигуре со вздувшимися шрамами жил. Я с грустью смотрела на вздымающуюся от дыхания грудь и сползала взглядом на пресс. «Кубики пресса. Набор для девочек от совершеннолетия и до победного!. Да у него кубиков на прессе больше, чем в детском наборе! «Бойтесь заглатывания мелких частиц!»,

— несло меня по рельсам всех виденных мною инструкций. Одеяло сползло ему на бедра, а улыбка, похожая на добрый волчий оскал стала еще шире.

— Где моя бабка? — сурово спросила я, понимая, что следов кровавой борьбы обнаружено не было. — И мой котик?

— Ррррр мой сладкий пирожочек, — произнес сладкий, чуть хриловатый, но уже подозрительно знакомый голос, а потом опустил глаза на то место, где лежала моя рука, наглаживая котишку. — Мяу.

Я бросила тоскливый взгляд на красавца и попыталась резко встать со стула. Старенький стул жалобно простонал подо мной, но меня тут же схватили рукой и потянули к себе. В голове промелькнул весь ассортимент женихов, предлагаемых мне судьбой от облезлых мачо до «ладно, пока с тобой перезимую». Я посмотрела на огромную даже по меркам моих булочек лапу, решила, что раз он как бы животное, то изысканного мата не поймет, поэтому ответила коротко:

— Пусти, иначе я на тебя упаду!

На меня смотрели с такой улыбкой, от которой у меня по спине побежали мурашки. Красавец резко сел на кровати, интригуя взгляды одеялом на бедрах.

— Я — не та, кого ты ищешь! Я — Смерть! И, возможно, даже твоя! — заявила я, в надежде, что доведу мужика до мурашек. А что? Он довел меня до мурашек, я его, а потом разошлись! — Поверь, потом все грустно! Ты, твои переломы и я, стоящая возле койки! Ты не будешь всем объяснять, что смерть просто мучится угрызениями совести!

— Если ты смерть, то ты — самая красивая смерть, мой сладкий пирожок, — послышался его голос, а я ревниво отбирала у него мои прелести, честно пытаюсь сбежать.

— Посмотри на меня, если мужик не сбежал от меня на третий день, то мои знакомые уверены, что я оторвала ему ноги! — икнула я, пытаюсь убедить его, а что-то внутри жалобно требовало, чтобы я убегала помедленней. — Я очень опытная и искушенная женщина! У меня, между прочим, за спиной двести головокружительных романов с роскошными мужиками! Они до сих пор стоят!

— Разорву, — заметил красавец, давая мне понять, что книги лучше прятать от него подальше.

— Если кто-то к тебе приблизиться, разорву. Никто не имеет права претендовать на мою сладкую булочку...

— Тебя не смущает разница в размерах? — достала я последний аргумент. Не знаю, что меня больше тревожило, то, что меня к себе настырно тянет мужик — мечта, или то, что меня ждут большие неприятности из-за бабки.

Красавец встал, а я даже забыла, что вырываюсь. Надо мной нависала пафосная глыба мускулов. Даже внутренняя рулетка, которая явно должна быть у любой уважающей себя смертушки, пыталась оценить масштабы счастья, которое вот-вот навалиться на меня, явно сломалась, насчитав два с половиной метра роста.

— Смущает, — прошептал он, а я почувствовала, как он снимает ленточку с моих волос. — Но я не буду торопиться с моим маленьким пирожочком. Я могу быть очень нежным, когда хочу.

Совість пошморела на меня грустными глазами и засобиралась на пенсию, требуя заплатить ей надбавку по инвалидности, пока я сморела на огромную махину, которая нежно положила лапищу на мою грудь.

— Какой милый котенок. Можно я его поглажу? Их даже две? Девочки, я так понимаю? Не царапаются? — услышала я, поражаясь наглости и самоуверенности. Нет, конечно, если бы была бы одна и царапалась, то и я бы сейчас была одна, наедине с выбитой дверью и большим-большим приветом на полу.

— Так, все! Я пошла! — возмутилась я, опомнившись. Глядя на мускулы я чувствовала себя представительницей ну очень слабого пола, а потом вспомнила, что слабый пол — это гнилые доски! — Понимаешь, мне нужен мужик с вот таким.

Я показала на пальцах размер неплохого окуня, а потом передумала и расширила его до средней акулы.

-. терпением! Потому что я — Смерть! — продолжила я, пытаюсь припомнить пару мотивирующих страшилок про несуществующих знакомых, которых отсутствие совести подкосило, как траву. Рука обняла меня за талию, а я приподняла брови, удивляясь, что она у меня, оказывается, есть. И очень хочет есть, урча голодным желудком!

— Поверь, мой сладкий пирожочек, с терпением у меня все в порядке, — слышался голос, а я уже чувствовала, как меня поднимают на руки и держат.

— Пусти! Ты с ума сошел! Я высоты боюсь! — заорала я, брыкаясь и слыша смех прямо в ухо.

— Мамочки! Спасите! Помогите! Он меня уронит!

Последнего героя, который отважился на такой подвиг, по собственной инициативе я узнаю из тысячи по полусогнутым трясущимся коленкам, выпуклым глазам, скрошенными в пыльцу зубам и сложенному позвоночнику.

— С чего ты решила, что я уроню? — изумился таинственный знакомец, а я увидела ослепительную улыбку хищника уже вблизи и нервно сглотнула.

— У меня.... Эм... характер тяжелый! — нервничала я, судорожно цепляясь за чужую шею. Я нервно дышала, вспоминая, как мой копчик уже однажды поздоровался с землей.

— Не бывает тяжелых женщин. Бывают мужики со слабыми руками. Не бывает тяжелого характера у женщин, бывают мужики со слабыми нервишками, — услышала я голос, понимая, что совесть уже передала дела безрассудству, а та уже прикидывает, как мы завтра будем смотреть себе в бесстыжие глаза.

— А потом ты снова превратишься в волка, утратишь человеческий облик, отрастишь хвост и вообще опустишься, как личность, — я зажмурилась, понимая, что рано проводила совесть на пенсию. На ней еще пахать можно. А когда она умрет, я ее кремирую. И будет она в песочных часах дорабатывать.

— Не хочешь испытать мое терпение, — сладко прорычали мне на ухо, а я почувствовала, как меня лизнули в щеку. Жалобно поджав губы, я открыла глаза, глядя в светящиеся глаза. Взгляд у него был тяжелый, но умный. От такого взгляда стыдливо умолкают соседские перфораторы, хулиганы в подворотне резко бросают курить и переходят на легкую атлетику, а мелкое ворье бежит за владельцем с кошельком и словами: «Вы случайно уронили!».

Светящиеся желтые, нехорошие глаза с хищным разрезом сузились, а на припухлых губах дрогнула улыбка в стиле: «Ничто не предвещало беды. Ничто не предвещало еды». Белый шрам на темной брови как бы намекал, что дипломатия у него в отличном состоянии исключительно потому, что ей пользуются редко.

— Я тебя поцелую, — брови подняли вверх, а улыбка обнажила внушительные клыки.

— Нет! — опомнилась я, пытаюсь вырваться. Я видела, как его язык коснулся белого клыка и облизал его.

— Я не спрашиваю, — он приблизился ко мне. — Я просто предупреждаю. А потом я тебя раздену.

— Это вопрос? — я чувствовала, как меня держат на одной руке. Что происходит? Совесть! Вернись! Я все прощу!

— Нет, моя булочка. Это предупреждение.

Моя несчастная хламидка лежала растерзанной на полу, а совесть решила пойти и застрелиться. Я чувствовала, что отвечать на глубокий и жесткий поцелуй вовсе не обязательно. Я почувствовала себя маленькой девочкой, которой не терпится поиграть с кубиками прессы, а яростные поцелуи заставляли меня тихо постанывать.

И тут я услышала странный звук, словно кто — то открывает дверь, но обращать внимание на такие мелочи я упорно не желала, мысля масштабами куда более крупными и увлекательными.

— Ой! — послышался скрипучий голос. В стиле «ню», в позе «но», я повернулась, видя бабку в двух мешках, которая ввалилась в дверь и застыла на пороге, глядя на меня четырьмя глазами. Два глаза — блюдца явно принадлежали бабке, а еще два, предположительно, коту, сидящему у нее на плече.

— Мяу! — истошно выдал кот, впиваясь когтями в знатно обалдевшую бабку, а я смотрела на них взглядом наездницы, проскакавшей двадцать километров.

Мне вообще показалось, что она в очках была, но потом стало понятно, что это глаза. Волк тоже лениво перевел взгляд на бабку, у которой глаза были размером с пенсию.

Котишка не нашел ничего лучше, как шлепнуться оладушком вниз с бабки, которая сползала по дверному косяку. Не знаю, к кому я тут приходила, но старенькая кровать, пережившая, видимо, уже не первую бабку, выбрала удачный и торжественный момент, чтобы с грохотом рухнуть вниз, увлекая за собой меня и того, за кого мне завтра будет очень стыдно.

— Караул! — завопила бабка, опомнившись и бросаясь из дома. Я уже экстренно пыталась нащупать одежду, за которой далеко тянуться не пришлось. — Караул! Помогите! Насилуют!

— Кого? — слышались мужские голоса, а я уже натянула белье, пытаясь натянуть сверху мантию. — Тебя, бабка?

— Нет! — верещала бабка. — Помогите! Помогите!

— Внучку? — снова заорали мужские голоса, приближаясь к дому со скоростью, которую я бы оценила, как раненый в попу гепард. — А ну быстро прекрати! Сейчас мы тебе покажем!

Что конкретно мне собирались показать, я так и не узнала, но видимо, что-то очень важное.

— Да нет же! — вопила бабка на весь лес. — Мужика!!! Мужика насилуют!!!

В этот момент желающие влететь в дверь внезапно затормозили, опасливо пытаясь заглянуть в окно. В свете полной луны в их руках блеснули топоры. Внешне они выглядели так, что деревья сами должны были падать к их ногам, при виде такого безобразия.

— До встречи, мой сладкий пирожочек, — меня бесцеремонно притянули к себе, а потом потерлись носом о мой нос.

— Конечно, встретимся! Если через двадцать лет ты будешь идти по улице, а тебе в голову прилетит кирпич, можешь не оборачиваться. Это — я, — мрачно попрощалась я, понимая, что есть вероятность того, что это была моя последняя попытка наладить личную жизнь.

Я видела, как в темноте на меня уже смотрит огромный волк, который ловко вылетает в открытое оконце, оставляя меня наедине с вооруженными мужиками.

— Кто здесь? — прошептал один из них, а я упорно решила изображать то самое неразговорчивое чудовище. Ради приличия, я даже громко почавкала.

— Ты слышал? — послышался тихий голос, а ко мне сразу прониклось уважением. Разве что честь не отдали. — Оно что-то жрет...

— Кого-то! — поежился второй, стуча зубами так, что где-то на лазурном побережье умолкли кастаньеты. — Отвечай, ты кто?

Я попыталась встать, но тут же почувствовала, как старая доска под ногой проломилась, а поцелуй моей попы и спинки кровати завершился душераздирающим воплем. «Попа!!! Вава!!!», — растирала я, постанывая и кривясь.

— Попобава? — отчетливо произнес один из дровосеков, мечтающих прикинуть, сколько во мне годовых колец.

— Да, — мрачно заметила я, чувствуя себя старой развалиной. — Насилую мужиков, и требую рассказать на утро каждому, что было той ночью. И если кто-то стесняется поделиться новым опытом, я прихожу еще раз! До тех пор, пока не наберется смелости!

— Заходи слева! — послышалось из-за приоткрытой двери. «Что там?», — встревожился скрипучий бабкин голос. — Я справа!

Доброй бабушке тоже было интересно, а я мрачно прикидывала дальнейшее развитие сюжета. Запах «хэппи энда» становился таким слабеньким когда в дверях появился первый вооруженный топором герой, мечтающий избавить мир от нечистой силы.

— Да я тебя убью! Берегись, чудовище! — завопил осторожный дровосек, явно рассчитывая на то, что слабонервное чудовище умрет от сердечного приступа. — Ты сейчас найдешь свой конец!

Осмелевшая бабка, которая протиснулась в дверь, увидела капюшон и заорала: «Так это же смертушка!!!».

Дровосеки внезапно осмелели и нагло, вразвалочку вошли в дом. «Ха, слышал, как смерть отмудохали? Ну-ну! Вот и она, красавица!»

— Ну что ж, — заметила бабка, потирая ручки и глядя на меня. — Прогонять смертушку будем! Думаешь что? Боимся тебя? Не зря, ребятушки, я вас с собой позвала! Ой, не зря! Как чуяла, что придет!

— Что приперлась? — усмехнулся огромный, грязный дровосек, поглаживая пальцем свой топор. — Срок подошел? Ну-ну, расскажи! Ну что? Сильно в той деревне досталось? Или как?

— В какой деревне? — уточнила я, не припоминая таких сомнительных эпизодов в своей биографии.

— А ты что? Не помнишь, как тебя всей деревней метелили? — нахально бросил второй дровосек, разминая кулак. — Боишься нас, костлявая? Правильно, бойся!

— Сюки вы мерзкие! — обиделась я, глядя на компанию нехорошим взглядом.

— А ничего ты нам не сделаешь! — нагло ухмыльнулся первый дровосек. — Мы-то прекрасно все прекрасно знаем, когда помрем!

— Ты что? — улыбнулась я, заготавливая кирпичи на будущее. — Бессмертный? Рано или поздно я и за тобой приду!

— Ой, напугала так напугала! — ткнул в меня пальцем первый детина с топором. — А что, нет, по-твоему? С каких пор люди у нас помирать начали? Да каждый ребенок знает, как тебя обмануть! Это раньше тебя боялись, а сейчас что тебя бояться? Ну, держись, смерть!

— Надо будет всем рассказать, как мы ее! — толкнул его локтем коллега по лесозаготовочному цеху. — А то что это? Все метелили, а мы нет!

Что?!! Смерть бить? Они что, совсем страх потеряли? Не понимаю, что здесь происходит! Надо было косу брать! Ой, надо было! Вот не зря зеркало рекомендовало! Было бы, чем отмахиваться! Я нервно сглотнула, пятясь и видя с каким напором на меня марширует войско из двух вооруженных дровосеков под предводительством старого генерала в юбке. Даже бабкин кот гадюкой шипел на меня, прижав уши.

Внезапно дверь открылась, а я поняла, что жизнь иногда умеет ставить тебя в такие позы, что «Камасутра» нервно шелестит страничками. Хотя телохранителя нанимай!

— Мой сладкий пирожочек, я забыл поцеловать тебя на прощание! — послышался знакомый голос, а на пороге стоял огромный волк. Список: «Я тебе припомню» вырос еще на несколько пунктов.

— А что это тут у нас? — заметил волк, облизываясь на дровосеков. — Два дровосека! Какая пр-р-р-релесь! И давно вы др-р-ровосеки?

Хищный оскал волка был слегка похож на улыбку, а дровосеки слегка занервничали, растеряв свой пыл.

— Отвечать, иначе в дупло получите! — ласково облизнулся волк, поглядывая на основную ударную силу бабки. Я отчетливо видела, как он движется в их сторону.

— Ты нам ничего не сделаешь! — заявил один из дровосеков, болтаясь в воздухе и пытаясь замахнуть топором.

— Слышишь, сучок, я тебе сейчас листики обор-р-рву, — очень проникновенно заметил один блохастый романтик с большой дороги, переводя взгляд на старые сапоги почетного работника ножа и топора. — И корешки отор-р-рву!

— Это же... — задохнулся один из дровосеков, бледнея и начиная трястись. — Нет, нет...

— Я по запаху чувствую, что догадался, — оскалился улыбкой волк, потянув воздух. Он поднял морду и завыл так, что у меня по коже пробежали мурашки, столпившись где — то в районе вечного ледника, прикрытого цветными трусами.

— Не убивай нас. — зашелся в истерике второй дровосек, роняя из трясущихся рук топор, и

падая на колени. — Прошу тебя. Ты же не убьешь нас? Ты же не за нами пришел?

— Мой сладкий пирожочек, — послышался голос. — Отвер-р-рнись. Или глазки р-р-ручками пр-р-рикрой...

— Нет-нет-нет, — икали дровосеки, крепко обнимая друг друга. Кот снова грохнулся с бабки, делая вид, что сдох сам.

— Отвер-р-рнись! — рявкнул на меня волк, а я послушно закрыла глаза руками. Через мгновение все стихло. Дровосеков нигде не было. Не было ни крови, ни обрывков одежды. Одни лишь топоры намекали на то, что здесь только что стояли в обнимку для мужика.

— Убери его! — завизжала бабка, испуганно пятясь.

— Это было последнее желание? Я пр-р-равильно р-р-расслышал? — послышался голос волка, а бабка побледнела, пытаясь объяснить, что таки нет!

— Уходи, — вздохнула я, а волк оскалился улыбкой и растворился в ночи. Над головой бабки появились песочные часы, а вниз летела последняя песчинка.

— Нет, нет, нет, госпожа Смерть! — завывала бабка, падая на колени. — О, великая Богиня Смерти! Я пошутила! Я не загадывала последнее желание! Вы же не заберете меня? Мне еще рано умирать! Смиловитесь!

— Нет, нет, нет, госпожа Смерть! — завывала бабка, падая на колени. — О, великая Богиня Смерти! Я пошутила! Я не загадывала последнее желание! Вы же не заберете меня? Мне еще рано умирать! Смиловитесь!

Я протянула к ней руку, чувствуя, как все вокруг растворяется, а я оказываюсь в своем храме.

— Я же говорил брать с собой косу, — заметило зеркало, а маленький светлячок, орущий, что он слишком молод, влетел в зеркало и исчез. — Чтобы от местных отбиваться. Я же предупреждал, что без косы лучше не выходить! Предупреждал!

Что-то я не понимаю! Что это за оптимистичные настроения у местного населения? Откуда это неистребимое жизнелюбие? Я подошла вплотную к зеркалу, схватив его за раму.

— Так! Свет мой зеркальце, скажи, — начала я, а потом посмотрела на себя и ужаснулась рваному капюшончику и прическе «утро в деревне». — Да в штаны не наложи! Вот с какого это гадства люди смерти не бояться? А?

Зеркало посмотрело на меня светящимися глазами, пока я внимательно изучала прыщ на подбородке. Ничего-ничего, сейчас мы его ликвидируем.

— Только не в меня! — возмутилось зеркало, когда я занялась косметической процедурой.

— Вот зря ты так! Я еще как-нибудь сонной в тебя посмотрю! И с перепоя! — пообещала я слабонервному зеркалу, светящиеся глаза которого расширились от ужаса. — И с потекшим макияжем! Так, давай, переноси меня в бабкин дом. Мне там кое-какие вещички забрать нужно!

Через полчаса я стирала в лоханке свою рабочую одежду и единственное белье в цветочек, сплевывая волосы и кряхтя. Прямо перед зеркалом тянулась веревочка, на которой висели деревянные прищепки.

Зеркало помутнело, пошло черной и зловещей дымкой, глаза померкли, а я увидела буквы, проступающие на зеркальной глади. Я прищурилась, пытаюсь прочитать мелкий шрифт.

— Уже бегу за лупой! — скомандовала я, пытаюсь разобрать слова.

— Я знаю рысцу, аллюр, галоп, но этот новый вид бега вызывает у меня больше вопросов, чем ответов, — озадаченно заметило зеркало, пока я вчитывалась в то, на что подвизалась.

— Договор между людьми и богиней смерти, — прошелестела я губами, а бровь поползла наверх. — Пункт первый. С этого момента люди перестают умирать сами по себе. Пункт второй. Каждый рожденный знает дату своей смерти. Пункт третий. Для того, чтобы человек умер смерть должна прийти к нему лично в день смерти. Каждый имеет право загадать последнее желание, и смерть обязуется его выполнить. Если смерти не удастся выполнить последнее желание, то человеку назначается новая дата смерти. Пункт четвертый. Смерть не имеет права прятаться под покровом. Отныне она видима для всех.

Я прочитала эти пункты, прикидывая, где же этот юрист-самоуродок, который составлял этот договор.

— Так, свет мой зеркальце! — возмутилась я, вешая трусы на веревочку и заматываясь в какую-то простыню. — Как допустили такое безобразие?

— У меня для тебя две новости. Кошмарная и ужасная. На какой хочешь кончиться? Начну с кошмарной. Договор составлен в единственном экземпляре и скреплен кровью. А теперь ужасная. Он потерян, и никто не может его найти, — красивым голосом заметило зеркало, но тут же возмутилось. — Так, а это что такое? Что это за занавеска в цветочек? Фу! Фу!

Зеркало дуло на трусы, а они колыхались от порыва дыхания.

— Молодец, — похвалила я, глядя на то, как несчастное зеркало дует на мое белье. — Дуй активней. Трусы высохнут, я накидку придвину!

— Ты что себе позволяешь? — задохнулось от возмущения зеркало, пока я искала другие двери в комнате, кроме унылой ванной. Мой взгляд скользнул по удобствам, а что — то мне подсказывало, что трезвой я туда больше не зайду. Усталость валила меня с ног, пока я искала диван или кровать.

— А что ты... фу!.. ищешь? — ядовито поинтересовалось зеркало.

— Место для ночлега, — устало буркнула я, понимая, что впечатлений за один день

хватит даже на такую попу, как моя. — Разобью палатку и лицо того, кто завтра разбудит меня раньше полудня! Так, а где диван? Кровать? Лежанка?

— А предыдущая смерть не спала. Точнее спала, прислонившись к дверному косяку, — заметило зеркало, возмущенное тем, что у него появилась кокетливая шторочка в цветочек и бантик.

— Итак, тебе нужно завтра забрать пять душ! И лучше начинать прямо сейчас!

— Ага, бегу! Сейчас трусы сниму и помчусь! — обиделась я, глядя на свою веревочку и понимая, что с таким графиком «сходить в туалет» равносильно отпуску.

— Ты знаешь, с кем ты разговариваешь? — мрачно поинтересовалось зеркало, дуя на трусы.

— Я — бездна.

— Меня это должно впечатлить? — поинтересовалась я, нервно кутаясь в простыню. — Как глубоко меня это должно впечатлить?

— До глубины души, которую я сожру в первую очередь, — вкрадчиво ответило зеркало. — Меня нужно постоянно кормить.

— Какая прелесть! — вздохнула я, всплеснув руками. — У меня есть мужик — добытчик!

— Когда-то давным-давно я охотился самостоятельно. Людям это не нравилось. И тогда меня сумели заточить в зеркало и назначить ту, которая будет охотиться для меня. Люди назвали ее Богиней Смерти. Каждый месяц она должна приносить мне души людей. Как только душ не будет, я вырвусь, у этого мира будут большие неприятности, — зеркало понизило голос до зловещего шепота. — Но начну я с тебя, моя дорогая Богиня Смерти. Последнее время я сильно не доедаю...

— Отлично! Я уже чувствую себя львицей в прайде. Р-р-р! Мяу! — я сделала жест рукой, словно собираюсь потрогать его лапой. Грустным взглядом я посмотрела на своего кукушонка, понимая, что только что двинулась кукушкой.

Зеркало хищно улыбнулось, пытаясь произвести на меня впечатление. Я посмотрела на него грустненько, понимая, что сдохнет зверюшка у меня. Жаль ее.

— И что? — пожала плечами я. — Это не самое худшее, что я видела в зеркале, поверь мне. Так что не впечатлил. Дуй на трусы, а я дую спать.

Соорудив лежанку из стульев, я расположилась на них в позе вождя мирового пролетариата и спящей красавицы. Усталость просто валила с ног, поэтому я твердо решила, что если проснусь раньше времени от поцелуя принца, то он уснет раньше времени от удара по голове.

В темноте ко мне тихо кралась совесть, требуя объяснений. Сереньким волчком совесть взгрызлась в мой бочок.

— И повыше отгрызи, пожалуйста, — проворчала я, подкладывая руку себе под голову. — Не стесняйся! Может, это был последний шанс в моей жизни устроить личную жизнь!

Совесть беспощадно жевала меня, а я твердо решила утром поискать другую сердобольную кормилицу для голодного зеркала. У меня были хомячки, канарейка, два кота, один пес, но бездны еще не было!

Я дремала, чувствуя как при каждом моем движении, подо мной трагически скрипят старые стулья.

— Фух! — слышалось сквозь дрему. — Фух! Мы еще не договорили! Фух!

Вслед за совестью прокрался стыд, помогая совести отгрызть кусок нервных клеток. Я — приличная девушка! Совесть поддакнула, а я засопела и заворочалась. Я никогда не целовалась на первом свидании! И даже на втором, потому что второго зачастую не было! «Понимаешь, ты мне действительно понравилась!», — вздыхал ухажер, которого я

проводила домой в криминальном районе. «Но тут такое дело... Мне неловко будет показывать тебя друзьям. У них девчонки — модели. Понимаешь?», — рассказывал мне кавалер, опуская глаза, пока я прикидывала, что не хулиганов ему нужно бояться в темной подворотне, а меня после таких слов. Перед глазами появилось лицо бабушки: «И что с того? Мы все такие! У нас кость и душа широкая! Это у тебя семейное». Сновидения обрывались, а я отгоняла их со страшной силой, слыша, как подо мной жалобно скрипят стулья.

Утро наступило и, видимо, мне на спину, поскольку она затекла. Я попыталась встать, но утро прошло по мне, не оставив мне ни единого шанса.

— Вставай! Я голоден! — послышался голос бездны, а я сонно осматривалась по сторонам. Мрачный зал с черным мрамором стен, черепа, инкрустированные в мрамор, зловещего вида подсвечники из костей, несколько сухих венков, навевающих тоску и уныние. Костяные стулья, на которых я расположилась, жалобно проскрипели, а я зевнула и протерла глаза. Светлым пятном на веревке висело мое белье, которое я тут же проверила. Закутываясь в черный балахон, я все еще пыталась поверить в то, что я — Богиня Смерти в мире, где никто не умирает.

— Я голоден! — повторило зеркало, посылая во все стороны дымчатые флюиды. — Иди, работай!

— Я тоже, но мы с тобой, дружок, на диете, — зевнула я, глядя на несколько гробов, украсивших дальний угол зала. Ничего-ничего! Сейчас мы быстро тут порядок наведем. Я достала один из гробов, любясь мягкой и красивой обивкой, поставила его на пол.

— Есть хочу! — нудило зеркало, пока я рассматривала мрачные картинки на стенах. Перед огромной тьмой со светящими глазами стояла тощая фигура в черном капюшоне, распростерши руки и заслоняя мир, а за фигурой прятались испуганные люди. Я мельком взглянула на себя, понимая, что я — человек надежный. За моей спиной спрячется не только мужик, но и половина населенного пункта.

— Хорошо, — пошла на хитрость бездна, пока я с грустью смотрела на следующую фреску. Люди стояли на коленях перед Смертью и протягивали ей цветы и сладости. «Сюки вы мерзкие!», — шмыгнула носом я, вспоминая, как еле спаслась от преданных фанатов, мечтающих порвать меня на сувениры. — Вот оголодаю, как выскочу, как выпрыгну. И будешь знать, как не соблюдать условия договора.

— Какого договора? — потребовала я, глядя на голодное домашнее животное.

— Я сказал договора? Случайно оговорился! — ядовито заметила бездна, чем-то подозрительно урча.

— Понятно! — я поджала губы и подошла к урчащему, как холодильник, зеркалу. — Все! Я твердо решила! Верни меня обратно!

— Обратно? — удивилось зеркало, но тут же голос стал гаденьким. — Тогда тебе нужно найти замену. Тебе нужна девушка.

— Не вопрос, — мрачно отозвалась я, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. — На десять девонок по статистике есть одна смерть! Все нормально. Ищи!

— Она должна быть никчемной, никак не влияющей на судьбу своего мира, — снова гаденько продолжило зеркало, показывая мне тысячи женских лиц.

Вот зря я не голосовала на выборах. А ведь могла бы вступить в какую-нибудь полезную организацию по спасению хищной природы от еще более хищной...

— Она не должна иметь семьи, детей, — продолжало зеркало, а я тяжело вздохнула, но тут же поймала проблеск надежды. Есть столько женщин, которые еще не вышли замуж!

— Она не должна быть ни к кому привязана в том мире, — не щадило меня зеркало, пока я нервно сопела. — Ей по судьбе предначертано быть одинокой до конца своих дней.

А ведь мяукали за гаражами... Жалобненько мяукали. Надо было ловить и тащить себе!

— И самое важное. Конец ее дней наступает куда быстрее, чем она думает и рассчитывает. То есть, тебе нужна девушка, которой жить осталось несколько часов, и чтобы рядом с ней было зеркало, — в абсолютной тишине произнесла бездна, урча, как котик. — Ах, да, ты можешь это сделать только через сто лет после того, как ты стала богиней.

Настроение достигло плintуса, пробило пол, привет Люцифер, здравствуй Жюль Верн! Тяжело вздохнув я посмотрела на оплот скорби и поняла, что скорбеть буду долго.

— Итак, с этого дня ты начинаешь вести учет всем смертям. Указываешь причину смерти, согласно справочнику, — зевнуло зеркало, а я посмотрела на пыльный справочник, который подпирал ножку стола.

Я вытащила его, сдула многовековой слой пыли и пролистала. Старые страницы рассыпались в руках, а книга едва ли не развалилась на две части. «Идиотизм». Идиотизм делился на виды: «Смотрите, как я умею!», «Да ладно, смотри как надо, сейчас сам покажу!», «Ой, да кто вам сказал, что это опасно!», «Я тыщу раз так делал!», «Здесь опасно, давайте разделимся!». Пока я критически осматривала толстый фолиант, зеркало снова заурчало, а мне вывалился целый список имен под торжественной надписью «Должны умереть сегодня».

— Помни, по договору ты не имеешь права забрать человека до тех пор, пока не исполнишь его последнее желание! — напомнило мне зеркало.

— За кого меня держат? За золотую рыбку? — возмутилась я, понимая, что на исполнителя желаний. Я посмотрела на себя в зеркало, понимая, что золотые акулы в природе существуют, но они очень скромные, поэтому никто не успевает доплыть до берега и рассказать о них. — А может, я добрый Джин в лампе накаливания? Или старик Хоттабыч? Как я должна исполнять желания? Мне что? Волосы на голове рвать?

— Попробуй, — усмехнулось зеркало, а я посмотрела на свои полированные ноги, а потом на список желающих, приказывая волосам отрастать быстрее. Я вырвала с волосок с головы, порвала его на несколько частей, изобразила кислую улыбку и выдала: «Трахтибидохти бидох!». Я все еще стояла перед зеркалом, а оно мерзко улыбалось клыкастой улыбкой неведомого хищника.

— Ну как? Исполнилось? — поинтересовалось зеркало, снова урча и затуманиваясь серой дымкой. — Вперед! Находишь человека, которому суждено умереть, узнаешь последнее желание, идешь и выполняешь. Как только исполнишь, указываешь причину смерти и переходишь к следующему!

— Ничего, ничего! Скоро все будут бояться смерти! — потеряла я ручки, с тяжким вздохом глядя на список лиц, к которым должен прийти конец. Перед моими глазами появилось самодовольное лицо облезлого полуголого мужика в одних штанах, который, спокойно шел по улице небольшого городка, здороваясь со случайными прохожими.

Я положила руку на зеркало, чувствуя, как пальцы просачиваются внутрь, потом схватила косу, подпирающую стену, и через мгновение очутилась в темном и мрачном переулке, дожидаясь свою жертву. Опыт работы уже показал, что нападать лучше спонтанно и внезапно, пока жертва не успевает прийти в себя. Мусорные кучи облепили стены домов, неподалеку валялись старые доски, сломанная телега, а кто — то заботливой рукой развесил старенькое постельное белье. Послышались шаги, гулким эхом, отражающиеся от каменных стен, а я уже застыла для прыжка. Мужик, беззаботно насвистывая, шел мимо, пока я пряталась за мокрым бельем, вооружившись косой.

Мужик поравнялся со мной, а я попыталась выскочить на него, но попала ногой в старую, обмотанную веревками корзину, выронила косу, запуталась, пытаюсь пнуть подальше старую дырявую ловушку. Мокрая простыня шлепнула меня по лицу, я потеряла равновесие и упала вниз, слыша, как подо мной что-то жалобно пискнуло и умолкло. Пока я сдирала простыню с лица, послышался глухой стон.

— Ты кто? — сипло простонала невидимая за дырявой простыней лепешка, пытаюсь трепыхнуться напоследок. — Слезь с меня!

— Это было твое последнее желание! — обрадовалось я, сплевывая волосы. На меня

сверху завалилось оставшееся белье. Меня резко оттолкнули, но я не собиралась сдаваться и схватила его за штанину, усиленно дергая ее на себя.

— Аaaa!!! Караул!!! — завопила камбала, пытаюсь уползти подальше и отпихивая меня ногами. — Нет! Нет! У меня другое желание! Я хочу звезду с неба! Я...

— Я тебе сейчас дам звезды! Вот только белье сниму! — возмущалась я, пытаюсь сбросить с себя мокрое белье. Я ползла за ним, чувствуя, что со спортом мы друзья, но больше по переписке. — Стоять! Куда пошел! У меня серьезные намерения!

— Я женат! — орал мужик, а я упорно тянула его к себе двумя руками.

— Жена. Фух.... Фух... — задыхалась я, яростно дергая его, не смотря на отчаянное сопротивление. — Точно будет знать, где ты находишься.

Внезапно штаны перестали вырываться, а я слышала, как от меня со скоростью пять нецензурных слов в секунду удирал мужик. Я перевела взгляд на свои руки, в которых намертво были зажаты штаны, а потом грустно осмотрелась по сторонам, вскакивая на ноги.

— Стоять! — кричала я, выбегая со штанами на оживленную улицу. Мимо меня со скрипом проехала телега, груженная кудахчущими курами, кто-то истошно заорал: «Лучшее мясо во всем городе! Налетай!». И я налетела, сбивая с ног какого — то мужичка, обвешенного окороками.

— Ты что творишь? — опешил он, а я краем глаза видела, как жертва устремляется в сторону торговых рядов.

— Считаю, что я муха! — огрызнулась я, бросаясь вдогонку и видя, как мелькает среди одетых горожан один голый и прыткий бегун. Мужик перешел на скорость звука, а я, расталкивая прохожих на скорость крика: «Стоять!». Торговке с орехами досталось на орехи, торговцу тыквами по тыкве, а хитрый торговец яйцами сразу просек, что не нужно стоять на пути смерти, которая норовит снести ему товар с прилавка и повод для гордости.

— Помогите! Спасите! Она хочет меня взять! — верещала жертва, прижимая руку к самому дороговому и мельтеша голым задом среди возмущенных горожан, обильно высыпавших на рыночную площадь.

— Свежие колбасы, — кричал гнусавый голос, перекрикивая гул толпы и возмущения какой-то бабки ценовым беспределом. — Только недавно бегали!

Моя жертва услышала про колбаски, которые еще недавно от кого — то убегали, и дабы не повторить их участь набрала скорость. Я хваталась за бок, понимая, что никогда не слышала, чтобы смерть за кем-то бегала. В кулаке у меня были сжаты штаны, которыми я размахивала, как победоносным знаменем.

— Спасите! Она... меня хочет... — задыхался бегун, приставая к какому-то крепкому детине с мясницким топором и заляпанном кровищей фартуке в надежде, что мне нравятся мужчины с топорами, и мое внимание переключится на более жизнеспособного кандидата, но нет!

— Еще как! — на бегу огрызнулась я, видя удивленные и заинтересованные лица прохожих. — Что смотрите? Мужиков мало, а ласки хочется! Вот себе и заприметила кандидата! Это любовь! С первого гада!

Внезапно где-то послышался бой часов, а бегун встал как вкопанный. На остроконечной ратуше пробили старинные часы, а я домчалась до него, прикоснулась и. И ничего!

— Ансельм смог убежать от смерти! Если смерть не догнала в течение четырех минут, то я буду жить дальше! Ура! — закричал он, а я посмотрела, как на меня двигается заинтересованная в моем бегстве толпа. Меня тут же выдернуло, и я очутилась в мрачном храме, прижимая к груди штаны жертвы.

— Ну как охота? — ядовито поинтересовалась бездна, пока я гневно сопела.

— Ну как охота? — ядовито поинтересовалась бездна, пока я гневно сопела, все еще сжимая в руках чужие штаны.

— Он убежал, — горестно вздохнула я, все еще переводя дух и те заковыристые выражения, которые слышала в свой адрес в момент погони.

— Далеко? — осведомилась бездна, пока я рассматривала чужие штаны. — Забыл тебя предупредить! Если человек загадал последнее желание, а ты не забрала душу в течение четырех минут, то, считай, что он убежал от смерти, и ему назначается новый срок жизни.

— А почему этого не было в договоре? — возмутилась я, швыряя в зеркало чужими штанами и оседая на стул.

— Потому что это было изначальное правило, не имеющее отношения к договору. Смерть любит дерзких! — усмехнулась зубастой улыбкой бездна. — Если смерть пришла к тебе, а ты успел убежать от нее, и в течение четырех минут она не смогла догнать тебя, то тебе назначается новая дата смерти.

Отлично! Если спросят, кем я работаю, я могу смело отвечать, что за мужиками бегаю. И не только за мужиками! Мне высветилось следующее имя, а я понимала, что смерти при таких обстоятельствах нужны хорошие кеды и разряд по легкой атлетике.

— Мадам Намронель, — прочитала я, понимая, что такими темпами мои труповые будни подойдут к концу. Хотя, погодите? Смерть должна быть видимой? От смерти можно убежать? От смерти можно отмахаться последним желанием?

Я прищурилась, глядя на мрачные своды собственного жилища, где в пыльном углу стоял гроб с надписью: «Если что похороните меня здесь!».

— Мне нужно в город! — усмехнулась я, мерзко улыбаясь себе улыбкой злого гения. Перед моими глазами в туманной дымке зеркала поплыли картинки, а я пристально выискивала нужную.

— Сюда! — остановила я, глядя на целую веревку женского белья и одежды навывост, развешенного на улице. Через две минуты выгрузила все на крышку гроба, рассматривая серое застиранное платье и встряхивая его.

— Смерть должна быть видимой? — самодовольно заметила я, скидывая с себя черных халат и укомплектовывая прелести в старое платье. — Но нигде не сказано, что она должна носить черный плащ!

У зеркала отпала зубастая челюсть, когда я неумело плела косичку на своих волосах, пытаюсь завязать ее тесемкой. На меня смотрела девица на «заберите ее, пожалуйста!», а я повертелась и поправила грудь в декольте, затянув тесемочки. Мое отражение расплывалось, а в поплывшем тумане проступили очертания мрачного дома, в котором сидела старая женщина в накинутом цветном платке на плечи. Вокруг нее висели какие — то дивные штуки, напоминающие работы начинающих «очумелых ручек». Сушеная рыба голова была примотана к какой-то палке, а под ней виднелся маленький колокольчик. Рядом громоздилась горсть бус, вокруг которых была обмотаны какие-то сухие травы. Мадам расположилась в старинном потертom кресле, перебирая в руках карты и шевеля узкими губами.

— Гадалка? — заинтересовалась я, потирая ручки. Обожаю гадания! Через пару мгновений я уже стояла у почерневшей вывески: «Гадания и знаки судьбы. Третий глаз», а черная, старинная дверь мрачно приглашала узнать, что день грядущий мне готовит и под каким соусом преподнесет. Робко постучавшись в дверь, я услышала замогильный голос, пробирающий холодком до холодца.

— Войдите, — прозвучало, а я толкнула дверь, вслушиваясь в колокольчик, который глухо прозвенел над головой. — О! Я вижу твою судьбу! Всю правду про тебя знаю!

— Да вы что? — оживилась я, тут же присаживаясь на какую-то табуретку, оббитую тканью. В полумраке прыгал огонек свечи, а мое сердце застыло в тревожном ожидании. Морщинистые руки, унизанные массивными кольцами, тасовали старую колоду, чтобы

протянуть ее мне.

— Бери! — хрипловатый голос в полумраке заставлял мою руку дрожать. Я осторожно сдвинула колоду, видя, как на стол одна за другой ложатся карты.

— Хм... — задумалась гадалка, а потом посмотрела мне в глаза таким пронизывающим взглядом, что я застыла врасплох пойманным сусликом на колхозном поле. — Вижу смерть..

— Кого? — тут же оживилась я, а мне под носом поводили мрачноватой картой с обтрепанными краями.

— Со смертью шутить нельзя. Видимо срок твой уже на исходе! Но не печалься, я помогу тебе придумать такое желание, которое смерть никак не выполнит! Отведем ее, костлявую! Отведем!

Я грустно шмыгнула носом, понимая, что до костлявой мне еще бегать и бегать. Мне под нос сунули еще две карты.

— Видишь? Мужик у тебя был! Пропал с концами! — зловещим голосом заметила гадалка. — По поздней дорожке.

— А сколько у него концов? — спросила я, глядя на потрепанные карты, но гадалка не слышала меня, что-то завывая. Мне снова под нос сунули карту со словами: «Смотри!».

— Ждет тебя встреча внезапная по дороге казенной! — ткнули в меня картами, пока на укрытом дырявой скатертью столе я заприметила книгу «Толкования гаданий». — И хлопоты, но пустые, пустые. В пустую хлопотать будешь, короче. А вот и он! Мужик твой вышел! Видишь?

— Куда вышел? — уточнила я, присматриваясь к суровому профилю какого — то бородача. — Надолго ли? Когда вернется?

— Любовный интерес у него выпадает! — вздохнула гадалка, пока я с любопытством смотрела на расклад. Она стукнула пальцем по карте, заставив меня нервно сглотнуть.

— Так пусть заправит его! — опешила я, внимая каждому ее слову и глядя на карты. — Нечего любовному интересу болтаться!

— На сердце держишь, — задумчиво промычала гадалка, шурша картами. — Надежду на скорое свидание! Вот она! Полюбуйся!

Яркая карта с какой-то птичкой легла поверх страшного, как моя жизнь, мужика в возрасте, когда седина в висок и тело в деревянный ящик.

— И крепко? — с робкой надеждой спросила я, глядя в глаза гадалке. — Или как он любовный интерес? У меня надежда нигде не вываливается!

— А в будущем у тебя дом казенный и договор! О договоре печешься! — прищурилась на меня гадалка, но я уже ничего не понимала. — Вот и договор вышел! На пороге у тебя любовь стоит!

— Пусть стучит ногами в сердце, — усмехнулась я, чувствуя в голове кашу из казенных домов и хлопот по поздней дороге, которые вывалились у кого-то из казенных штанов. — А можно еще разочек? Я просто не поняла!

— Хорошо! — вздохнула гадалка, снова тасуя колоду и выкладывая карты каким-то треугольником. — Вижу пустые хлопоты по любви. Они у тебя по поздней дорожке выходят! И мужик в прошлое отходит!

— Никуда он не отойдет! — возмутилась я, вспоминая красивый и хищный оскал. — Я ему отойду в прошлое! Перекладывайте!

Через полчаса гадалка смотрела на меня странным взглядом, который тонко намекал, что дверь не мешало бы закрыть с другой стороны.

— Казенная дорога с другом выходит, — вздохнула она, переворачивая карты. — С

другом по казенной дорожке в казенный дом. Мужик твой из расклада вышел.

— Возвращайте! — взмолилась я, глядя на потертые карты. — Ну что это такое? Только что был, а уже вышел! Может, он ненадолго вышел?

— Вот твой мужик!!! — заорала гадалка, тыкая мне карту. — Вот смерть рядом! Видела? По казенной дорожке! За меркантильным интересом и пустыми хлопотами! Не один он сейчас! С бабой какой-то! Разлучница выпала!

— Из окна, надеюсь? — спросила я, понимая, что пять минут назад никакой бабы и в помине не было.

— Да из какого окна!!! — простонала гадалка, а я ее руки затряслись. На меня смотрела рыба голова с ценником: «Талисман для привлечения любви». А я — то думаю, чем пахнет так противно! Любовью, чем же еще!

— Вот! Вот! Твой мужик в будущем! Видала? — тыкали мне в лицо картой, а потом положили ее в расклад. — А в прошлое отходит разлучница! Было у них что — то!

— За пять минут? — расстроенно спросила я, облизав губы и прищурившись, мол, успел, все-таки, зараза. — А там не написано, как его зовут и ее?

— Ыыыыы! — взвыла гадалка, явно рыдая третьим глазом, поскольку казенные дома уже путались с ранними дорожками. — Вот! Казенный дом с разлучницей в прошлое уходят! И любовный интерес!

— К ней или ко мне? — осведомилась я, слегка переживая и ерзая в кресле. — Это важно!

— Ладно, попробуем по-другому! Я призываю духов мертвых, чтобы они ответили на мой вопрос! — закатила глаза гадалка, а ее пробило мелкой трясучкой. — О, духи мертвых! О, Смерть! Придите и дайте ответ! Ауууу! Уаааа!

Внезапно ее глаза открылись, а она подозрительно осмотрелась по сторонам, вжимая голову в плечи.

— Слышишь? Сама смерть пришла и духов привела! Сейчас они тебе все расскажут! Всю правду! — таинственным голосом произнесла гадалка, делая пассы руками над какой-то странной колбой с мутно-зеленой жижей, которую стянула с полки. — Духи, вы слышите меня? Отзовитесь! Добрые духи! Заклинаю вас!

Несколько мгновений тишины, в которой было слышно шуршание ее одежды, и...

— Они, — негромко, но отчетливо произнесла гадалка, умолкнув на мгновение и выдохнув. — Здесь. Добрые духи пришли!

Я поежилась, понимая, что если души явились, то среди них вряд ли кто-то будет доволен сложившимся положением дел. С таким голосом нужно быть ведущей новостей. «Сегодня, на центральной площади прошел, детский праздник! Все, счастливы!». Зато зрители слегка напряглись под нагнетающий голос.

Я поежилась и посмотрела по сторонам, пытаюсь учуять копчиком тот самый сквозняк, дующий из другого мира. Но, видимо, третий глаз на копчике и в его окрестностях у меня отсутствовал, поэтому я никого не увидела.

— Вот! Слышишь! Я — проводник в мир духов! — выдохнула гадалка, а пламя свечи дрогнуло от ее дыхания. Внезапно она вздрогнула и заорала, услышав «швырк, швырк» в зловещей тишине. — Добрые духи с нами разговаривают! Слышишь, один из них, самый древний говорит, что твое будущее покрыто туманом, но он предупреждает тебя об опасности.

— Что еще говорят добрые духи? — занервничала я, видя сосредоточенное лицо гадалки, которая по тихому «швырк-швырк» пытается предсказать мое будущее. «Цыц!», — подняла указательный палец проводник и закатывая глаза. Я умолкла, трепетно ожидая ответа. Еще бы! Тут любовь на кону! И мужик с торчащим любовным интересом, который он всем показывает!

— Слышишь? Они говорят, что на тебе колдовство! Оно отталкивает мужчин! — страстно зашептала провидица, а я округлила глаза. Ну конечно! Это не мой характер и вес! Я всегда знала, что они тут не при чем! Пламя свечи дрогнуло от дыхания, а тихий «швырк» превращался в предупреждения, прогнозы, вероятности таких событий, от которых любой неподготовленный получит обширный инфаркт и паранойю.

— Слышишь, духи говорят, что уводят от тебя мужика, — прошептала гадалка, заговорщики осмотревшись по сторонам и выдохнув на пламя скрюченной свечи. — Разлучница уводит! Они кричат, что нужно что-то делать!

Впервые вижу, чтобы гадалка умела предсказывать будущее по расчесыванию комариного укуса! Я снова почесалась, а в тишине раздался звук: «Швырк-швырк!». Проклятый комар.

— Слушайте, — прошептала я, глядя на нее с мольбой. — А как вам удастся предсказывать будущее по тому, как я расчёсываю комариный укус?

Я еще почесала укус, глядя, как взгляд гадалки остекленел и остановился на мне. Я даже чесаться перестала, вопросительно глядя на нее. Добрые духи смутились и почему-то умолкли, о чем мне тут же сообщили inferнальный голосом. Судя по прогнозам, добрые духи при жизни были махровыми пессимистами и, вероятно, комарами.

Я сглотнула, глядя на нее с надеждой и переводя взгляд на старинные карты и причудливый расклад. Узловатые пальцы раскрыли старинную книгу, а гадалка тут же спряталась в ней лицом. Я еще раз почесала добрых духов, терпеливо ожидая продолжения.

— Есть зелье, — прошептала гадалка, глядя на меня. — Зелье привязки. Еще никто не жаловался. Придет от к тебе в гости, а ты ему предложи выпить! Чернослив на молоке, рыбий жир...

Она озвучивала мне список того, что нужно принести в жертву во имя долгой и чистой любви, а я понимала, что любовь будет маленькой и грязной. Финалом этого возвышенного чувства станет: «Пойду-ка я, штаны высохли!».

— И обязательно иметь при себе амулет любовной горячки из лапы кошки, сдохшей в полнолуние, — предупредила меня гадалка, листая древние страницы. — Можно, конечно, попробовать свежую рыбу сунуть ему под матрас, когда ночуешь у него дома..

Я мысленно вдохнула запах рыбы, которая уже загуляла настолько, что мужик спит с марлей на лице, а гадалка продолжала.

— Нужно облиться вот этим! Этот запах он никогда не забудет! — прошептала она, протягивая мне открытый флакон, который пах носками путешественника, натертыми чесноком. Для второй ноты было выбрано содержимое ночного горшка и внезапно роза. Перед моим носом трясли лучшим образцом карательной парфюмерии, пока я мысленно представляла радость встречи со слезами на глазах.

Я делала пассы руками, а я с замиранием сердца следила за всеми ее пассами и движениями потрескавшихся губ. «Зззззз!», — сменяли траекторию мухи, натыкаясь друг на друга.

— Вы наговариваете на любовь? — спросила я, безотрывно следя за странными жестами.

— Нет, я пока мух отгоняю! И очарование навожу, — вздохнула гадалка, с прищуром глядя на меня. — Ты ведь серая моль! И это правда.

— Поэтому и предпочитаю жить в шубе. А если нужно две шубы с селедкой за ночь сожрать могу! — обиделась я, ерзая на стуле.

— Дай мне волос! — сглотнула гадалка, протянув руку, а я с улыбкой протянула ей волосок с головы.

— Это было последнее желание, — вздохнула я в тот момент, когда рука гадалки и моя рука соприкоснулись.

— Нет! Значит ты... — едва успела опешить она, но тут же превратилась в огонечек, растворяясь в мутном тумане, который повис в воздухе. Я сгребала карты, книги, медальоны, понимая, что мне еще красавца очаровывать! И подлую разлучницу изводить!

— Это что еще за объедки? — поинтересовалась бездна, когда я сгружала свои сокровища и ревниво пересматривала их, прикидывая куда бы повесить.

— Ты ничего не понимаешь, — засопела я, доставая рыбью голову с бусинками и любовно рассматривая ее. — Это талисман, который притягивает мужиков!

— Видишь, мухи роятся? — сглотнула бездна, приняхиваясь. — Радуйся, они самцы!

— Ничего ты не понимаешь! — огрызнулась я, доставая еще один талисман и осторожно расправляя его. Два пушистых шарика болтались на чахлой веревочке, украшенной перышками и деревянными бусинами. — Этот талисман создан для того, чтобы мужик не гулял налево! Он символизирует верность и крепкую семью! Его нужно повесить на видное место, чтобы мужчина видел его каждый день.

— А кот вспоминал те времена, когда пожертвовал для талисмана самым дорогим, что у него было, — грустно согласилась бездна, пока я читала книгу «Талисманы и обереги на все случаи жизни». Рядом лежала раскрытая книга «Ритуалы», которую я внимательно изучала.

— Вот, есть отличный ритуал, чтобы выйти замуж! — обрадовалась я, потирая ладошки. — Смотри! Мне нужно раздеться догола, обмазаться медом и выйти на перекресток. Каждая прилетевшая муха символизирует мужчину, который к тебе прилипнет!

— А потом они сорвутся, оставив тебе ножки! — прокашлялась бездна, пока я прикидывала, где раздобыть мед.

— Я тут еще вычитала! В доме все должно символизировать вечную любовь! — внимательно вчитывалась я в злое буквы, которые царапал кто — то как курица лапой. Я осмотрелась по сторонам, понимая, что «вечная» есть, а вот «любви» нет.

— Как — то так? — зевнула бездна, а мне показали старушеницу, которая уютно расположилась в ореоле розовых подушечек на роскошной кровати. Все вокруг было розовым до умильных соплей, а я с завистью смотрела на то, как рядом с разодетой старушеницей назойливым роем летают родственники, клятвенно заверяя ее в безграничной любви. «Пошли вон, стервятники! Я еще всех вас переживу!», — орала разукрашенная, как кукла, старушеница, швыряя подушку в благообразного мужчину. «Вот зря я вам сказала о дате смерти! Как знала, что соберетесь! Вот вам всем!», — бухтела старуха, устраиваясь поудобнее в подушках. Она нахохлилась, пока добрая родня заискивающе улыбалась ей, тонко намекая сыграть в недвижимость.

— Ну? И что? Стесняемся? — улыбнулась зубастой улыбкой бездна, облизываясь не хуже родственников, рассматривающих богатый интерьер. — А я, между прочим, слегка проголодался! У тебя норматив — пять человек в день! Ты что там делаешь?

Я оторвала голову от толкования карт, неумело тасуя колоду и пытаюсь разложить их в нужном порядке. «Любовное гадание на чувства». Пока что карты уверяли меня, что мне достался на редкость бесчувственный экземпляр, но я была упорной.

— Люби меня! — бухтела я, сгребая карты и раскладывая снова. Так, это у нас что? Это у нас интерес денежный. Не пойдет!

— Ты что там делаешь? Я кого спрашиваю! — возмущалась бездна, а я отмахнулась от нее и от бабки, которую мне упорно показывали.

— Я гадаю! Отстань! — насупилась я, понимая, что меня не любят. Засопев, я шлепнула еще одну карту на стол. — И буду гадать до тех пор, пока меня не полюбят!

— И кто ж тебя должен полюбить? — спросила бездна, а я краем уха слышала урчание прожорливого брюшка.

— Я не знаю его имени, — обиделась я, высматривая толкование. Так, а вот это уже симпатия. Неплохо! Еще пару раз и можно говорить о глубоком и светлом чувстве. — Погоди! Сейчас пойду! Это у нас что? Во! Любит! Да!!!

Я сжала кулаки, любуясь наобум вытащенной картой и расплываясь счастливой улыбкой. От радости я подпрыгнула, а узкие светящиеся глаза бездны округлились, когда послышался мой вопль, а крышка гроба упала мне на ногу. Откуда-то из недр последнего приюта, заботливо заготовленного моей предшественницей, шлепнулись на пол белые тапки.

Я уже собиралась на встречу со старушкой, которая уютно устроилась на огромной роскошной кровати в окружении добрых родственников.

— Че смотрите? Я половину из вас не помню! — скрипела бабка, глядя на толпу, которая с надеждой поглядывала на дверь. «Ты дверь закрыл? А то еще набегут! Мы то первые были!», — едва слышным шепотом поинтересовалась худощавая женщина, не переставая вежливо улыбаться насупленной старушечке. «Закрыл...», — одним выдохом в прическу ответил долговязый тип с залысинами.

— И откуда это вас столько понабежало? Да я столько с мужиками не спала, чтобы столько нарожать! — ворчала старушка, колючим взглядом обводя родственные просторы для фантазии. — Ты кто? Не помню, чтобы ребенка в водосточной трубе прятала до совершеннолетия, а он вырос в форме трубы!

— Да вы меня... эм. вы что? Не помните?... Ну. сажали., - голосом сладкой свистульки, покрываясь скромным румянцем, проворковал долговязый. — Неужели не помните?

— То же мне, гладиолус. Чахоточный одуванчик! — засопела бабка, положив тощую, узловатую руку, унизанную драгоценными кольцами на аккуратную розовую подушечку в виде сердечка. — А это что за дамочка к тебе жметя? Неужели жена?

— Да. Женится я. Племянник я ваш. Семияродный! — покрылся пятнышками Одуванчик, сдувая жиденькую волосню, прилипшую к взмокшему от напряжению лбу. — Недавно.

— Кто-нибудь говорил ей, что она красивая? — поинтересовалась старуха, обводя тусклым взглядом подслеповатых глаз присутствующих. Мадам зарделась, тут же начиная мило улыбаться и хлопать ресницами. — Ничего, найдется слепой, который скажет. И чего это мы тут все собрались? На десятки лет память ошибло, а тут всем дружным скопом озарение пришло! Ну-ну.

— Да мы смерть отгонять будем! По традиции! — тут же заволновалось море родственников. Старуха потянула носом воздух и посмотрела в толпу.

— А ты чей будешь? — прищурилась она, пока в моей голове уже зрел замечательный план. Я отряхивала свое платье, отковыривала цветы и чувствовала, что нашла родственную душу.

— Так я ваш двоюродный брат по материнской линии! — оживился мужик, чьи брови вполне могли сойти за козырек. — Любимый брат по материнской линии!

— Тот, который по кривой пошел? И по ней уже трижды споткнулся? — прокашлялась старуха, потеряв кончик крючковатого носа, а я уже входила в зеркало, возвещая громким стуком, что приехала троюродная тетка по линии двоюродного отца. Била я ногой от души! Дверь не открывали, поэтому я присмотрела окно на первом этаже. Неловко подпрыгивая мешком с картошкой, я уцепилась за подоконник, пытаюсь подтянуться и долезть до ручки окна. Грация тюленя, данная мне от природы и волшебного заклинания: «Пока все не съешь из-за стола не выйдешь!», продлевала жизнь старушке.

Отлипнув от окна, маленькая Золушка, которую не взяли на бал, немного расстроилась от мысли, что крысы оказались проворнее, поэтому прикатила камень и встала на него ногами. Окно открылось, а я, постанывая, как ежика в процессе родов, вползла внутрь, шлепнувшись с таким грохотом, что едва ли не потеряла сознание. На мгновение мне показалось, что родственников стало еще больше, но потом сознание прояснилось, а на

меня нехорошим взглядом смотрела счастливая семья.

— Ты кто? — хмуро спросил суховатый бородач, успевший нарядиться во все черное. Остальные заняли оборонительную позицию.

— Любимые!!! — заорала я, бросаясь к чужим родственникам и сгребая двух попавшихся в охапку не глядя. Кто-то тоненьким голоском взвизгнул: «Мама!», а я уже прижимала их к груди, намереваясь поймать следующую партию.

— Конечно, тринадцатого родила! Вчера вечером! — обрадовалась я. — И вы все мне как дети! Ну же! Смелее! Обнимите тетушку!

— Это по какой линии ты тетушка? — зыркнула на меня худощавая старая дева, уже перешагнувшая рубеж с выданья на вынос.

— По параллельной! — обрадовалась я, пытаюсь сгрести и ее. — Помню-помню, как ты голенькая по моей клумбе с крапивой бегала! Бегаешь и орешь, а я смотрю и умиляюсь! Сразу видно было, что умницей растет! Певицей будет! Пристала ко мне однажды: «Хочу певицей стать!», ну я и научила!

— Да вы что! — чопорно возразила «девица на вынос», пока я пыталась изо всех сил прижать ее груди.

— Я вас не помню! Вы никогда со мной не сидели! — бурчал толстый мужик, капризно оттопыривая нижнюю губу.

— А как же третьи нары слева? Мы тебя еще губошлепом прозвали! — мило улыбнулась я, изображая восторг от внезапной встречи. — Мне сказали, что все съехались, а я уже устала вас выслеживать по одному! Только на след нападу, вы как чувствуете — переезжаете!

нападу, вы как чувствуете — переезжаете!

— Самозванка! — горделиво заметил Одуванчик, делая самый грозный вид из всех, которые только можно представить, глядя на его тщедушные плечики.

— Я тебя тоже не помню! — я поджала губы и шмыгнула носом, выпуская мятую партию чужой родни, которая разбредалась, как пьяная. — Хотя... Вспомнила! Семья у вас бедная была... Горе-то какое! И игрушек у тебя не было! Я уж было хотела тебе каменный мячик подарить, но все руки не доходили. А у тебя быстро дошли! Если был бы девочкой, то играть было бы нечем. Балаболом тебя в детстве звали! Женился? Слыхала!

— Да что вы себе позволяете! Мы вас не знаем! — гневно вмешалась супруга потерпевшего от «семейных воспоминаний» Одуванчика.

— Молчите, самка балабола! — отрезала я, глядя на то, как у нее свирепо раздуваются ноздри, а среди толпы виднелся просвет лестницы, ведущей наверх. — Мы были против этого брака сразу! Он у нас и так бракованный, так зачем ему брак? Я так его родителям и сказала!

Упрямой баржей, которая плывет по морю любви и обожания, я порывалась подняться наверх, но меня оттесняли так, что в руках остался кусок перил.

— Я только поздороваюсь! — добреньким голосом увещевала я, раздавая куском перил всю нерастраченную любовь. — Я на минутку!

Одуванчик прижимала руку к лицу, а я с умилением смотрела на фонарь, который еще неделю будет освещать ему путь в темноте брэнностей бытия.

— Откуда она пронюхала, что к бабке смерть сегодня придет? — ядовитой змеей прошипел кто-то в районе моей кормы. — Ты же никому не говорила?

— Богами клянусь! Никому! — тут же пролепетал испуганный голос. — Никому-никому!

Я уже была на полпути, глядя на умильные портреты котят в кружавчиках, украсивших подходы к умирающей.

— Как же так! — горестно вздыхала я, чувствуя, как родственники оттягивают меня назад, требуя показать смертельный номер. Моя рука накрепко вцепилась в перила, а за мной кишочками тянулась вся родня. — Я только вернулась!

— Откуда? — поинтересовался особо любопытный родственник, пока меня дружно стаскивали вниз.

— Из комы, Хуанита, из комы! — выдохнула я, чувствуя, что осталось еще немного. Я резко обернулась, чувствуя, как хрустит моя одежда. — Я должна сказать правду! Его зовут Хуан Педро Себастьян Долорес Дель Ган Дель Дон!

Я ткнула пальцем в одуванчик, который покраснел от натуги и замер в тишине.

— И он женат на Карлотте Марии Лючии Всех По Очереди Задолбальо, — горестно заметила я, пока супруга переводила взгляд на своего мужа. — А ты, Мария Карлос даже не догадывалась об этом! О, если бы мы встретились еще до моей комы, то я бы тебе все рассказала! Да, это твое настоящее имя, Мария Дель Чтобытебя. Ты наша — приемная дочь...

Народ переглядывался, пытаясь осмыслить полученную информацию. Я уже затащила родню наверх, сумрачно глядя на остальных.

— Что смотришь, как педро, Педро? — вздохнула я, глядя на запыхавшегося толстяка, который открыл рот, чтобы что-то возразить, но я его опередила. — Ты ведь — не Педро! Тебя подменили в детстве! Ты — сын садовника, Педро. И твое настоящее имя Пабло Себастьян Эрнесто Дель Иди Дель Нафиг! А пока ты учишь свое новое имя, я должна сказать нечто важное. Ты, Хуанита, настоящая дочь служанки, которая умерла при рождении. Если бы я не вышла из комы, то ты бы этого никогда не узнала! А ты, Долорес всю жизнь любила Хуана! Не прикидывайся. Любила ведь!

— Она сумасшедшая! — взвизгнул кто-то из родни, пока старуха подняла руку к лицу. — Что она несет?

— А ты чего орешь? — удивилась я, глядя на мелкого мужичка, который ловким тараканом прятался среди массовки. — Ты вообще не из нашего сериала, так что помалкивай!

— Кто-нибудь мне объяснит, что здесь происходит? — привстала старуха, прищуриваясь в мою сторону.

— Я объясню, — мило улыбнулась я, обводя взглядом новоявленную родню. — Это последняя серия сериала «Мы делим бабкину фазенду!»

— Понятно, — вздохнула старуха, откинувшись на подушки. И тут она задержалась, глядя на свои руки. — Ой! Что происходит? Почему они холодеют?

Я взяла ее за руку, видя, как земное тело превращается в маленький огонек, который вспорхнул и улетел.

— Мамочки!!! Это же Смерть! Смерть научилась обманывать! Караул! — заорала родня, дружно бросаясь к выходу. На лестнице возникла давка, а кто — то с грохотом упал вниз. «Ай-ай!», — орал писклявый голос, пока добрые родственники спешно ретировались из дома, унося с собой дверь.

Через полчаса я устало выдохнула, любуясь на свою работу. А как цветами заиграло! Прямо ремонт!

— Ты что творишь? — орала бездна, пока я с деловитым видом, красила стены в розовый цвет. В кладовке у старушки нашлось несколько банок с ядовито-розовой краской. — Это же храм смерти!

— Храм смерти в розовый цветочек! — почесалась я, чихнув краской и любуясь своей работой. На пол с кисточки капали розовые капли, а вместо угрюмой и мрачной смерти на стене висела салфетка с котенком. — Почему сразу черный? Нет, он меня стройнит и все такое, но я люблю розовый!

— Прекрати! Это же оплот скорби! — орала бездна, когда я разукрашивала раму зеркала в виде черепов и костей. — А ну быстро убери свои цветочки со стен!

— Ты прав, — покачала головой я, разглядывая испачканную краской юбку. — Вместо них отлично будут смотреться котята!

Розовый диван отлично вписался в угол, маленький розовый, пушистый коврик приятно щекотал ноги, а совесть согревала мысль, что теперь оплот скорби и последний приют для несчастных душ выйдет куда более жизнерадостно, чем до символического ремонта. Кто сказал, что это — оплот скорби?

— Это кошмар какой-то!!! — выла бездна, а ее светящиеся глаза затуманивались слезами. — Ужас! Тьфу-у-у!

Я дернулась вперед, недовольно глядя на зеркало, которого обложили вышитые котята, окружая серый мрак со всех сторон, словно партизаны вражеский лагерь. Серые клубы тумана пытались дотянуться до ближайшей салфеточки, но я уже взяла в руки молоток, как бы намекая, что прибила ее гвоздями.

— Да что б тебя! — плевалась бездна, а я невозмутимо развешивала одежду из старушечьего гардероба. Старушка одевалась более чем экстравагантно, и неизвестно, что диктовало ей этот изысканный стиль — прогрессирующий маразм или какой-нибудь местный кутюрье.

— Ты собираешься в этом ходить? — простонала бездна, глядя на фривольное платье — маломерку.

— Я собираюсь по нему худеть! — обиделась я, понимая, что в последний раз, когда садилась на диету, я ее раздавила. — Так, кто у нас следующий по списку?

Зеркало внезапно помутнело, а я застыла от удивления, глядя на роскошный зал, в котором собралось столько народа, что яблоку не в кого попасть, хотя и очень хочется. На красивом троне сидел... Я на всякий случай протерла глаза и втянула живот.

— Покажи мне его! — набралась смелости я, глядя в мутный туман бездны. — Покажи!

— А имя его ты знаешь? — ехидно поинтересовалась бездна, пока я поправляла котят-оккупантов, плотно обложивших несчастную зеркальную зверюшку. — Видимо, нет! Раз имени не знаешь, то и показывать тебе ничего не буду!

В темном тумане возникла зубастая триумфальная улыбка, а я уже тянулась за очередной книжкой. Хм. Ритуал призыва, если не знаешь имени. Я сложила ноги на сундук старушки, который стал донором салфеточек, свечей и розовых носочков, согревающих мои ноги. Так, что тут у нас написано? Чтобы вызвать мужчину, даже если не знаете его имени, нужно раздеться до гола, зажечь свечи, обмазаться вареньем и пропеть заклинание. Я краем глаза посмотрела на баночки, которые тоже умыкнула на всякий случай, а потом взглянула на бездну.

— Ты что делаешь? — поинтересовалась бездна, сдувая цветочек, прикрывающий розовую черепушку с подтеками краски.

— Я свечи расставляю для ритуала, — буркнула я, рисуя огрызком чего-то похожего на мел круг, указанный в книге. По внутреннему радиусу кругу стояли загогулины, похожие на росписи врачей. Нет, фармацевт, конечно, прочитает, а вот я нет. Ничего, сейчас все сделаем!

Я сдула пряди волос с лица, старательно выводя еще три символа, напоминающих «факушку», «беременного крокозябрю» и «козу из пальцев». Бездна молчала, изредка выглядывая из зеркала.

— Почему я отчетливо вижу надпись на древнем языке «Пошли в коня»? А там дальше «Мясо, свежее платье и...», — бездна задумалась, сощурилась и тут же выдала. — Землеройка. Да! Точно! Землеройка!

— Ничего ты не понимаешь, — обиделась я, подтирая еще один символ. — Наверняка тут написано заклинание: «Жеребец, у меня есть еда и платье! Землю буду рыть, пока тебя не достану!»

Бездна умолкла, а я спокойно расставляла свечи в нужном порядке, зажигая их от огромных отсыревших свечек. По спине побежали мурашки, а я занервничала оглядываясь по сторонам.

— Боишься, что придет какая-то нечисть? — ядовито поинтересовалась бездна. — Уууу! Суеверная смерть!

— Я стесняюсь вызывать дьявола исключительно потому, что у меня не прибрано! А то потом черт ногу ломает, а мне больничные ему компенсировать! — нахмурилась я, изучая ритуал и сверяясь со схемой. Осталось раздеться и петь. Рано или поздно, так написано в книге, нужный мужик придет или объявится. Или хотя бы весточку пришлет, что тоже неплохо. Ну что ж! Приступим!

Платье прошуршало на пол, а я распустила косюльку, тряхнула волосами, воздела руки и запела, подглядывая в книгу. Первый куплет дался с трудом. Я продиралась сквозь дебри очень заковыристого заклинания, от которого с вывихом челюсти слег логопед со стажем.

— Теперь я понимаю, почему люди отпевают, — взмолилась бездна, когда я результата ради решила, что наша песня хороша — начинай сначала. — Чтобы покойник вспомнил о вокальных талантах родни и еще подумал хорошенько возвращаться или нет!

Я пропела еще разок, понимая, что результата нет. Червячок сомнения глодал мою душу, но раз я решила, то доведу дело до конца. И! Все вместе!!!

— За что., - тихо проскулила бездна, расплываясь темным облаком.

— Мужчины любят, когда им бросают вызов! — обиделась я, снова набираясь терпения. Ничего-ничего. Пусть любимый услышит, пусть желанный поймет, пусть мужик меня непременно найдет! Ведь так не бывает на свете, чтоб чувства прошли на рассвете!

— Убейте меня, — простонала бездна, а ее огромные красные глаза сначала погрустнели, а потом коварно сощурились. — Ничего-ничего. Скоро ты охрипнешь, устанешь.

— Ага, щас! — упорно продолжала я, понимая, что начинаю сбиваться. Нужно попытаться переложить слова на какую-то песню. Желательно на несколько.

— Ничего, ничего, — усмехнулась бездна, морщась от раздражения. — Мы с тобой еще гастролировать будем. Ты что делаешь?

— Молчи! Я танцую! На седьмом разе нужно танцевать. Тут написано. Танец зазывный и эротический! — огрызнулась я, пытаюсь изобразить всю возможную эротику. Свечи плавилась, пламя тряслось, пока я делала такие движения, от которых бездна зажмурилась.

— Передай тому, кто в тебя вселился, чтобы оплату за жилье вовремя вносил! — фыркнула бездна, пока я наворачивала бедрами круги. — И мусор из твоей головы не забыл вынести! Все! Я больше не могу! Смотри. Любуйся на своего мужика!

Я замерла в позе игривой толстой кошечки, нашедшей мешок с кормом и стрескавшей его в одну усатую моську, подняла глаза и прищурилась, пока в зеркале, сквозь туманную дымку виднелся огромный замок.

Величественные стены высились, пронзая облака. Острые черные башни цепляли вату облаков, а вокруг замка хищными зубцами застыла черная стена. Черная пасть главных ворот была раскрыта, а зубья гостеприимно щелкали, открываясь и закрываясь. Туманная дымка несла меня в огромный зал, в котором стоял трон. Подлокотники трона были выполнены из камня в виде сидящих ощерившихся волков с оскаленными пальцами, а сам трон уходил под самый потолок. На белых знаменах была вышита волчья голова, с запрокинутой вверх мордой, а на доспехах стражи была виден алый отпечаток волчьей лапы.

— Спасите! Помогите! — слышались голоса, а в зал порывалась целая толпа. Их голоса гулким эхом разносились в пустом зале. — Беда!

Толпа кричала наперебой, падая на колени и причитая.

— Мы теперь не безопасности! — послышался нервный крик, но тут же стих. В зловещей тишине было слышно чье-то прерывистое дыхание.

Я смотрела на пустой трон, на толпу, которая утешала друг друга, прижимая к себе детей. На черные подступы к трону легла тень, из-за трона показалась фигура огромного черного волка, который на мягких лапах двигался в сторону людей. Он действительно казался огромным, страшным чудовищем, а от одного его взгляда по коже пробежали мурашки.

— Мы стадо твоё, — сглотнул незнакомый мне мужик, стараясь не поднимать глаз, пока остальные стояли на коленях перед волком. — Ты наш защитник.

Волк облизнулся, глядя на взъерошенные волосы просителя, мягкими шагами, словно крадучись, он обошел людей. Я видела, как кто-то из детей вскрикнул, но ему тут же закрыли рот.

— И кто же вас обидел, агнцы вы мои? — спросил волк таким голосом, от которого я чуть моментально не похудела на пару килограмм. — Кто посмел обидеть мое стадо? Кто посмел охотиться в моих угодьях?

— Смерть! — задохнулся косматый, оглядываясь по сторонам. — Смерть снова охотиться в твоих угодьях! О, милостивый, мы всегда оставляем тебе жертву, всегда смиренно принимаем свою участь, но теперь смерть лютует!

— Она страшна!!! — перебила визгливым голосом женщина, прижимая к груди младенца. — На нее как взглянешь, так сразу в гроб!

Женская зависть — страшная штука. Но тут же мужик стал озиаться по сторонам. Я заерзала так, словно решила отдохнуть на природе в летнем сарафане, а все живое лезет мне в трупы, мечтая жить со мной долго и счастливо.

— Жуткая, — прищурился он, пока остальные, пока еще не пострадавшие от моего произвола дружно поддакивали. — Теперь обличье любое принимает! Люди так поговаривают. Это раньше она в капюшоне ходила с косой, то сейчас смотришь — и не поймешь, смерть ли это! Сделай же, что-нибудь! Она двоих за день утащила!

Ага, утащила и не надорвалась! Воцарилась тревожная тишина, а огромный волк хищно улыбнулся.

— А что вы хотели? Хороших людей много. Вкусных мало, — повел ухом зверь, пока люди жались друг к дружке. — А в некоторых слишком много повидла...

— Но она унесла сразу двоих! — встревоженно задергалась толпа, а черный зверь смотрел на них в упор. — Она не носит балахон! И приходит без косы! Мы боимся за наших детей!

— И что вы хотите? — спросил зверь, а в его взгляде промелькнули лучшие страницы кулинарной книги. — Чтобы я вас защитил?

— Все-таки тяжело отбиваться от смерти! — запричитал мужик, возглавляющий делегацию «обосранцев».

— Мне нравится, что вы считаете это трудной задачей, но не той, которую нельзя выполнить,

— оскалился улыбкой волк, а его глаза сузились. Мужики переглянулись так, словно им только что сообщили: «На нашу планету движется метеорит. Всем добровольцам собраться на центральной площади!». Такие грустные взгляды я еще года три не отмолю, поэтому с задумчивой тоской смотрела на то, как дружное стадо удалялось, изредка косясь на огромное чудовище. Волк проводил их взглядом и. Через мгновение на его месте стоял.

Я покраснела, прикрыв лицо руками, стараясь не смотреть на высокую фигуру в белом роскошном одеянии, стоящую в центре зала и провожающую взглядом процессию посетителей. Знакомая хищная улыбка, которую я видела сквозь пальцы, заставила меня зажмурить глаза. В пустом огромном зале висела тишина.

— Мой сладкий пирожочек с повидлом, — усмехнулся волк в человеческом обличье, а улыбка его стала еще шире, обнажая острые клыки.

— Ну-ну, — слышался в тишине приятный, вкрадчивый женский голос, а я вздрогнула. Неспешными шагами к волку приближалась девушка изумительной красоты. На ее лице была приветливая и нежная улыбка. — И кто это у нас тут сладкий пирожочек? А?

Я смотрела на тонкую талию, перехваченную золотым пояском, на алое платье, которое шуршало по каменным плитам, на сверкающую драгоценностями прическу, понимая, что пока она дает фору мисс вселенная, я могу дать только по голове с короной и оторвать ленточку.

— И куда же ты так мечтательно смотришь? — проворковала красавица, ослепительно улыбаясь. Ее хрупкая и гибкая фигурка приблизилась к волку, а мне казалось, что он с легкостью может обнять ее за талию двумя пальцами. — На меня смотри!

В этот момент волк оскалился, а его словно дернуло на месте. Голова его повернулась в сторону девушки, которая мило улыбнулась, проводя рукой по вздымающейся мужской груди.

— Гневайся сколько влезет, мой дорогой песик, — сладко прошептала красавица, подарив томный взгляд. — Но ты мне ничего не сделаешь.

— Не прикасайся ко мне, — слышалось рычание, а на его месте очутился волк.

— Могу даже по носу щелкнуть, — рассмеялась красавица, ничуть не испугавшись обнаженных клыков. — Плохой мальчик. Вчера ты от меня убежал, но видишь ли...

Договорить она не успела, а волк бросился на нее. Ее смех хрустальным ручейком полился в тишине гулкого зала. Зверь наткнулся на невидимый барьер, его челюсти клацнули аккуратно рядом с ослепительной белоснежной улыбкой.

— Ну-ну, — опустила глаза красавица, но тут же взгляд ее ожесточился. — Невидимая сила отмела волка в сторону трона, но приземлился на лапах. — Ты сегодня не в настроении, я вижу. Помни, милый, мы с тобой — истинная пара.

Ты в меня запечатлился.

Картинка выцветала, расплывалась мутными пятнами, похожими на плесень, а на меня снова смотрел оскал бездны.

— Ну как? — ядовито поинтересовалась бездна, пряча от меня покровом тьмы продолжение.

— Вернул обратно! — возмутилась я, требуя продолжение, но бездна широко улыбнулась.

— Принесешь мне еще одну душу, так и быть, покажу, — усмехнулась зубастая улыбка и тут же померкла. — А то что-то на голодный желудок у меня плохо получается.

— Когда я буду заполнять налоговую декларацию, то в списке иждивенцев обязательно укажу тебя, — обиделась я, натягивая платье и думая о том, что значит «запечатлился»? Какая-токая истинная пара?

— Например, вот эту, — слышался голос бездны, пока я рылась в книгах, пытаюсь найти ответ на свой вопрос. Я подняла глаза и увидела вполне симпатичного respectable мужика, который прогуливался по улице.

— Только учти, — усмехнулась бездна, а его голос звучал, словно сквозь толщу воды, пока симпатичная блондинка улыбалась моей жертве, пряча бесстыжие глаза и покрываясь скромным румянцем. — Все по правилам! Причина смерти, отчет и эпитафия на надгробии.

Я смотрела на то, как жертва обнимает жену и детишек.

— Сегодня день моей смерти, — вздыхает он, а жена заливается рыданиями. — Я хочу побыть один... Не переживай, желание у меня есть, так что все будет хорошо... Ты пока можешь пожить у сестры.

— Береги себя, — всхлипывает жена, пока ее с узелком выпроваживали за дверь. — Только смотри. Желание надежное загадывай, чтобы точно не исполнила.

— Да, милая, да, — кивал муж, а дети лезли его обнимать. — Просто я хочу побыть один, чтобы Смерть никого не забрала из вас.

Я рассеянно смотрела на трогательное прощание, понимая, что у меня есть несколько вопросов. Что надеть во дворец, чтобы не было видно топора, косы или увесистого молотка? Обязательна ли смысловая нагрузка в моих словах, когда буду высказывать свое мнение на этот счет или можно орать что — то произвольное? Где купить хороший ошейник с шипами на будущее? Как правильно таскать разлучницу за волосы? Стоит ли мне рассказывать про неудачную стрижку, пытаюсь оправдать свежие проплешины в случае, если разлучница окажется сильнее? Если я в следующий раз встречу знакомую волчью морду, то мне стоит изображать прогрессирующий склероз?

— Нет, я не согласна! — покачала головой я, глядя на то, как женщина с узелком и детишками покидает дом, а мужик грустно смотрит вслед и машет рукой.

— Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда, — тонко намекала мне бездна, сладко облизываясь. — Или я тебя укушу-с.

Острый ряд зубов сладенько оскалился, но я все еще вспоминала увиденное. «Не копать. Здесь зарыт кобель», — промелькнуло в голове, пока я оценивала свои шансы против шансов разлучницы. У нее есть несколько преимуществ: красота, фигура, одежда. Но стул в моих руках способен быстро уравнять не только шансы, но и ее с землей.

— Знаешь, в жизни бывают такие моменты, когда так есть хочется, что переночевать негде?

— задушевно начала бездна, пока в мысленном поединке я имела численный перевес килограммов. Черный дым вывалился из зеркала, а я очнулась, глядя на то, как щурятся светящиеся глаза.

— Сидеть! — рявкнула я, глядя на оголодавшую бездну, которая норовила выбраться из зеркала. — Место!

Бездна на секунду оторопела, а я поблагодарила новую соседку, которая грозным ревом на весь подъезд воспитывает свою собаку. От криков «сидеть» трепетал даже выпущенный на волю по амнистии Вася, а бабушки на лавочке после вопля: «Лежать!» тут же расписывали очередность отхода на тот свет. От рева: «Рядом!» весь подъезд бросался врассыпную. Каково же было удивление, когда на тонких мохнатых лапках из подъезда вывалился пушистый шарик, размером с мою зимнюю шапку.

— Ладно, схожу, — вздохнула я, понимая, что звезду жертве с неба не достану, но достать его

— пара пустяков. Я долго собиралась, одергивая розовое платье бабушки, которое было мне слегка мало. Есть плохая примета для смерти появляться на публике в одной и той же одежде.

— Это куда ты так вырядилась? — спросила бездна, прищурившись на розовые кружавчики, обильно прикрывающие огрехи шитья и лопающиеся швы. — Только не говори, что ты так и пойдешь!

Я смотрела на свое отражение, понимая, что натянуть платье смогла, а стянуть нет. Розовый лиф раздуло, все, что не утрамбовалось в него, пыталось покинуть тесные альковы. Колени стреляли, требуя, чтобы их срочно прикрыли. Но платье предательски отступало в сторону бедер, отстреливаясь хрустящими швами.

Из зеркала слышалась истерика, прерываемая тихими всхлипами и протяжными стонами. «Ыыыы!», — жалобно простонала бездна, прося пощады.

— Помоги снять, — обиделась я, пытаюсь содрать платье и осознавая, что снять его без посторонней помощи у меня не получится.

— Какая глупая и нелепая смерть, — захлебывалась истерическими рыданиями бездна,

пока я тянула платье обратно, чувствуя себя сосиской в вакуумной упаковке.

— Смертушка, Смертушка, а почему у тебя... — услышала я, сощулив глаза. — А почему у тебя такие большие груди?

— Чтобы больше принимать на грудь, — простонала я, пытаюсь освободить свои прелести из потного плена.

— Смертушка, а Смертушка, а почему у тебя такие большие глаза? — задушевно интересовалась бездна, когда я поняла, что, судя по моим успехам, в этом платье меня и похоронят.

— Чтобы мужчине проще было разглядеть мою душу! — сплюнула я прилипшую прядь волос, глядя на жирную гусеницу, которая скоро превратится в бабушку. — Я их специально выкатываю, чтобы упростить мужику задачу!

— Смертушка, а Смертушка, — в голосе бездны отчетливо слышалось слово «тушка», а я сопела, раздумывая, обидеться или нет. — А почему у тебя такой взгляд тяжелый?

— Потому что легкая атлетика не совместима с моим тяжелым характером! — надулась я, понимая, что выбора нет. Придется вводить в моду мини.

Внезапно меня что-то дернула, я непроизвольно моргнула и очутилась возле добротной двери.

— Тук-тук, — постучала я, тяжело вздыхая. За знакомой дверью, которую только что поливали слезами прощания, послышался шорох, который подозрительно стих. Кто — то шел к двери, а я расправила плечи, пытаюсь прикрыть прелести обтягивающей розовой юбкой. Что — то мне подсказывает, что в ней я похожа на игривого поросенка. Дверь открылась, а мужик обомлел, глядя на меня. Видимо, он и не ожидал, что жизнь подложит ему розовую свинку под дверь. Несколько секунд тишины, а потом меня дернули за руку, увлекая в скромную обитель.

Добрый мужик, видимо, сообразив, что меня мучает, решил избавить меня от мучений, пока я старательно отбивалась.

— Иди ко мне! Сегодня последний день моей жизни! И я хочу провести его так, чтобы потом обидно не было! — усмехнулся примерный семьянин, а платье зарычало на него, обнажая швы. — Эх, красавица!

Я? Видимо, герой относился к тому типу мужчин, к которым даже судьбе не стоит поворачиваться задом во избежание последствий. Пока моя жертва упорно пыталась прогнать меня под изменчивый мир, я решила, что мир прогнетса под нас.

— Я хочу, что ты, красавица.... - послышался пылкий голос, который тут же оборвал настойчивый стук в дверь. Мужик замер, выставив губы плотоядным хоботком, а я розовый цветочек имени меня, уже наваливался на него, норовя повалить на пол и занять опылением. Пыли на полу было предостаточно, так что...

Тук-тук! — снова послышалось в тревожной тишине.

— Это жена! — запаниковала жертва, лихорадочно мечась по дому. — Что-то забыла! Это жена вернулась!!!

Лихорадочные метания закончились тем, что меня поволокли к ветхой тумбочке. Глазомер у мужика явно страдал, поскольку мне было проще спрятать тумбочку, чем тумбочке меня.

— Полежай! — прошептал мужик, оглядываясь на дверь, по которой кто — то настойчиво барабанил. Маленькая щеколда подпрыгивала, а мужик пытался впихнуть меня в тумбочку.

— Быстрее, — взмолился горе-любовник, пока тумбочка пыталась повторить подвиг удава.

— Я туда не влезу! — категорично заметила я, а тумбочка с облегчением скрипнула. —

Зато я могу притвориться статуей. Скажешь жене, что купил новую статую!

— Так, так, так, — бегал раненым зайцем застигнутый врасплох герой, придерживая штаны, пока кто-то усиленно колотил в дверь. Откуда в хрупкой женщине столько сил?

— Давай, прячься за вазу!!! — выдохнул мне в лицо любовник, который вот-вот станет героем посмертно.

— Только при условии, что мне подарят цветы! — возразила я, пока мужик скакал по комнате, обещая себе иметь только мелкогабаритных, карманных любовниц.

— Лезь под кровать! — сообразил мужичок, а я скептически посмотрела на семейное лежбище. — Быстро!

— Если в щель между кроватью и полом спокойно мог пройти упитанный таракан, или плашмя проползти крыса-задохлик, то это не факт, что я туда помещусь! — возмутилась я, впервые оказавшись в подобной ситуации. Что-то мне подсказывало, что даже если я выдохну, то вдохнуть уже не смогу. Прыткий любовник носился, как угорелый, не забывая громко и елеинно повторять: «Дорогая, сейчас-сейчас! Одну минутку!».

— Ладно, — меня дернули за руку, подводя к шкафу. — Давай, в шкаф! Только сиди тихо, как мышка!

— А если мне пи-пи захочется? — уточнила мышатина, понимая, что моя служба и опасна, и трудна. — Ты об этом подумай.

Дверь распахнулась, обнажив чей-то унылый гардероб. Слово по мановению волшебной палочки оттуда вылетела стая моли, а меня уже трамбовали среди деревянных вешалок. Вот так унылая гусеница превратилась в бабочку. Ночную. Шкаф протяжно завизжал створкой, ухнул, а я очутилась в темноте.

— Дорогая, я уже иду! — слышался все тот же елеинный голосок, а шаги удалялись в сторону двери.

В шкафу пахло сыростью, а задумчиво решила присесть на какую-то лохматую шубу, свернутую...

— Ой! — пропищала шуба, когда я уже основательно опустила на нее. — Ой! Что вы делаете?

— Кто здесь? — прошуршала старая накидка. — Кто там?

— Это я, почтальон Почкин, — мрачно отозвалась я, понимая, что кто-то испуганно дышит мне в затылок. — Принес записку про нашего мальчика. И, видимо, это — некролог.

— Женщина! — возмущенно просопело что-то снизу. — А не могли бы вы как-нибудь по-другому разместиться! Уже на голову залезли!

— Ах ты, поганка! — яростно зашипел ворох тряпок. — Мой!

— Сама мой, я не гадила! — ответила я, занимая большую часть шкафа. Рядом слышалась возня, а я мысленно пересчитала «подруг по несчастью». Четверо? Одна в тряпках сидит, одна подо мной, еще одна за накидкой и еще одну расплющило вместе с чем-то мохнатым.

— Ай! Как ты посмела меня дернуть за волосы! — возмутилось «мохнатое», а подо мной что-то зашевелилось и попыталось меня толкнуть.

— Можешь упасть и укусить за ногу, — предложила я очевидный и вполне себе реальный выход. — Я вообще-то на работе!

— Так она. — слышался шепот, а позади меня кто-то засопел. Странно, стоит мне облокотиться, как тут же слышится такое сопение. Я, между прочим, двусторчатая любовница! Где моя вторая створка? Прозвучало слово, которое я ни разу не слышала в свой адрес, но которое мне слегка даже льстило!

— Какие трусы заговорили? — шепотом возмутилась я, пока ворох тряпок раздраженно сопел. — Я — не ночная бабочка, я — моль!

Запах свидетельствовал, что где-то рядом лежит носок, который добрая душа оставила как памятник.

— Какой ужас, — горестно всхлипнула грудка тряпок. — Я думала, что я у него единственная. Неповторимая. Он мне сам говорил.

— И мне, — тихо поддакнула накидка, шмыгая носом. Послышался тихий плач. — И жену он не любит. Совсем-совсем. И не спит с ней. Уже пять лет.

— Я, конечно, ни на что не намекаю, но как-то подозрительно, что младшему ребенку три года, — заметила я, пока подо мной что-то шуршало.

— Позор — то какой, — тихо икнуло что-то за моей спиной. — Я не знала, что он женат! Честно, не знала! Если бы знала, то никогда бы! Никогда!

Моя скрюченная спина уже передавала мне горячий амурный привет. На этот раз как-то по-особенному, ласково и приветливо. Об меня терлась чья-то норка, которая по ощущениям напоминала Мурку, нос чесался и болел, видимо, на нем вскочил прыщ.

— Ай! — попыталась я потереть кончик носа, а шкаф тихо заворочался. «Подле-е-ец!», — послышался тихий всхлип.

— Что случилось? — прошуршал кто-то рядом.

— Прыщик вскочил на носу, — огрызнулась я, страдая и пытаясь потереть его о какую-то рубаху.

— В тебя кто-то влюбился! — икнуло меховое нечто, а мне на секунду показалось, что это именно та мохнатая тварь, которую бояться дети.

— Судя по размерам, мне поклоняется тайная секта! — выдохнула я, скрючившись, и стараясь не шевелить затекшей ногой. Вокруг слышались горестные всхлипы, тихое хныканье и вздохи.

— Девочки, он же страшен настолько, что увидев его в первый раз, я бежала так быстро, что успела на работу! — пыталась я утешить ноющее братство кольца, конца и альдьютера. «Он жениться на мне обещал...», — прошуршал кто-то тихонько во что-то сморкаясь. Я понимаю, что у кого-то сиделки и им удобно, но у меня пока что «постоялки».

— Ты что? Волосы рвешь? — прислушалась я, услышав характерный звук.

— Нет, не свои. На шубе, — истерично икнул кто-то, а я успокоилась. Из комнаты доносились такие стоны и скрипы кровати.

— А что они там делают? — поинтересовался обиженный голос из-под моей попы, пока доносившиеся звуки сомнений не вызывали.

— Кровать двигают, — утешила я человека, над которым нависла большая угроза.

Внезапно раздался стук. «Жена! Прячься!!!», — послышался испуганный мужской голос. «Быстрее! В шкаф!», — шлепал босыми ногами Казанова, а ключ на двери повернулся, дверь распахнулась, ослепив меня и телогрейку по соседству ярким дневным светом, а через мгновение я почувствовала, как ко мне прилипло еще что-то теплое.

— Ты кто? — баском спросила я, пока телогрейка позади меня сардонически хихикала.

— Ой! — икнуло что-то, пока я слышала поворот ключа в замке. Пока нас трамбовали, на мне оказалась шуба. — Вы кто такие?!!

— Давай, знакомиться. Я — самая любимая любовница, — баском пояснила я, чувствуя дыхание на груди. — Поэтому у меня есть шуба. Вот носочек и варежка, которые искали себе пару. Их периодически натягивают. Вот телогрейка, подо мной сидит тряпочка. Что-то совсем раскисла она. Выбирай, милая, кто у нас ты?

— Я — любимая и единственная! — возразило мне что-то, дыша в пупок.

— Мы тут все любимые и единственные, — заметила я, понимая, что нужно выбирать. — У нас тут все по дням недели расписано. Я — понедельник. Потому что тяжелый... А ты у нас будешь пятницей.

— Это почему еще пятницей? — возмутилась новенькая. Коллективное предчувствие не обманывало. Еще одну «единственную и неповторимую» шкаф не выдержит. Мне уже хотелось передавать привет шпротам.

— Потому что без алкоголя не посмотришь, — хихикнула ревнивая телогрейка.

В комнате послышалось: «Дорогая! Милая! Любимая! Я, конечно, рад, что ты пришла поддержать меня в этот сложный день. Дети у сестры?».

— Я вообще-то за солью зашла, — оправдывалась новоявленная девица, ерзая по мне.

— А мы за яйцами, — мрачно ответила я за всех. — Долго еще тут сидеть будем? У меня дома мужик некормленный!

— Я с утра сижу. — жалобно прошептала телогрейка, сдавленно поскуливая.

— Вот так появляются скелеты в шкафу, — решила поднять общий настрой и боевой дух я. — Их еще по наследству передавать будут!

Тем временем в комнате отчетливо слышалось: «Дорогой, ну чего ты! Пойдем к сестре! Представляешь? Смерть придет, а тебя нет! У сестры топор есть! И вилы! Как-нибудь тебя отобьем!».

— Да, милая. Пожалуй, ты права. — как-то задушевненько начало наше общественное достояние, подводя нас к мысли, что планы на ближайшие несколько дней лучше не строить, а искать себе уютное местечко для отсидки.

— Я без тебя не уйду! Мы недельку у сестры поживем, — заныла жена, но тут же спохватилась. — погоди, я забыла накидку сестре отнести. Она так просила!

— А может завтра? — послышался все тот же задушевный голос.

— А где ключ? — спросил женский голос, а в комнате послышалось шуршание.

— Эх ты, растяпа! Ключ потеряла! — внезапно послышался внезапно окрепший и насмешливый голос мужа. — Как всегда! Вот ничего тебе доверить нельзя! Растяпа! Тоже мне, хозяйка! Не помнит, куда ключ дела! Балда!

— Я его у сестры забыла! Я быстро! — спохватился виноватый голос, а деревянная дверь хлопнула. «Вылезайте!», — с сожалением заметил герой нашего трехтомника интриг, приключений и страданий, а ключ звякнул о замочную скважину. Один поворот и. «Бзень!» — что-то упало на пол в тот момент, когда армия любовниц затаила дыхание, готовясь к стратегическому отступлению.

— Ключ сломал! — выругался кто-то, пока в шкафу назревала паника. Мне захотелось волком выть. Да что там волком! Голодным и драным шакалом в диких прериях со всеми всхлипами, твяканьем и повизгиванием.

— Всем оставаться на своих местах! — скомандовала я, чувствуя, как рукав плешиевой шубы внезапно превратился в папаху, а чья-то тощая рука в шашку. — Не паниковать! Всем сохранять спокойствие! Мужик сейчас все сделает!

Настоящий мужчина должен не только посадить почки, построить семью и родить конструктивное решение, но и сделать женщине день! Именно поэтому герой нашего обмана решил сделать ноги. Думай, думай! Звание «пирожок с мозгами» нужно еще заслужить!

— Так! — насупилась я, беря в руки если не себя, то чью-то шевелюру. Не могу понять, папаху поднимает мне боевой дух, или клубы пыли. — Раскачиваем шкаф! Он упадет, сломается, а мы выберемся! Навались! На дверь!

Я грузно упала на дверь, чувствуя, как скрипят предсмертными всхлипами старенькие досточки.

— Не переживайте, мужика в доме нет — развалится! — задыхалась я, чувствуя себя птичкой в клетке. — Давайте, девочки! Подналяжем! Еще немного и будем свободными женщинами! Не отягченными ни носками, ни бельем, ни телогрейкой! Покажем ему, где раком зимуют! Раз! Два! Взяли!

Шкаф с хрустом накренился. Пару мгновений и нас всех повело вперед, а потом раздался визг и грохот! Я лежала плашмя на двери, чувствуя, что на моих в меру хрупких плечах держится, если не целый мир, то часть его прекрасной половины. Причем, вторая не менее прекрасная половина свисала рядом. Шкаф пенсионер, которого явно дохаживало доброе семейство, чуть не пошел на повышение и не был вызван к начальству, превращаясь в уютный деревянный ящик.

— Нормально так сыграли в ящик! — прокашлялась я, пытаюсь отдышаться. Если что, мы — барабашки!

Когда мне удалось вылезти, отряхнуть и пониже натянуть тугое, как целлофановая упаковка сосисок платье, в комнату влетел мужик с топором, желая если не решить проблему, то порешить всех ее свидетелей.

Я ждала, затаив дыхание. Именно так ждут с топором, притаившись за углом.

— И сколько их у тебя? — горестно спросила жена, глядя на меня в шубе.

— Я спокойно заменяю три обычных любовницы и две крупногабаритные. А тощих во мне штук пять набежит! Что? По мне не видно? — заметила я, глядя на то, как к герою возвращается самообладание.

— Все, убирайся! — не выдержала жена, хватая шубу и какие-то тряпки и швыряя мужу в лицо.

— Что значит убирайся? — внезапно возмутился мужик, довольно ухмыляясь. — Я у себя дома! Это мой дом. Так что терпи, дорогая моя! Я никуда не уйду! А вот ты, если будешь себя так вести, то пойдешь к своей сестренке ненаглядной! Все! Надоело! Собирай вещи! Я буду жить так, как хочу!

— И что? Детей тоже на улицу вышвырнешь? — всхлипнула жена, пока супруг смотрел на нее с превосходством владельца недвижимости.

— А почему бы и нет? — пожал плечами герой — домовладелец и дамовладелец, разводя руками.

— Вот почему ты постоянно баб водишь? Тебе меня мало? — захныкала жена, глядя на чужую одежду, сиротливо оставшуюся в уголке.

Мужик смотрел то на нее, понимая, что жены ему явно мало, а меня очень много, а я положила ему на плечо руку.

— Пойдем, — усмехнулась я, видя, как он застыл на месте, а потом стал таять. — Ну что ж, будем делить недвижимость. Дом жене и детям, мне вот эту...

Мне на голову шлепнулась тетрадь с ручкой. На обложке тетради было написано: «Причины смерти. Отчет».

— Нет, мало того, что душу сожрал, так ему еще и отчет нужен! — возмутилась я, размахивая тетрадью и внезапно очутившись в своем храме милоты перед чихающим зеркалом.

— Это — не отчет, а салфеточка, — чихнула бездна, едва не сдувая картинки с котятками. — У меня аллергия на котят!

— Даже на нарисованных? — обиделась я, поправляя кружевную рамочку и радуясь тому, что оплот людских страданий превратился в оплот страдания бездны. — Значит, тебе нужно закапать в нос. Можно кулаком. Не собираюсь писать справки и отчеты! Ишь

че удумал! Справка выдана родственникам о том, что я — Смерть, забрала тело и душу.

— Вот будешь вредничать, будешь сама тела таскать и прятать, — ехидно ответили мне, сверкнув красными глазами. — Пиши отчет.

— И какую причину указать? — насупилась я, почесываясь ручкой.

Мне на ногу упала огромная книга «Причины смерти». Я открыла этот талмуд, составленный в алфавитном порядке. По странице пробежал паук, а я внимательно вчитывалась.

— А тут есть причина смерти «От жены и от детей»? — спросила я, листая старинные страницы. — А «От соседей и друзей»?

Хм. Что бы выбрать? Я посмотрела на листочек, устроившись поудобнее на крышке гроба.

— И где мои карты гадальные? Мне срочно нужно узнать оперативную обстановку! — возмутилась я, листая причины смерти и понимая, что «Смерть от иглы в яйца» уже где-то видела.

— В гробу я видел твою колоду! — обиделась бездна, уставившись на меня красными глазами.

— В гробу посмотри! Ты туда весь хлам сложила!

— Да, склероз — отличная вещь. И каждый день новый мужик, — пробурчала я, устраиваясь поудобней и выбирая причину. — Как на счет «ревность»? Убийство на почве ревности?

— Нет, — мрачно заметила бездна, плотоядно облизываясь.

— Тогда идиотизм! — усмехнулась я, написав на бумажке и сунув ее бездне. — Все, я сделала все, что нужно! Дай теперь погадать!

Колода в моих руках тасовалась, некоторые карты слетали вниз, а я наклонялась со скрипами и поднимала их, выбирая очередное правдивое гадание.

— Тэк-с, — прищурилась я, глядя на ковер из карт. — На сердце у него.... На сердце у него...

— Вот такой рубец инфаркта, — мрачно отозвалась бездна, закатив глаза.

— Не мешай! У него на сердце — большая радость. То есть я, — обрадовалась я, сверяясь книжкой. — Под сердцем у него...

— Печень и желудок, — мрачно заметила бездна, тихо подвывая. Она еще и выть умеет, причем так жалобно, трогательно и безнадежно. А вроде кормила.

— На пороге у него, — я закусила губу, в поисках толкования нужной карты.

— На пороге у него коврик! — послышалось раздраженное и вредное со стороны зеркала.

— На пороге у него новости, — отмахнулась я, увлекаясь процессом. Как еще можно узнать человека получше, если не при помощи гадания?

— Лежат, свеженькие. Вышел и тут же наступил! Потом с подошвы не отдерешь новости. Сразу видно, хорошие, свежие, — съехидничало зеркало, пока я старательно переворачивала остальные карты, нервно сопя. Ответственный момент! — Как это гадание называется?

— Это гадание «Внутренний мир человека», — обиделась я, увлеченно листая толкователь. — В печенках у него. разлучница! Ура! Ура! Я так и знала! Вот правду карты говорят! Спускаемся ниже. Что у него на главном мужском органе?

— Да, что он на нем вертел? — подражая моей интонации заметила бездна.

— А в голове у него. постель! — расстроилась я, пересматривая карты. — Вот неужели он только о постели и думает! Его только постель интересует!

Я чувствовала, как к горлу подступает ком, но на всякий случай решила уточнить информацию.

— Да, милая, его только постель и интересует. Все просто. Только постель., -отозвалась бездна, пока я тихо шмыгала носом. Смерть очень обиделась на судьбу. — Да ладно, не реви. Поспать мужик просто хочет. Устал.

Я тихо ругала карты и думала о том, как бы снова увидеть моего волка... И отбить. Если не получится отбить у разлучницы, то придется отбить разлучницу!

Внезапно в зеркале появился огромный и уже знакомый зал замка, который усердно украшали гирляндами и цветами.

— Скоро в замке будет прием, — слышался голос бездны, а я заинтересованно следила за приготовлениями к торжеству. — Ты же хочешь попасть на прием?

— Желательно на прием пищи! — занервничала я, выискивая глазами знакомую блохастую фигуру, но среди мельтешащих слуг ее не было.

— Вот и отлично. Ты же хочешь увидеть его еще раз? А вдруг судьба? А? — заметила бездна, безразлично зевая, а я вздрогнула, когда мне показали роскошный портрет в полный рост.

— Заодно и покушаешь. А то потом скажешь, что я тебе не забочусь.

— Так! — вскочила на ноги я, прикидывая, что можно надеть на столь торжественное мероприятие. Мое розовое платье разошлось по шву, а я стала доставать все тряпки, которые перепали по наследству от сердобольной бабки. — Мне нужно, чтобы он точно обратил на меня свое внимание! Это важно! А то ошиваются там всякие разлучницы!

— Правильно! За мужика нужно бороться! — поддакнула бездна, пока я разрывала свое барахло в надежде, что там окажется то самое платье, которое сразит наповал одно блохастое величество. Пока что попадались платья, которые сразят наповал любого неподготовленного зрителя, да так, что не факт, что откачают.

— Как вести себя с ним? — вслух рассуждала я, копаясь в гробу, где видела ранее красивое платье с бантиком на попе. — Он волк. Он привык охотиться. Значит, я буду недоступной жертвой! Да! Я вообще хочу, чтобы мужчины за мной бегали. За мной, а не от меня! А то вечно попадают те, кто на радостях встречи со мной путает направление!

— Правильно! — снова поддакнула бездна. — Тем более, что это — помолвка!

— Как?! — опешила я от новостей. — Он что? Жениться собрался?

— Как видишь, — уклончиво заметила бездна. — Они истинная пара, так что тут без вариантов. Тебе срочно нужно испортить торжество!

— Да! — согласилась я. — И пока смерть не разлучит их! Ну я же видела, что он ее не любит. Зачем ему жениться?

— Они — истинная пара, — слышался задумчивый голос. — Волк и та, которая может контролировать зверя. Он не может причинить ей зло, не может ее убить, ранить и так далее. Он обязан ее защищать до конца своих дней. В своем роде он к ней привязан. Его отец женился на своей истинной паре, его дед женился на своей истинной паре... Все волки женятся на своих истинных парах. А он не хочет. Он хочет выбирать сам.

— Я ему сейчас выберу! — засопела я, зловеще кивая и поглядывая на то, как на столах появляются блюда с едой. — Сейчас я ему разорву не только помолвку, но и кое-что другое!

— Правильно! Мы будем бороться за мужика! — поддакнула бездна, соглашаясь со мной. — Заодно и двадцать шесть человек уберу на приеме! Видишь, как удобно? Все друженько собрались.

Я достала платье, прикладывая его к себе и подходя к зеркалу, которое заволокло туманом. Красные глаза превратились в две точки.

— Так! — возмутилась я, требуя свое отражение. — Давай, покажи мне, как я выгляжу!

— Подойди ближе. Еще ближе. — слышался голос бездны. Я смотрела на клубящийся туман и сделала шаг. Внезапно меня заволок туман, а по щеке скользнуло что-то мокрое.

— Фу! — отпрянула я, а темный туман снова всосался в зеркало. Я пристально смотрела в зеркало, понимая, что если долго всматриваться в бездну, бездна начинает нервничать.

— А вдруг он тебя не полюбит? — поинтересовалась бездна, явно издеваясь, пока я рассматривала платье на вырост фигуры в ширину. — Ты как вообще представляешь вашу встречу?

— Я мечтаю упасть ему, как снег на голову, — я закружилась на месте, прижав к груди платье.

— И сломать ему шею, — поддакнула бездна, подползая ближе ко мне. Светящиеся огоньки глаз превратились в маленькие щелочки. — И что потом?

— А потом? Потом суп с котом! — ответила я, понимая, что против красавицы у меня нет шансов. — Суп отдельно, кот отдельно. Знаешь, какие супчики я умею готовить? Пальчики оближешь!

— Нужно чтобы наверняка! — уточнила бездна, пока я рылась в своих книгах. — Как мы будем мужика завоевывать? А то я уже за тебя переживать начал!

— Главное правило соблазнения — заинтриговать и вовремя исчезнуть! — мечтательно заявила я, представляя, как он бежит за мной и кричит о своей любви на весь мир. — У Золушки прокатило, прокатит и у меня! Не хочу упускать свой шанс!

Бездна молчала, пока я перебирала варианты «заинтриговать». Гостей будет много, а мне нужно будет обратить на себя его внимание. Но мысленно, я уже мчалась по ступеням, легкая, как лань, неуловимая и воздушная, бросая трогательный прощальный взгляд «Найди меня!».

— Хм. Если я побегу медленно, то он подумает, что я доступная женщина, — вслух рассуждала я, озадаченно почесывая любимый из подбородков. — А если быстро, то может подумать, что я ему не нужна! Нужно так, чтобы и личная жизнь не пострадала, и гордость была видна! Остается только одно — вовремя упасть!

— Я переживаю, а вдруг твой мужик упадет раньше тебя? А где наш принц? — ехидно заметила бездна. — А наш принц вдребезги!

— Нужно что-то понадежней, — согласилась я, подумывая о том, как сделать так, чтобы раз и навсегда.

— И жили они долго и счастливо, — задумчиво начала бездна, пока я собиралась с мыслями.

— Пока сломанные ноги твоего мужика не срослись...

Я фыркнула и вытащила из стопки огромную черную книжечку с интригующим названием «Приворотные зелья».

— Вот наверняка! — огрызнулась я, листая рецепты и читай их вслух. — Если вы всегда хотите знать, где находится ваш супруг, то возьмите белладонну, паслен, волчье лыко, пажитку и алмазную крошку. Алмазную крошку добавляем в суп, две недели и вы точно знаете, где ваш супруг. Обязательно добавить помет летучей мыши, собранный в полнолуние на третьем сталагмите пещеры, вход в которую находится строго на юго — западе. Помешивать зелье восемь раз против часовой стрелки. Соль, сахар и перец по вкусу.

— Вынесли мужа в открытую дверь, жена точно знает, где сволочь теперь! — прыснула бездна, пока я шуршала листочками, вчитываясь в состав. — Да, да, покажи ему небо в алмазах!

— Дороговато получается, — вздохнула я, прикидывая расходы.

— Дорого для тех, кто недолюбливает, — пакостно возразила бездна, сощуривая алые глаза. — Ты его явно недолюбливаешь!

Я уже листала следующий рецепт, обиженно сопя и вчитываясь в состав. «Чтобы мужик никуда от тебя не ушел», — значилось название. Я читала молча, пока бездна начинала нервничать.

— Ты что там читаешь? — волновалась бездна, а красные глаза виднелись то снизу зеркала, то сверху.

— Не мешай, — отмахнулась я, прикидывая, где взять сок чернослива и смалец, которые нужно помешивать по часовой стрелки, нашептывая «Далеко не уходи, счастье будет впереди!». Шептать нужно шесть раз, а потом осторожно влить в суп. Если он снова решит уйти, то процедуру повторить.

— Эй! — послышался встревоженный голос бездны, а ко мне стал красться черный туман. — О, да! Конечно, он далеко не уйдет! А если и уйдет, о ты найдешь его по горячим следам!

— А здесь нужно всего ничего, — обрадовалась я, потирая ладошки. — Мышиный помет, мелко истертый, кровь крысы, бульон из жабы и три лягушачьи лапки, кошачья шерсть, пыль с перекрестка дорог и плесень с северной стены, чешуя дракона, желчь тритона, маранта и лавровый листик для вкуса. Но его можно не добавлять!

— А я тебя никуда не пущу! — тут же заявила бездна. — Мне почему-то резко стало жаль мужика!

— Не переживай, — махнула я рукой, доставая набор банок и склянок, которые сгребла у гадалки. — Тут все есть! Осталось приготовить...

Через полчаса в старом котелке выкипало зелье, распространяя мерзопакостный запах. Я держала в руках огниво и ложку, сетуя на то, что пришлось пустить в расход стул. Чего не сделаешь ради большой любви?

— Зелье варись, любимый ко мне взором обратиться! — шептала я, глядя на огромные лопающиеся пузыри кипятка. Пустые баночки стояли рядом, а я повторяла заклинание. Зелье позеленело, потом покраснело, а я уже стояла с баночкой наготове, предвкушая стремительный эффект влюбленности.

Платье уже было надето, волосы расчесаны, а я сжимала в руках заветное зелье, чувствуя, как нервно трясутся мои руки.

— Я переживаю, что мое платье будет смотреться бедненько на балу, — вздохнула я, глядя на свое отражение и поворачиваясь боком, чтобы получше видеть свое отражение. — Мне бы так хотелось, чтобы, когда я войду в зал все гости обратили на меня свое внимание! Чтобы все смотрели только на меня!

— Как на счет роскошного туалета? — соблазнительно прошептала бездна, а я тут же оживилась, поглядывая в алые огоньки глаз. — Обещаю, все обратят на тебя свое внимание!

Я закивала, представляя сверкающее платье и взгляды, прикованные исключительно ко мне. Королева бала в платье, переливающимся отблесками драгоценностями уже мысленно кружилась в роскошном зале, затмевая всех красавиц.

Я почувствовала, как меня обволакивает туман, а через мгновение я оказываюсь в центре зала. Мне на руки падает что-то тяжелое, но из-за яркого света свечей, заставивших зажмуриться, я сначала не поняла, что это. — Бойся желаний своих, — послышался тихий и насмешливый голос бездны.

В моих руках был огромный, тяжелый старинный унитаз, украшенный золотыми вензелями. Я почему-то прижимала его к груди, как родной, с недоумением осматриваясь по сторонам.

Гости внимательно изучали меня взглядами, а седовласый мужик залпом осушил бокал.

— Чего смотрите? Даже не думайте! — обиделась я на суровый и несправедливый мир, чувствуя неловкость, которая нервно развязывала язык. — Частная собственность, охраняемая территория. В приглашении было сказано что? Приходить со своим

спутником жизни! Да, да! Видите, девушка в голубом кивает. А мы с ним близки... Понимаете, мужчина приходит и уходит,

Надменная девица в голубом с кокетливыми локонами, прикрывшими хрупкие плечи, брезгливо измеряла меня взглядом. На ее руках сидела норка, недоверчиво глядя на меня глазками-бусинками.

— Он у меня тоже домашний, — нервно лепетала я, неловко поглаживая унитаз. — Не общественный. Не переживайте. Я. Я очень ревнивая.

Взгляды в мою сторону стали еще более заинтересованными. Рассказы о том, что я весь вечер провела в обнимку с унитазом приобретают свой собственный, уютный и очень романтический смысл.

— Молодой человек! — нервно дернулась я, видя пристальный и непонимающий взгляд разодетого белокурого юноши, который стоял с бокалом в руке, подняв брови и внимательно смотрел на унитаз так, словно я очень даже вовремя. — В приглашении было сказано, что обязательное условия «роскошный туалет». Я просто решила перестраховаться. Или вы считаете, что мой туалет недостаточно роскошен?

— Простите, а зачем вам туалет? — полюбопытствовал подошедший мужик в растегнутом камзоле. Его горем были залысины, а просвета, кроме как кожи сквозь зализанные пряди, не наблюдалось.

— О, — кокетливо улыбнулась я, прижимая к груди унитаз. — Благодаря ему я всегда могу легко смыться!

— Ааааа! — протянул обладатель проплешин, опрокидывая в себя содержимое бокала. — Понятно...

Народ косился на меня, а потом стал разбредаться по кучкам, обсуждая платье, в котором появится новоиспеченная невеста. Грянули фанфары, от которых я чуть не подпрыгнула, и все внимание привлек зычный голос, который исходил от хлипкого и разодетого тельца, вышедшего на пьедестал с черным тронem. Каменные волки — подлокотники, застывшие в безмолвном оскале, пока гости обратили свой взор на напыщенного распорядителя.

— Дорогие гости, — тонко намекал распорядитель, поглядывая на роскошный стол, уставленный яствами. — Мы очень рады приветствовать вас на эпохальном событии — помолвки истинной пары!

Зал разразился аплодисментами, обмениваясь дежурными улыбками. Где-то тихонько играла ненавязчивая музыка, а мимо нас легким парусником мелькали служанки, предлагавшие всем гостям серебряные бокалы с эмблемой волка.

— Истинная пара — это древняя традиция, которой придерживается уже много поколений правящей стаи, — горделиво произнес распорядитель, украдкой прокашлявшись и набрав воздуха в грудь. — Истинная пара — это одна жизнь, одна судьба, одна любовь и одна вера. Это узы, которые связывают князя и его жену. Мы никогда не знаем, кто станет истинной парой для наследника, но всегда уверены в том, что брак будет самым счастливым, ибо предрешен самой судьбой. Быть им вместе навсегда, пока смерть не разлучит их!

Надо бы похлопать, но руки у меня были заняты, поэтому хлопать пришлось глазами и крышкой, выражая буйный восторг от самой идеи. Где-то в декольте грелся пузырек, на который я возлагала большие надежды.

— Вы можете принести ваши дары, — распорядитель махнул ручкой в сторону пустого пьедестала. — Истинная пара с удовольствием их примет!

Я видела, как на трон уселась знакомая фигура, вальяжно облокотившись на спинку и откинув черные, жесткие волосы. Красивый суровый взгляд, неприятная улыбка, обнажавшая острые клыки, почему-то смутили меня, заставив отвернуться.

Рядом с тронem стояла красавица, глядя на своего избранника с загадочной улыбкой. Ее волосы сверкали драгоценностями, а платье казалось блестящей на солнце чешуей.

Немного склонив голову и глядя в сторону гостей, которые подходили в порядке очереди к трону, протягивая подарки и рассыпаясь в пожеланиях.

— Это вам, о прекрасная, — подобострастно шептал старичок, а слуги рядом открывали бархатную коробку. Зал притих, с любопытством заглядывая на роскошную подушечку, на которой сверкало камнями ожерелье. — Я считаю, что каждый год, прожитый вместе — это бриллиант. Здесь их бесцельное множество, но все они прекрасны. Пусть в вашей жизни будет столько же прекрасных и счастливых лет.

Зал разразился завистливыми аплодисментами, а люди выстраивались в очередь, подпирая меня сзади.

— Пусть этот скромный дар, — слышался голос почтенного отца многочисленного семейства, преимущественно женского пола, которое стояло подле дарите, поджав лапки и опустив голову. — Напомнит вам о том, сколь бережно нужно относиться к своему счастью. Эта роскошная ваза передавалась у нас по наследству...

Все почему-то ахнули, а я встала на цыпочки, пытаюсь рассмотреть подарок. Судя по восторженному шепоту, ваза произвела неизгладимое впечатление на присутствующих. Очередь двигалась медленно, а будущим молодоженам уже торжественно вручили сукно с бриллиантовой крошкой и золотым шитьем, как бы символизируя крепость семьи; меч с какой-то вычурной ручкой в виде двух волков, как бы намекая, что волки — это символ постоянства и верности; два кольца с лунными камнями, которые были восторженно приняты привередливой публикой. И вот очереди дошла до меня.

Я сама того не ожидая очутилась перед тронем, прижимая к груди роскошный туалет. На мгновение я подняла глаза, видя знакомое и почему-то непроницаемое лицо волка, а потом глянула на его невесту, которая украдкой бросала алчный взгляд на дары.

— Дорогие мои! — начала я, вспоминая все свадьбы, на которых была. — Я дарю вам унитаз, как символ вашего будущего семейного счастья и новой жизни. Я считаю, что именно этот подарок, как нельзя кстати, сплотит будущую семью. Он будет объединять вас круглосуточно, а в те минуты и часы, когда он занят второй половинкой, у вас будет лишний повод подумать друг о друге. О, сколько серенад было спето, сколько откровений, сколько томных вздохов любви, сколько страсти и стонаний слышала я до того момента, пока не открывала дверь, смывая за собой. Я никогда не признавалась в любви так страстно, как стоя возле закрытой двери туалета.

Я не без наслаждения водрузила унитаз на грудь дорогих подарков.

— Я так и понял, чем пахнет идея, — слышался негромкий голос, приглушенный обсуждением: «А что? Разве так можно было?». Невеста сверкнула глазами, глядя на меня нехорошим взглядом. Красивые брови сошлись на переносице, образуя тонкую линию, которая мне не нравилась.

— Мы очень благодарны вам, — улыбнулась она, бросив на меня выразительный взгляд, а потом переведя взгляд на своего суженного.

— Стража, — очень тихо, продолжая улыбаться, добавила она, кивнув молчаливому эскورتу, который стеночкой стоял позади трона. Одна милая улыбка сорвала с места несколько гроыхающих латами стражников, двинувшихся в мою сторону. — Покажите ей наш чудесный сад... Сидеть, любимый! Не вздумай вставать!

Я отчетливо видела, как ее тонкая рука легла на его макушку, а уголок его губ дрогнул, обнажая клык.

— Сидеть, любимый, — прошептала она, не переставая улыбаться гостям. — Попробуй только рыкнуть.

Меня резковато схватили за руку и поволокли на выход из зала, где тут же заиграла веселая музыка, знаменуя начало веселья. Флейта радостно скакала по верхним нотам, скрипочка задорно пилила, а дверь захлопнулась перед моим носом, оставив меня наедине с пышным садом и караулом, подпирающим двери.

— Ах так? — засопела я, поглядывая в сторону высоких горящих окон и слыша приглушенный смех гостей. Летящей походкой, вбивая невидимые гвозди, я двинулась

вокруг дворца, предполагая, что где-то есть еще один вход.

Шурша стриженными кустами, повернув за угол, я прорвалась в какой-то маленький задний дворик, где на веревках были развешены простыни и какая-то одежда. Ночной ветерок шелестел юбкой и блузкой, которая смахивала на призрак, пришедшего сдаваться экзорцисту.

Откуда-то послышался смех в тот момент, когда я сердито срывала с бельевой веревки одежду служанки. Ничего-ничего, сейчас в конкурсе последнее желание победит вино со льдом!

Стягивая с себя платье и топчя его ногами, я натягивала блузку и юбку, одергивая ее изо всех сил. Юбка явно предчувствовала неприятности, поэтому трусливо лезла между пирожками, заставляя то и дело вытаскивать трусишку на свет.

— Месь — это блюдо, которое преподносится холодным и со специями, — потеряла ладошки, закручивая волосы в гульку, которую видела на балу. Маленькая дырка черного хода вела меня на душную кухню.

— У него волчий аппетит! — усмехнулась молодая кудрявая служанка, накручивая локон на палец. — Но он ее не любит. Это по глазам видно.

— Цыц! — прикрикнула на нее повариха, сунув в руки тарелку. — Они — истинная пара!

— Да иду я, иду! — лениво поковыляла девица, а меня отчитали, что я «копуша», что у меня руки растут из пирожков, что если я разобью тарелку, как в тот раз меня выпорют с усердием садомазохиста.

Я несла целый поднос кубков, поднимаясь по скользкой от жира лестнице туда, где горели свечи и слышался смех. Посреди груды подарков блестел мой унитаз, а пока девушки — служанки изящно курсировали между гостями предлагая им содержимое подносов, я двигалась неумолимым крейсером, который тянет на буксире все грехи человечества. Внезапно меня кто-то радостно ущипнул за попу, заставив повернуть тяжелый взгляд в сторону пьяного шутника, решившего поиграть со смертью.

— А закусить? — игриво поинтересовался побагровевший и противно лыбящийся мужичок, беря бокал с моего подноса.

— Закусить — только удила, прикусить — только язык, — отрезала я, суровым буравчиком взгляда отгоняя его подальше.

— Ам! — послышался голос, который я попыталась отследить. — Это я, моя кормилица... Ты жива еще моя толстушка? Жив и я, привет тебе, привет! И где мои жертвы? Ты обещала с бала мне кое-что принести! Принесешь — так и быть, помогу тебе немного. И даже не так, как в тот раз!

— Могу принести букет, но тебе он не понравится, — огрызнулась я, все еще обижаясь на шутку с туалетом и чувствуя, как меня пытаются увлечь в темный угол. — И как мне их вычислить?

— А я их помечу, — послышался знакомый голос бездны, пока я смотрела на гостей. Над некоторыми из них появились маленькие светящиеся огоньки. Я уже подплыла к немолодой красавице, напудренной и напомаженной. Она жеманно смеялась, бросая косые взгляды на молодого кавалера. Кавалер закатывал глаза, зевал, украдкой бросая взгляды, полные отвращения.

— Чего изволите? — спросила я, а дама томно посмотрела в мою сторону.

— Хочу пирожное! Но только с вишенкой, а не такие, как здесь! — жеманно заметила мадам, рассказывая о том, что это ее последний день жизни и лучшего времяпровождения она и представить себе не могла.

Через пару мгновений, я собирала пирожное с вишней, которую выловила в каком-то сиропе. «Ой!», — внезапно произнесла мадам, надкусывая пирожное, а я дождалась момента, когда ее спутник отвернется и. Маленький огонек улетел под своды зала, а мне на ухо что-то сыто икнуло «Ви-и-ишенка!». Мне в декольте что-то упало, а я осторожно

извлекла косточку. «Ко-о-осточка!», — пояснила бездна, пока я подбиралась к очередной жертве в зеленом платье.

— Чего изволите? — спросила я, готовясь выслушать заказ. Дама отмахнулась от меня, пристально следя за высоким статным мужчиной, который заигрывал с молоденькой девицей в роскошном платье.

— Отстань! — меня отодвинули с поля зрения, тихо скрипя зубами. — Иди куда шла!

— А что если я пролью что-нибудь на ее платье? — поинтересовалась я, делая вид, что ухожу, но меня дернули за руку.

— Лучше не пролей! Лучше испачкай ее! — страстно шептала ревнивица, с ненавистью глядя на кокетливую соперницу. — Да так, чтобы платье было безнадежно испорчено!

— Слушаюсь и повинуюсь, — кротко кивнула я, набирая полный поднос еды. Однотипные мелодии сменялись еще более однотипными, бедная флейта отдувалась за весь оркестр, а я уже разгребала хмельных гостей, пробираясь к жертве.

— Ой! — я посмотрела на отпечаток трех пирожных на роскошном одеянии изумленной девицы. Ее глаза округлились, а губы задрожали. — Простите! Жизнь подставила подножку! Я не хотела, я могу оттереть!

И тут же я бросилась размазывать крем по драгоценным камням и кружевам.

— Стража! — визжала девица, а я уже нырнула в толпу, забирая еще одну душу. Как только я подошла к еще одному мужчине, так яростно спорившему с целой компанией на тему: «Считается ли интрига со служанкой — изменой», как вдруг оркестр стих. Трубы снова попытались сдуть гостей, а в воцаряющейся тишине послышался голос распорядителя.

— Все мы прекрасно понимаем истинной этой пары, но перед тем, как назвать их женихом и невестой, я предлагаю вам проверить. Эта традиция уходит корнями в глубокую древность, и все мы понимаем, что это просто еще одно доказательство того, что эти двое созданы друг для друга! — послышался голос распорядителя, а я застыла в полуметре от очередной жертвы.

— Наполни! — приказала мне жертва, подкручивая роскошные усы и уставившись поверх голов туда, где нам рассказывали душещипательную историю о том, как первая отважная женщина приручила волка.

— Сначала красавица боялась его, — с наслаждением повествовал распорядитель. «Требовала справку», — шептал мне инстинкт самосохранения. — Но потом осмелела. И вот, она впервые погладила его, а он обернулся красавцем...

Интересно, за какое место его впервые погладили, раз волк вспомнил о том, что он — мужик? Гости застыли, перешептываясь и кивая друг другу.

— О, благодарю! — обрадовалась очередная жертва, осушая поданный мною бокал и тихонько исчезая с горизонта в виде маленького шарика света. «Фу, какая гадость! Заверните мне еще пять штучек!», — послышался насмешливый голос бездны, пока я пыталась понять, к чему клонит распорядитель.

— Истинность пары определяется тем, что избранница нравится как зверю, так и человеку, — донеслось до меня, пока гости предвкушали развлечение. — И чтобы все убедились в истинности пары, мы, следуя древней традиции, просим всех присутствующих служанок.

Девушки зашелестели, обиженно выпячивая губки.

— Я понимаю, дорогие дамы, ваше разочарование, — успокоил бушующую женскую толпу распорядитель, а какая-то из рассерженных девиц топнула ногой: «Так несправедливо! А вдруг она не его истинная пара?». На нее зашикали, а в торжественной тишине, распорядитель прокашлялся.

— Понимаете, риск велик, — пояснил он, глядя на нас с возвышения. — И мы бы не

хотели бы рисковать вашими жизнями. Поверьте, невесте ничего не угрожает. Но. Оказаться один на один со зверем сможет не каждая!

Я видела надменное лицо красавицы, которая горделиво осматривала каждую из присутствующих.

— И эту возьмите, — усмехнулась она, глядя прямо мне в глаза. — Обязательно. Мне она просто не нравится.

— Ну да, милая, — огрызнулась я, чувствуя, как меня вытаскивают из толпы, а гости отходят подальше. — Раскатай губу. Чем больше раскатаешь, тем проще на нее наступить!

Рядом со мной стояли четыре девицы, опасливо глядя на гостей. Одна из них тряслась, заламывая руки, вторая стояла бледнее мела, нервно шевеля губами. Третья покорно опустила голову и молчала. Зато четвертая упала на колени, умоляя пощадить ее.

— Я. я обещаю, что буду хорошей служанкой, — лепетала она, подогревая интерес публики.

— Это не я разбила ту тарелку. Клянусь, не я. Это Жанетта. Я просто... Просто взяла вину на себя. Это ошибка.

— Королева Волчица — это важный титул, который предопределен судьбой. И сейчас, чтобы вы все убедились в том, что леди Ригина, бывшая советница королевы-волчицы, заслуживает этот титул, мы проверим ее, — послышался голос распорядителя, который незаметно отходил подальше от нас. Послышался грохот, а прямо в центре зала появилась огромная клетка. Чем больше попа, тем больше приключений на нее!

— Вам незачем переживать, — успокоил распорядитель, пока служанки жались друг к другу.

— Дорогие гости, вам ничего не угрожает. Истинная та, которой зверь не сможет причинить вред. Но начнем с простого! Истинная пара определяется по запаху!

Не удивили! Я тоже в свое время одну свою пару по запаху узнавала. Смесь старых носков и алкоголя делали его уникальной личностью, а по шлейфу я легко могла догадаться, кто ходил к холодильнику.

— Мы выпустим внутреннего зверя на свободу, чтобы он еще раз выбрал ту единственную, которой вверит свою жизнь! — закончил распорядитель, пока зрители притихли в ожидании.

— Пусть та, которая является его истинной парой сумеет его погладить.

Я видела, как волк встает с трона, а его окутывает черный туман. Через мгновение перед нами стоял ошетинившийся волк. Гости ахнули, а кто-то уронил бокал.

— Ну что ж, — спешно закивал распорядитель, делая еще один шаг назад, пока волк двигался в нашу сторону. «Мамочки!», — пискнула маленькая служанка, которая до этого умоляла пощадить ее. Огромная волчья морда приближалась к ней, а она застыла, боясь пошевелиться.

— Бездна! — тихо позвала я, понимая, что пора смываться. — Ау! Быстро заberi меня отсюда!

— Не могу, ты тяжелая, — послышался насмешливый голос в голове. — У нас характеры в разных весовых категориях! У меня он легкий, а у тебя тяжелый!

— На твоей могиле напишут: «Забит тяжелым предметом!». И никто не догадается, что это был мой характер, — гневно прошептала я, видя, как съежилась маленькая служанка, когда огромная волчья пасть открылась рядом с ее миловидным личиком. Девушка даже закрыла глаза, боясь даже шелохнуться. Волк бросился на нее, а она упала на землю под восторженный возглас гостей.

Волк медленно подошел к следующей, которая стояла, как вкопанная, пока зверь

наворачивал вокруг нее хищные круги. Ее рука на мгновение дрогнула, пальцы сжались. Один рывок и служанка упала, отползая подальше. В ее круглых, серых глазах застыл такой испуг, а на лице красовался шрам от когтя.

— Молодец, — слышался тихий и вкрадчивый голос красавицы, которая с интересом следила за тем, как зверь подходит к следующей жертве.

— Помогите! — внезапно и пронзительно закричала девушка, пытаясь бежать, но ее настигли и повалили на пол, терзая подол ее юбки. Отличный мужик. За каждой юбкой бегают! Фу таким быть!

Волк подошел ко мне, а я стояла, как вкопанная, понимая, что падать на копчик — однократное удовольствие. Стоило волку подойти поближе, как на его морде расплылась довольная улыбка. Узнал. Стоило мне занести руку, как слышался голос: «Ко мне! Быстро!». В этот момент улыбка померкла, а невидимая сила потащила несчастного в сторону избранницы. Единственное, что удалось мне сделать, так это схватить его за хвост, вызывая возглас недоумения.

— Вот видите, — усмехнулась красавица, глядя на меня странным взглядом. — Милосердие — это главная черта правителя. Я попросила его не причинять вреда этой девушке. Природа ее и так обидела, так что зачем усугублять?

Зал взорвался хохотом и аплодисментами, а распорядитель пытался их перекричать: «Вот! Видите! Видите, что значит истинная пара! Только ее слово является для него авторитетом!». Пока гости не жалели конечностей, я начинала горячо любить свои, поскольку следующее испытание вызвало бурный и кровожадный восторг среди присутствующих.

— Из рук любимой хоть яд — гласит народная мудрость, — пафосно продолжал распорядитель, а я мысленно и с любовью рыла ему ямку два метра в глубину, когда каждой из нас дали в руки кусок мяса. Кусок мяса у самой маленькой из служанок шлепнулся на пол, а она подбирала его дрожащими руками, затирая кровавый след на сверкающих чистотой плитах зала.

— Косорукая! — слышалось надменное из толпы гостей, а кто-то снисходительно прыснул.

— Сколько волка не корми корона все равно его! Браво!

Слышался звон бокалов, а я перевела взгляд на Ригину, двумя пальцами, сжимающую кусочек ветчины.

— А сварить никак? У него же несварение будет! — возмутилась я, а гости застыли, предвкушая зрелище.

— Не жалейте аплодисментов! Самое интересное будет впереди! — подбадривал распорядитель, пока зал бушевал овациями. — Укротить внутреннего зверя может лишь та, которая рождена для него и предназначена ему судьбой! В испытании истинности пары выживает только одна!

Самое время воспользоваться приворотным зельем! Другой такой возможности не будет! Флакон был осторожно опустошен, а с мяса капало мое волшебное зелье. Неподалеку от меня раздался рык, заставивший меня вздрогнуть и едва ли не выронить пузырек. Девица отползала, задыхаясь, пока на нее надвигался огромный черный зверь.

— Пощадите, — лепетала она, закрывая глаза. — Прошу вас... Пощадите...

— Пощади пока что, — слышался негромкий голос Ригины, которая насмешливо смотрела на эту картинку.

— Умоляю, — едва слышно выдохнула служанка, а зверь сверкнул глазами и дернулся в сторону. Стоило ему переключиться на вторую служанку, которая не выдержала и бросила ему мясо, закрывая лицо руками. Ее плечи тряслись, а зверь навис над ней. Огромная зубастая пасть обнажила острые клыки. Нос волка сморщился, а служанка лишилась чувств. Третья служанка застыла, словно статуя, а по ее щекам текли слезы.

— Покажи ей, какое ты чудовище, любимый, — прошелестел едва слышный голос Ригины с полуулыбкой наблюдающей за этой картиной. Огромная пасть оскалилась так, что среди гостей пробежал тревожный шепот.

— Не бойтесь, — ласковый голос соперницы успокоил присутствующих. Именно таким голосом добрые хозяйки капающего слюной и разрывающихся от ненависти к миру бультерьера уверяют, что собачка не кусается. Волк вызверился на несчастную, которая побледнела и упала в обморок, а потом подошел ко мне.

— Иди сюда, — ласково позвала я, показывая кусок мяса. Волк бросил на меня тревожный взгляд, а я понимала, что либо сейчас, либо никогда! Он уже направлялся к своей королеве, как вдруг я схватила его за хвост и потащила в свою сторону. Когти скребли по полу, но я уверенно волокла его к себе.

— Открой ротик! — нежно попросила я, понимая, что на кону женское счастье. — Это вкусно!

Волк смотрел на меня с ужасом, пока я пыталась разжать ему пасть. Зрители перешептывались, пока я понимала, что зверский аппетит — это не про нас.

— Недокармливают бедняжку, — посетовала я, глядя в страдальческие глаза волка, который решил смотреть в сторону леса еще до того, как его осчастливили кормежкой. — Посмотрите, кожа да кости!

— Убей ее! — прошептала Ригина, пока я пыталась зажать волку нос. Глаза несчастного превратились в блюдца, а у меня в руке было «кушать подано». Когти скребли пол, он рвался, толпа бушевала и кричала наперебой что-то неразборчивое.

— Будь хорошим волчком, — требовала я, едва ли не оседлав зверя. «И явится блудница на страшном звере!», — пронеслось в голове, пока волк активно выкручивался, пытаясь увезти меня в сторону гостей. — А не то придет большая тетя и укусит за бочок!

— Прекрати, — слышался едва слышный сдавленный знакомый голос, пока соперница перешла на яростный шепот, требуя моей смерти сию же секунду.

— Может у нас тут и дама с собачкой, а я — баба с барбосом! — возмущалась я, пропихивая кусок мяса прямо в разжатую пасть. — Жуй!

— Прекратить! — слышался встревоженный голос Ригины, а я требовала, чтобы зверь работал челюстями.

— Ты меня на тот свет решила отправить? — простонал волк, имитируя начало пищеварительного процесса. — С ума сошла?

— Так вы знакомы! — донесся до меня голос будущей королевы, в тот момент, когда кусок мяса был проглочен с таким видом, словно бедолага уже догадывался, что его отбивают.

— Сюда! Иди сюда! — процедила Ригина, глядя на него холодными голубыми глазами, а волк дернулся, словно его горло сжал невидимый поводок.

Зрители бушевали, кричали, пока распорядитель пытался уговорить присутствующих криками о том, что «Милосердие — наша главная добродетель. Терпение — это украшение его величества...».

— Клетка! — слышался голос будущей королевы, а стража стала заталкивать нас в ту самую клетку, которая так помпезно стояла в центре зала.

— По древней традиции, — снова начал распорядитель, пока гости встревоженно переглядывались, словно я отдавала его величеству его авторитет. — Мы обязаны запереть в клетку всех участников испытания. Да, пожалуй, это очень кровавая традиция, но она берет начало спокон веков. Когда-то давным-давно девушка из очень бедной семьи пришла во дворец, рассказывая о том, что готова пройти испытание истинностью и стать законной правительницей. Король и королева отказывались принимать такую невесту, поэтому предложили соорудить для нее особую клетку, где она должна была просидеть с любимым сутки. Когда клетку открыли, девица была

растерзана. Вот так и родилась традиция запирать невесту в клетку со зверем. Если есть желающие? Это последнее испытание перед тем, как пару объявят женихом и невестой!

— Есть! — радостно произнесла я, представляя битком набитую клетку желающими стать королевой. — Я хочу!

— Мы не имеем права отказать! — обрадовался распорядитель, пока толпа предвкушала зрелище, звеня бокалами и что-то негромко обсуждая.

— Всех служанок туда, — послышался насмешливый голос будущей королевы. — Они заслужили наказание!

Если других красавиц приходилось заталкивать силой, то я тащила на буксире упряжку из стражи, которая слегка растерялась, увидев мой пыл.

— Дорогие мои, — послышался голос моей соперницы, которая стояла перед гостями, одаривая их нежнейшей улыбкой и поднимая кубок. Ее роскошное платье сверкало со всех сторон, переливаясь и ослепляя. — Любовь волка нельзя измерить словами или поступками. Это чувство, которое переполняет тебя. Истинная пара — это когда вы с любимым становитесь единым целым и с полуслова понимаете друг друга!

Зал разразился аплодисментами, а она грациозно приподняла юбку, заходя внутрь клетки, где в углу забились несчастные девушки.

— Я пройду это испытание, потому что в моем сердце живет безграничная любовь и преданность не только королю, но и всему королевству! — произнесла Ригина, а через мгновение за нашей спиной послышалось рычание. — Видите, он не владеет собой... Сущность зверя сложно обуздать, его невозможно подкупить или задобрить. И лишь истинная любовь способна спасти жизнь той, кому он отдал его сердце!

Дверь клетки закрылась с протяжным скрипом, а я с горечью понимала, что мужчины чаще всего отдавали мне долги, печень и дань памяти отношениям, а вот с сердцем у меня пока проблемы.

— Растерзай их, милый, — послышался насмешливый голос будущей королевы, а волк покорно бросился в сторону собравшихся в кучу служанок, которые по какой-то причине не угодили своей госпоже.

Я встала грудью на защиту визжащих девиц, покуда зрители, затаив дыхание жаждали крови и развлечений.

— Нет, — хрипло произнес волк, остановившись перед нами и опустив голову.
«Спасите!», всхлипнула одна из девиц, а волк тряс головой, скаля зубы.

— Убей их всех, — кровожадно усмехнулась красавица, глядя на черного зверя. Он посмотрел осмысленным взглядом на нас, а потом снова опустил голову, обнажая острые и белые клыки. Внезапно волк дернул головой, открыл холодные и равнодушные глаза хищника. С его огромных клыков стекала пенящаяся слюна, а он пригнулся, изгибаясь к прыжку.

— Бездна, — жалобно позвала я, понимая, что прием превратился в полноценный прием меня в качестве пищи. — Верни меня обратно!

Бездна молчала, а я зажмурилась, надеясь, что смерть — бессмертна. «А!», — взвизгнул кто-то из девушек за моей спиной, а я распахнула глаза, видя, как волк натывается на невидимый барьер и отлетает в сторону, тряс головой.

— Истинная пара? — ахнул кто-то в толпе и послышался звон либо падающей челюсти, либо кубка. — Она что? Тоже его истинная пара?

— Это истинный гарем! — пьяно икнул кто-то, пока волк смотрел на меня в упор осмысленным взглядом.

— Не может такого быть! — зашуршала толпа. — Две истинных пары — это невозможно!

Мой взгляд упал на побледневшую невесту, которая стояла, раскрыв рот и тяжело дышала. Ее роскошная грудь вздымалась в драгоценном корсете, а взгляд ее пытался прожечь во мне дыру.

— Взять их! — коротко прошептала невеста, сжимая кулаки и кивая страже, которая бесцеремонно выволакивала нас из клетки. — Служанок выпороть, эту в темницу... Быстро, быстро... Я кому говорю! Пока гости не опомнились! Постараемся им все объяснить.

Под шелест встревоженных голосов послышался отчетливый кашель распорядителя. Оркестр грянул во всю мощь, перекрывая шепот и разговоры.

— Так это Смерть! — крикнул кто-то, пока усердная флейта сделала передышку. Звуки тут же скатились в противную дисгармонию, а надоедливая флейта все еще продолжала веселую партию. Один глухой удар и флейта умолкла.

— Я узнал ее! Это Смерть! — крикнул голос, а в мою сторону двинулся тот самый толстенький и кругленький любитель сериалов, пришедший навестить ныне покойную бабушку. — Она! Точно она!

— Смерть?! — выдохнула публика, переглядываясь. — Костлявая что ли?

— Сами вы костлявые! — надулась я, пытаюсь прорваться к выходу и таща за собой сразу двух стражников. Картина «лыжники и ездовая лайка» прервалась тем, что к лыжникам подоспело подкрепление.

— Так вот она теперь какая? — прищурилась пожилая дама, поджав губы. — Я знала предыдущую смерть. Вежливая, кроткая, очень аристократичная. А эта! Вы только посмотрите! Грубая, базарная баба!

— Хабалка! — поддакнул мужик с пушистыми бакенбардами, кивая, как болванчик. — Фу такой быть!

Это я — базарная баба?

— Наглая и бесстыжая! — поддакнул кто-то из задних рядов. — Посмела прийти на прием во дворец! Вела себя ужасно! Я помню, как она притащила этот горшок! Мерзость какая! Ни вкуса, ни изящества!

— Да вы посмотрите, как она одета! — взвизгнула молодая девица с красиво уложенными буклями на хрупких плечах в ярком кричащем всеми цветами радуги платье. — И как она выглядит!

— Толстая и противная, — скривилась огромная мадам, скривившись всеми подбородками. Внезапно рядом со мной очутился огромный волк, ошетинившись на стражу.

— Отпустить ее! Это мой приказ! — послышался голос, а передо мной стоял он. Стража разжала руки, а я чувствовала, что чем ближе Волк в человеческом обличье подходит ко мне, тем сильнее бьется мое сердце.

— Кто причинит ей зло, станет моим личным врагом. Мне плевать, кто она! — послышался рык, а он стоял, почему-то сжимая свое горло и опуская голову. Длинные черные волосы разметались по могучим плечам, а каждое слово давалось ему с каким-то невероятным усилием.

— Уходи, — прошептал он, склонившись ко мне и свободной рукой проведя по моей пухлой щеке. — Чем дальше, тем лучше... У тебя будет мало времени, но ты постарайся... Я не могу долго... сопротивляться.

Его голос был тихим и сдавленным. Мне на плечо опустилась рука, а я увидела, как он морщиться, словно от раздирающей боли. Из-под его длинных когтей струилась по шее кровь.

— Уходи, пирожочек. — едва слышно выдохнул он, пока гости негодовали. — Только быстро. Давай, шевели булочками.

Кровь сочилась по его шее, а я взглянула в волчьи глаза, которые в обрамлении черных, густых ресниц казались совсем не хищными.

— Что с тобой? — задохнулась я, чувствуя необъяснимый прилив нежности и страха. — Скажи. Чем я могу помочь?

— Ты у нас пирожочек с капустой или с мозгами? — по губам скользнула легкая улыбка. — Давай, милая. Давай. Пока я еще могу. Вот такой вот я. Увы.

Я гордо удалялась, идя сквозь толпу гостей, которая шарахнулась от меня на две стороны.

— До встречи! — кивала я, улыбаясь первой партии, которая внезапно бледнела. — И вам до скорого свидания!

Мужик с огромным пузом, опешил, ошалело глядя по сторонам.

— Мне еще не скоро. — лепетал он, затравленно озираясь. — Мне еще не скоро!

— Ас вами мы встретимся буквально на днях! Я к вам обязательно загляну! — мило улынулась я, глядя на ту самую тетку, которая с осуждением отнеслась к моей фигуре. Пока все в форме, я в формах! И нечего мне тут.

— Ах, я так рада была с вами познакомиться! Я к вам заскочу на недельке! — мстительно улыбалась я, чувствуя какую-то странную волну, пронзающую меня насквозь.

Бледная дама прижималась к усатому мужику, который застрял в усатой эволюции между кисой и Буденным.

— Думаю, что через недельку — другую, я у вас погощу! — мстительно улынулась я, а люди молчали, с ужасом глядя на меня. — Не забывайте меня! И я вас не забуду!

Я уже подошла к двери, чувствуя, как по телу пробегает волна озноба. Дверь была украшена гирляндами из живых цветов, но стоило мне положить руку, как цветы сморщились и уродливыми коконами повисли на веточках. Листья скрючились, почернели и осыпались. Что это? Как это? Я физически чувствовала, как меня пропитывает чужой страх. Они бояться меня. Люди бояться меня.

Обернувшись, я увидела бледные лица. «Чем больше тебя бояться, тем сильнее ты становишься!», — прошептал в голове голос бездны, пока я смотрела на свои руки. Дверь распахнулась, а я миновала стражу, чувствуя, как ноги сами несут меня на улицу.

Прохладный ветер ударил мне в лицо. «Смерть! Это же смерть!», — гудели голоса в моей голове, пока я пыталась собраться с мыслями. Я прикасалась дрожащей рукой к кустам, видя, как они осыпаются от одного прикосновения. Миновав роскошные ворота, я вышла в оживленный город, чувствуя, как меня переполняет странная сила. Толпа, не смотря на то, что уже стемнело, спешила по своим делам, не обращая на меня никакого внимания.

Я брела вдоль какой-то улицы, пытаюсь осмыслить все происходящее, как вдруг послышался жалобный писк.

На старой тряпке возле добротного кирпичного дома сидел маленький, тощий котенок, зябко поджав под себя лапки. Я остановилась, видя это полосатое чудо, чувствуя, как вся ярость и злость куда-то испаряются.

— Ты что здесь делаешь? — позвала я, чувствуя зябкий ветер и слыша обрывок разговора и топот за спиной. «А у Мирисы пиво намного лучше!» — донесся до меня мужской бас.

Котенок смотрел на меня огромными голодными глазами, а я протянула руку к нему. Малыш шархнул от нее, испуганный прошуршавшей тряпкой.

— Я не причиню тебе зла, — прошептала я, глядя, как робко маленькие пушистые лапки делают неумелые шаги в сторону протянутой ладони. И тут я опомнилась, отдергивая руку. А вдруг он погибнет, если прикоснется ко мне?

— Мяу! — пискнул озябший котенок, идя в мою сторону. Он шатался, а сквозь шерстку были отчетливо видны ребра. Тонкий хвостик, едва покрытый пушком, напоминал крысиный. Серенький, невзрачный и такой жалкий, он ковылял ко мне, пронзительно пища.

— Понимаешь, милый, — я тут же почувствовала свою ошибку. — Пусть тебя заберет кто-нибудь другой, но не я... Я — Смерть... И ничего хорошего во мне нет...

Пронизывающий ветер трепал деревянные вывески, шелестел крышами и звенел стеклами, а котенок зябко жался к моей ноге, пытаясь по ней вскарабкаться наверх, жалобно пища.

Я смотрела на свои руки, чувствуя, как из глаз катятся слезы.

— Тише, малыш, — прошептала я, слыша завывания злого и колючего ветра. — Иди обратно на тряпочку. Там теплее будет. Может, кто-нибудь тебя подберет.

Малыш спустился по моей ноге и отошел и заглянул мне в глаза. Заостренная мордочка, маленькие ушки и худое тельце.

— Тебя обязательно заберут, не переживай. — пыталась успокоить котенка я, пряча руку за спиной. — Кто-нибудь пригреет. Ну не может же быть так, что такой красивый котенок никому не нужен?

— Мяу! — хриловато произнес малыш, прижимаясь к земле и дрожа, как осиновый листик. Его глазки закрылись, а он сидел нахохлившимся комочком и трясся.

— Эй, — заорала я на всю улицу, видя, как снуют прохожие. — У вас тут котенок! А ну быстро приютили! Или хотя бы накормили! Мужчина! Я знаю, вам срочно нужен котенок!

Проходящий мимо меня мужик зыркнул в мою сторону, кутаясь в драную куртку.

— Отвяжись со своим блохастым! — недовольно буркнул он, пряча руки в пришитые карманы и ускоряя шаг. Навстречу ему шла женщина с полной корзиной еды.

— Девушка, — пристала я, кивая в сторону котишки. — Вам котенок не нужен?

— Отстань! — женщина ускорила шаг, скривившись, словно я ей предложила вакансию в борделе.

Прохожие сновали туда-сюда. «Нет, благодарю! Терпеть не могу домашних животных!». «Миленький, но не надо!». «Если такая умная, то забирай себе!».

— Я даже гладить тебя боюсь, — всхлипнула я, заглядывая в сонные глазки, которые постепенно закрывались, а котенок клевал носом. — Я бы забрала, но не могу... Я же Смерть...

Я сделала шаг назад, а котенок встрепенулся и побежал за мной, жалобно пища. «Скоро содохнет сам! До утра не дотянет!», — отпрянула женщина в синем платье, брезгливо отворачиваясь. «Самим жрать нечего!» — усмехнулся какой-то разодетый мужик, вышагивая по улице, а следом за ним бежал слуга с полной корзиной еды.

— Не ходи за мной, — обернулась я, сделав несколько шагов и слыша душераздирающий писк.

— Не ходи. Пожалуйста.

Малыш бежал за мной и доверчиво заглядывал в глаза.

— Если никому из вас котенок не нужен, то я заберу его себе. — прошептала я, тяжело вздыхая. Малыш подошел к моей руке и обнюхал ее. Я смотрела сквозь слезы, как он укладывается на моей ладони, сворачиваясь клубочком. Казалось, он просто спал, доверчиво положив маленькую голову и закрыв глазки. По щекам катились слезы. Из носа лились сопли.

— Вот только котят нам не надо!!! — послышался голос бездны, а я видела как котенок превращается в маленького светлячка. — Хватит! Предыдущая смерть меня котятками кормила!

И тут я схватила светлячок, прижимая его к груди.

— А кто сказал, что я тебя котятками и щенками кормить буду? Щас! Размечтался! — огрызнулась я, чувствуя, как маленькая душа греется в моей ладони. — Котят ему подавай! В случае острой финансовой необходимости, у меня в запасе есть хомячки! Перейдешь на хомячков, как миленький!

Я почувствовала, как меня выбрасывает в моем храме, а маленький огонечек в руках нежно мурлычет. Моя ладонь разжалась, а огонечек пригрелся на ладошке.

— Тихе, мой хороший, — прошептала я, поглаживая пальчиком мурчащего светлячка. — Ты дома. Никто тебя не обидит.

— Ты что? Решила котенка завести? — возмутилась бездна, прищурившись алыми глазами.

— Я спокойно могу завести любого мужика в любой лес, а котенок — это святое! — фыркнула я, чувствуя, как мурчит маленькая душа, впиваясь коготками в мою ладонь. — Не переживай, мой сладкий...

— Ты понимаешь, что за ним нужно ухаживать! Это разодранная мебель, царапки на стенах!

— бушевала бездна, пока я с умилением смотрела на котенка, прикидывая, как его назову.

— Не ревнуй, — обиделась я, поглаживая маленькую душу пальчиком. — Моей любви хватит на два домашних животных!

— А кто второй? — на меня в упор смотрела бездна.

— Догадайся, — загадочным голосом ответила я, щурясь в ответ. — А что? Толку ноль, постоянно требуешь кушать, возмущаешься, если тебя вовремя не покормили!

— Ты хочешь сказать, что я — домашнее животное? — опешила бездна, пока я устраивалась в гробике, положив душу котенка себе на грудь.

— Чтобы завтра его здесь не было! Это храм Смерти, а не... в не., - возмущалась бездна, пытаясь вытечь тьмой из зеркала.

— Это не только храм Смерти, а еще и дом очень одинокой женщины, которой по

регламенту положено как минимум десять котов! — вздохнула я, вспоминая «роскошный туалет». -Вижу, что к туалету ты приучен, так что не надо гадить мне в душу! Да, мой шладкий?

Я уснула, чувствуя теплое мурчание маленькой светлой кошачьей души, а когда проснулась, то увидела кошачью мордочку, которая тыкалась мокреньким носиком и мяукала, глядя на меня во все глаза.

— Как?!! — занервничала я, глядя на пушистика, который сидел у меня ну груди, а потом стал трогать лапкой мою щеку. Не может такого быть! Я гладила мурчащую мордочку, которая зажмурилась от удовольствия.

— Кто это сделал? — послышался удивленный голос бездны, а я бросила взгляд в уголок, видя маленькую мисочку с едой и водой.

— Неужели? — я схватила малыша, глядя на прищуренные глаза бедны, которые смотрели на меня из темноты. — Ты. Ты вернул его к жизни!

— Неправда. У меня аллергия на котят, — усмехнулась бездна, пока я чесала своего котенка, радуясь тому, как он доверчиво льнет к пальцу. — Это ты его спасла. Эм. Своей любовь. А меня, между прочим, ты не гладила. И я обиделся. Смертельно!

— А рама не треснет? — спросила я, поднимая на руке котишку. — И как мы тебя назовем? Кто ты? Мальчик или девочка? Ну-ка! Не поджимай хвостик! Я все равно узнаю! Эй, не вертись! Знаешь, сколько я яиц видела в своей жизни? И не только в магазине? Да ко мне каждый день мужики яйца подкатывали, мол, тут болит, тут онемело, тут что — то вскочило, а этот так вообще признаки жизни подавать перестал!

Я поднесла котенка к зеркалу, а он зашипел, когда к нему потянулась тьма.

— Тише! Сейчас будем пол определять. Мальчик или девочка? — спросила я у бездны, пытаюсь отогнуть кошачий хвостик.

— Мальчик, — усмехнулся голос из темноты, а я уже смаковала новое имя «Эликсир». А что? Красивое! — Я — мальчик это точно, а про котенка не знаю. Я в котятах не разбираюсь.

— Я назову его Эликсир! — порадовала я, поглаживая маленькую головку с ушами и прижимая ее к груди.

— А я буду звать его Евкакий, — ухмыльнулась зубастой улыбкой бездна.

— Это почему еще Евкакий? — обиделась я, прижав котенка поплотнее к себе.

— А вот почему! — голос бездны стал подозрительно тихим и ласковым, чтобы внезапное «Бу!», заставило котенка вздрогнуть и вцепиться в меня когтями. Я посмотрела на свое платье, понимая, что имя Евкакий куда больше подходит этому малютке.

— Еще раз повторяю, — заметила бездна, отходя во тьму. — Я не люблю котят. Я их терпеть не могу! Пусть он лучше не подходит ко мне! И еще! По углам не гадить, стены не драть, громко не пищать... И не смотри на меня так! Даже гладить не буду!

Я отпустила малыша, который устремился на поиски приключений, пытаюсь взобраться на стул исключительно для того, чтобы чебурахнуться с него вниз. Глаза в темноте расширились, чтобы тут же сузиться, а я протянула руку в темноту.

— Иди сюда, — ласково позвала я, глядя на знакомый оскал зубов. — Иди поглажу. Спасибо тебе. Слушай.

Я пыталась подобрать слова, не зная с чего начать.

— Прости, не могу подобрать слова, — опустила голову я, лоя рукой клубы тьмы.

— А ты их не роняй, — отозвалась бездна, а потом зевнула. — Выкладывай, что у тебя там.

— Почему они все говорят о том, что я — плохая Смерть? Меня вчера даже базарной

бабой обозвали! — вздохнула я, присаживаясь рядом с зеркалом и видя, как передо мной появляется бутылка с вином. Следом появился бокал. — Представляешь! Базарной бабой! Хабалкой! Они все в один голос уверяют, что предыдущая смерть была такой замечательной, а я. Слушай, я пить напротив зеркала — это не признак алкоголизма?

— Главное, не чокнуться, — съязвила бездна, пока я наливала себе бокал и грела его в руках.

— Все говорят, что предыдущая смерть была хорошей, — повторила я, задумчиво глядя в черноту зеркала.

— Смерть не должна быть хорошей. Хорошая смерть — плохая смерть. Предыдущая смерть пыталась всем угодить, поэтому растеряла все свои умения. Чем больше бояться смерти, тем сильнее она становится. Так что ты на верном пути, — усмехнулась бездна, а я звонко и неожиданно для себя икнула, зажимая рот рукой. — Той смерти не хватало наглости, смекалки, уверенности в себе и умений. Люди помыкали ею.

— Ты хочешь сказать, что я — идеальная смерть? — спросила я, глядя в темноту и видя светящиеся глаза. — Наглая, страшная и нахальная?

Я сидела в тишине, глядя, как котенок решил прогуляться в гробу, среди тряпок.

— Я толстая, — выдохнула я, глядя в темноту. — Я правда толстая?

— Ээээ.... - затянула бездна, пока я ощупывала свою фигуру, вставая с места. — Я бы не сказал... Ты. Хм.

— Значит, толстая, — вздохнула я, делая выдох и втягивая живот. — А так?

— Эм. — растерялась бездна, а бутылка внезапно исчезла вместе с бокалом. — Ну. Это смотря с какой стороны смотреть.

— А если с этой? — с надеждой спросила я, снова пытаюсь втянуть живот. — Ты внимательно посмотри!

— Ну. — удивилась бездна, пока я с горечью осознала, что если спорт — это жизнь, то я действительно смерть. — Нет, ну то, что я вижу, мне вполне нравится.

— Нужно заняться спортом! — категорично заявила я, вспоминая осиную талию соперницы. Ничего-ничего, с ней мы потом разберемся! Там явно дело нечисто! Особенно после вчерашнего! — Знаешь, главное в спорте — это дисциплина! Ничто не портит фигуру, как несистематичные занятия спортом! Я уже много раз пыталась, но дисциплина у меня хромает на все ноги и хромосомы! Нужен стимул, мотивация! Будем бегать! Каждый день! Все, я так решила! С завтрашнего дня я буду бегать каждый день!

— Зачем ждать завтра, когда можно начать бегать уже сегодня! — поддержала меня бездна, а я почувствовала, как меня засасывает тьма, выплевывая на оживленной площади.

— Свежие новости! Помолвку пришлось отложить! Истинность пары под сомнением! На прием явилась Смерть! — кричал мужской голос под аккомпанемент колокольчика, а люди останавливались, поднимая головы, чтобы тут окунуться в обсуждения.

— Чтобы перемывать мне косточки, нужно сначала согнать с них жирок, — пробурчала я, обойдя толпу стороной. Мой взгляд уперся в стену, а я видела свой портрет, напоминающий раздавленную сапогом и плохим настроением жабу. Добрый художник решил дорисовать мне еще два лишних подбородка, колючий и злобный взгляд вкупе с опущенными уголками губ. Судя по виду, я была обижена на весь мир, а кто-то не поскупился в красках, расписывая все мои недостатки.

«Разыскивается Смерть! Если вам известно что-то о ее местонахождении, срочно сообщить во дворец. Награда за смерть составляет...». Я на всякий случай осмотрелась по сторонам. Внутренняя жаба прижавилась, зажимая лапкой пасть. «Только не говори, что никто тебя не ценит!», — послышался голос бездны, а я рефлекторно обернулась.

— Вон она! Смерть! Держи ее! — послышался крик, а в мою сторону мчалась стража,

громыхая доспехами. Я приложила руку к какой-то зеленой ветке, в надежде, что сейчас она сморщится и завянет, но нет! — Велено тащить ее во дворец!

«Ты же хотела бегать каждый день?», — удивилась бездна, когда я решила выстроить вокруг сложившихся обстоятельств трехэтажный забор ругательств.

Я мчалась медвежьей трусцой, слыша, как за мной летит целый отряд. В боку закололо, но я взяла себя в руки, зажав бок и перешла на галоп бегемота.

— Держите ее! — заорал кто-то впереди, а я увидела знакомую эмблему волка, сверкнувшую на доспехах. Я неслась, как курица, кудахча и причитая. Узкий переулок заставлял петлять между домов, юбка путалась в ногах, а я закатила ее под самые подмышки, улепetyвая, куда глаза глядят.

— Я только что выяснил, что бег с препятствиями дает куда лучший эффект, чем просто бег!

— слышался в голове голос бездны, пока я перескакивала через сваленные на дороге доски.

— Уф... Уф... — выдыхала я, пытаюсь переключить скорости. — Ох... Ох...

— Мы хуеем! Помни об этом! — слышался голос бездны. — А за тобой бежит ни что иное, как мотивация!

Пока «мотивация» гремела доспехами, я лихорадочно шарила глазами по темному переулку, экстренно соображая.

— Чего встала? — поинтересовалась бездна, когда я металась между правым и левым путем.

— Свернуть, — выдохнула я, пытаюсь отдышаться и слушая, как барабанит в голове сердце. — Пусть я нашла, а вот шею еще нет!

Через час, я сидела в своем храме, сползая по стене и обмахиваясь руками. Котенок мирно спал в гробике прямо на подушке.

— Уф. — сглотнула я, глядя на бездну тяжелым взглядом.

— Ну как? Похудела? — усмехнулась бездна, пока я искала силы, чтобы подползти поближе и дотянуться до него. — Теперь ты будешь бегать каждый день!

— Да чтоб мухи с тебя не слазили! — буркнула я, отваливаясь к стене и чувствуя, что ноги хочется отстегнуть и поставить рядом, прислонив их к стеночке.

— Ну-ну, — вздохнула бездна, пока я лениво краем глаза смотрела на клубящуюся тьму. — Зато сколько пользы! Ничего, пару дней в таком режиме, и тебя начнет резко устраивать твоя фигура! А я, вообще-то проголодался! Это я тебе тонко намекаю, что меня недокармливают!

— Давай я тебе сейчас быстренько какого-нибудь алкоголика и бабника притащу? — с надеждой спросила я, прикрывая глаза.

— Алкоголики и бабники были у нас в прошлый раз! — обиженно отозвалась бездна. — Как на счет чародея?

Меня тут же вышвырнуло возле какой-то старинной башни, которая возвышалась над лесом уродливым грибом. Ветер завывал, а я осматривалась по сторонам. Так! Главное, не торопиться и все продумать. Если что, я всю жизнь мечтала заниматься магией и летать на метле с повышенной грузоподъемностью. Отлично! Теперь нужно вежливо постучаться!

— Тук-тук, — слышалось в шелесте леса и переливах птичьих трелей. Старинная дверь гостеприимно открылась, а я опасливо шагнула внутрь, видя, как вспыхивают волшебные огоньки.

— Поднимайтесь, — слышался голос откуда-то сверху. — Я вас ждал!

Отлично! Меня уже заждались! Я потеряла ручки, спешно штурмуя крутые ступени, ведущие на самый верх. Стоило мне шагнуть внутрь, как вдруг послышался кашель. В роскошном кресле сидел старичок, задумчиво глядя на меня.

— Ну что ж, — прищурился он, рассматривая меня, пока я видела целый ряд потертых книг, рядом стоявших на полке, стеклянные реторы, в которых сверкало что — то подозрительное и огромный стол. — Хм... Ну-ка! Повернитесь! А можете раздеться? Ох, стар я стал... Боюсь, не осилю!

Я что? Богиня по вызову?

— Вы о чем? — спросила я, глядя, как старикан наглаживает бороду, глядя на меня то с одной стороны, то с другой.

— Да вы страшны, как смерть! — вздохнул дед — чародей, пока я с подозрением осматривалась по сторонам. — Ну вы только посмотрите на себя! Ни фигуры, ни лица! Хотя. Ой, я что? Без очков! Одну минутку!

На носу деда появились старинные круглые очки в золотой оправе.

— Вот так-то лучше! — прищурился колдун, а его глаза превратились в маленькие точки в оправе огромных линз. — Ну вот что это за складки на животе? Что это за прыщ под носом? Что у вас с волосами? Они хоть изначально были?

Я чувствовала, как в графе «Причина смерти» с наслаждением пишу «по неосторожности».

— Ничего-ничего, мы сейчас все исправим! — потер руки дед, ловко вскакивая со своего кресла и стаскивая с полки какую-то книгу. — Хм. Можно попробовать! А это у нас что?

На меня выразительно посмотрели, а потом прошуршали страницами.

— Нет, а вот это мы вряд ли. Тут голову сломать можно. Хм. Что у нас тут дальше? — бурчал старый чародей, пока я недоумевала, глядя на огромную женскую грудь, нарисованную очень даже натурально. — О! Неплохо! Обязательно попробуем!

Я на всякий случай осторожно заглянула в книгу, видя тот самый орган, который характеризует ситуацию, в которой я нахожусь последнее время.

— Я вообще-то к вам пришла учиться, — заметила я, пока дед сосредоточенно что-то выписывал, поглядывая в мою сторону. — Всегда мечтала быть чародейкой!

— Так! — книга резко захлопнулась и тут же волшебным образом встала на место. — Я никого не собираюсь учить! Ишь, чего не хватало! Чтобы я, бывший придворный маг Белиандр Всемогуший, занимался обучением? Нет, нет, нет, и еще раз нет!

Дед уселся в кресло, а оно само отвернулось от меня. Дверь позади меня открылась, гостеприимно пытаясь вышвырнуть меня на улицу.

Я упорно стояла и ждала, пока меня деликатно попросят убраться из башни, но старик молчал.

Мой взгляд упал на какие-то склянки, а я подошла и молча смела несколько из них на пол. Послышался звон бьющегося стекла, а дед обернулся.

— Ты что творишь, деревенщина? А ну быстро прекрати, иначе заколдую! — насупился старый чародей, а его седые усы воинственно напушились.

— Прекратила, — заметила я, подходя к деду поближе. — Это было твое последнее желание!

— Что?!! — внезапно замер старик, а потом хлопнул себя по лицу, едва ли не разбив очки. — Совсем забыл! У меня же сегодня День Смерти! Значит ты... То есть... вы... И есть...

Он смотрел на меня ошалелыми глазами, покуда я протягивала к нему руку.

— Погодите! — взмолился чародей, трясясь, как чихуахуа после купания в проруби. — Погодите! Я. Я не хочу умирать! У меня дело всей жизни еще не закончено! Исследования! Мои исследования! Прощу вас! Готов выполнить любое ваше желание! Вы не думайте, что я недоучка! Я, между прочим, бывший придворный маг! А это ого-го какой титул! Если это вам что-то говорит.

— Хочу миллион золотом, новый дворец и. — размечталась я, пытаюсь представить, как старик строит мне недвижимость в центре столицы.

— Отлично! Сейчас все сделаю! — занервничал дед, слетая с кресла и снова хватая книгу. — Все будет! И дворец, и карета, и кучер, и лошади, и украшения! Все-все-все! Так-с. Где-то тут я видел. О! Нашел! Подойдет! Правда с боков придется убрать, а то мне кажется, там не один мужик потерялся! Ой, простите!

Я почувствовала, как меня дернуло в сторону, а возле моих губ оказалась какая-то склянка.

— Пейте! Эффект долгосрочный! Не переживайте! Я уже много раз так делал! — уговаривал меня чародей, старательно избегая прикосновений. На вкус это напоминало молоко, разбавленное морской водой с приправами. Поморщившись, крикнув и дернувшись, я почувствовала, как меня начинает трустить.

— Будет тебе и дворец, — кивал маг, опасливо поглядывая на меня. — Я, между прочим, раньше всем придворным дамам такое делал! А что вы хотели? Думаете, что они все от рождения красавицы?

Пока я причмокивала вязким привкусом, мне в руки сунули огромную книгу.

— Выбирайте! — произнес чародей, а я прищурилась, видя целый ряд глаз, нарисованных один под одним. Хм. — И цвет выбирайте! Могу любой!

— То есть, — прищурилась я, глядя на огромные небесно-голубые глаза, в которых хотелось утонуть. — Вы предлагаете мне изменить внешность?

Старик отчаянно закивал, пока я с интересом рассматривала форму кисти, форму носа, форму и размер губ...

— Вот! Такие хочу! — потребовала я, пока старик что-то мешал в скляночке, поглядывая в рецепт. — А эффект будет долгосрочный или нет?

— Нет, ну вам придется ходить на коррекцию внешности! А так, если не попадать под мощное магическое воздействие, то достаточно долго, — пояснили мне, пока я выбирала форму ягодич. — Я дал вам первую часть зелья — основы. Сейчас мы вас сделаем красавицей! И тогда ваше желание обязательно сбудется!

— Как вы думаете? — спросила я, задумчиво перелистывая страницу то туда, то обратно. — Мне подойдет эта попа или нет?

— Не знаю, смотря куда вы собираетесь ею сесть, — ответил чародей, что-то колдуя над столом.

Внезапно книга открылась на странице с закладкой в виде сложенного листа. Я развернула его, в надежде, что это — диплом косметолога со стажем, но нет. Это были какие-то заметки про «волосатые ноги и несводимую бородавку на лице».

— Вот, пейте! — мне ткнули бурлящую склянку. — Все, как вы заказывали! Никаких побочных эффектов, кроме повышенного мужского внимания! Только перед этим подпишите договор, что не станете отнимать у меня жизнь. Погодите. Одну минутку! Сейчас найду ненужную бумажку.

Старик бросился к стопкам пыльных бумаг и схватил одну из них. Один взмах рукой и на бумаге была расписка, обеспечивающая мне красоту, а ему бессмертие. В расписке так же значилось, что мы со стариком сможем встретиться только в том случае, если я потеряю свою новообетенную красоту.

«А потом мы скажем бездне, что променяли ее ужин на новую грудь!», — вздохнул

внутренний голос.

— Пейте, и мы больше никогда не увидимся! — потер руки маг, а я отважилась и сделала глоток, сжимая в руках договор.

Внезапно меня свернуло в дугу, словно селедка и молоко встретились в моем желудке по пути на работу. Перед глазами все поплыло, а когда я наконец-то пришла в себя, мне подсунули золотое зеркальце с ручкой.

— Ого!!! — опешила я, глядя на себя и не узнавая. — Ничего себе!

Я хлопала огромными пушистыми ресницами, заглядывая в глубокие, красивые глаза и в роскошное декольте.

— Ай! — возмутилась я, чувствуя, как меня ущипнули за попу. — Вы что творите?

— Проверяю... Кхе-кхе... результат, — кротко ответил маг, пока я сжимала в руках договор. Один росчерк пера, и я почувствовала, как меня вместе с договором засасывает в черную дыру.

— Спасибо, дорогая моя Смертушка, — слышался знакомый голос бездны, пока я ощупывала себя, пытаюсь привыкнуть к осиной талии, скрепляющей две роскошных половинки тела.

Я все еще не могла поверить, что у меня резко возросли шансы хотя бы дожить до завтра! В порыве чувств, я прижала договор к груди, благодаря судьбу за счастливый случай!

Так, стоп! Здесь что-то есть на обратной стороне! Я приблизилась, глядя на уверенный и угловатый почерк. «... наш единственный сын — наследник престола. Мы, конечно, не хотели бы прибегать к магии, но она прокляла его тем, что у него никогда не будет истинной пары, а если он ее и встретит, то его ждет смерть. Насколько мы знаем, такая магия существует. Не все пары в нашем роду были истинными, поскольку этого требовали политические интересы. Мы искренне вас просим помочь, ведь от этого зависит будущее нашей страны и нашей династии.»

Я пыталась осмыслить каждую строчку письма, забыв обо всем на свете, как вдруг почувствовала, как меня обнимает темнота, накатывающая волнами из зеркала. Так! Это не к добру! Волны тьмы удерживали меня на месте, подтаскивая к себе поближе, а я почти вплотную увидела красные глаза бездны. Дьявольская улыбка играла на белоснежных клыках, а потом к своему ужасу показался длинный язык, который коснулся моей груди, облизав ее.

— Ты что творишь!!! — возмутилась я, понимая, что за язык его никто не тянет, а зря. Тьма тут же рассеялась, всасываясь обратно в зеркало, в котором появилась зубастая улыбка.

— А что мне остается? — горестно вздохнула бездна, пока я кипела от негодования. — Променяла мой ужин на новую грудь. Слабое утешение! Я ведь наивный думал, что ты хоть что-то съедобное принесла.

— Ту не только грудь, — язвительно отозвалась я. — Тут еще и попа! Попа не интересуется?

— Отстань! — пробурчала бездна, смертельно обидевшись на меня. — Мало того, что котенка притащила, так он еще копает под меня!

— Он просто хочет играть, — заметила я, глядя на пушистика, который с явным намерением оставить маленький подарок — намек, вел подрывную для авторитета бездны деятельность.

Пока я самозабвенно копалась в своем гардеробе, осознавая, что пора завязать с платьями — пододеяльниками и майками-наволочками, что прятать в пестрой палатке балахона телеса, мне уже не придется! Сразу же захотелось нацепить леопардовые лосины и короткую майку.

За спиной послышалось обернулась, видя, как под зеркалом сидит маленький Акакий, а тьма чешет его подбородок и гладит его. Стоило мне только обернуться и прищурится, как темная лапа всосалась в зеркало.

— Не люблю котят! — заявила бездна, пока котенок интенсивно терся об раму.

— Я уже поняла, — согласилась я, понимая, что мне для полного счастья не хватает вожаков лосин. Они словно манили меня запретным плодом, искушали маленькими размерами и обтяжкой, заставляя мысленно представлять, с каким наслаждением я их натягиваю. — Слушай, а ты не можешь мне лосины раздобыть? Унитаз как-то достал, так что с лосинами проблем не возникнет.

— Могу! — внезапно оживилась бездна, а прямо посреди храма приземлился огромное нечто. Трубный рев, разъезжающиеся копыта, ветвистые рога, скребущие потолок, лохматая борода и ошалелые глаза выдавали в животном лося. Детская энциклопедия «Зверье Моё», зачитанная в детстве до дыр и отпечатков кружки согласилась с первым впечатлением.

— Вот тебе лось, — послышался снисходительный голос бездны, а в моих руках появился нож.

— Вот тебе нож. Выкройку скину попозже. Сначала забей лося, а там посмотрим!

— Ыыыыы!!! — заорал лось, который явно был не в курсе моды, но лосинами становиться не хотел.

— Ничего, — злорадно заметила я, глядя в бесстыжие алые глаза. — Мы его оставим, как домашнее животное. Спасибо тебе огромное! Я так рада! Мне как раз лося не хватало! Всю жизнь мечтала завести лося! Ура!!! И теперь он будет жить у нас!

Лось исчез во мгновение ока, а бездна прищурилась в мою сторону. Ничего — ничего. Кто сказал, что один котик — это предел моих мечтаний? Не везет в любви, буду плевать по ночам шерстью!

— Я проголодался, — вздохнула бездна, жалобно глядя на меня. — Вот бы мне сейчас пару душ...

— Да прекрати! Ты и так вон сколько сожрал недавно, — отмахнулась я, занимаясь своим гардеробом. — Было тебе и первое, и второе, и даже десерт!

— А я не распробовал! — обиделась бездна. — Это что? Пандемия какая-то? Так, легкий перекус!

— Да потерпи, сейчас решу вопрос с платьем, так и быть, поищу тебе еду, — закатила глаза я, прикладывая к себе розовое платье с перьями и морщась от пятна. — Сейчас, перышки почищу! И тогда будем думать!

— А как на счет вот этого мальчика? — жалобно вздохнула бездна, показывая мне ребенка, лежащего на кровати в окружении родителей. — Или вот этого купца? Может, прачку? Еще немного и я буду согласен на прачку! И даже на немытого бродягу! А они сами не умрут, так что собирайся!

— Люди никогда не хотели сами умирать, — вздохнула я, выдирая пучок грязных перьев и глядя на лысину воротника. — И нет ничего плохого в том, чтобы они были.

Мысль свою закончить я не успела. Меня смутила тишина. Я подняла глаза и увидела прищуренные алые огоньки чужих глаз, которые уставились на меня в упор, как бы намекая на мое родство с маленьким кошачьим какаду, лежащим возле зеркала.

— То есть, — слышался спокойный и холодный голос бездны, который я не узнавала. — Ты искренне считаешь, что смерть — это плохо? Знаешь, милая моя, только ты заставляешь ценить жизнь и то, что она дает. Дело не в том, что ты подкралась внезапно и отняла самое дорогое. Именно ты заставляешь ценить людей, которые рядом, переживать за них, любить по-настоящему, заботиться о них. Именно ты говоришь людям, что нельзя тратить время попусту, именно ты заставляешь их думать над своими поступками. Никто другой. Только ты!

— Я тут подумываю о новом красивом платье, — вздохнула я, глядя на старые вещи и понимая, что нечего надеть.

— Отлично, — внезапно усмехнулась бездна. — Держи, милая, золотишко! Иди, покупай, что хочешь! Только не вздумай еще одного котенка сюда тащить!

Не успела я моргнуть, как очутилась на очень оживленной улице. Ветер стучал старыми, потертыми вывесками, прохожие обсуждали недавние события во дворце, кто — то молча спешил по своим делам, а я осматривалась по сторонам, поправляя утянутый веревкой пояс балахон.

Гордо вздернув голову, я двинулась по улице, радуясь тому, что меня никто не узнает. На стенах домов висели мои портреты, которые я одарила презрительным взглядом, гордо вышагивая мимо.

— И че? Будешь извиняться перед ней? — спросил один мужик другого, который шел, засунув руки в карманы.

— Всегда успею! Лет через двести может быть и извинюсь! Чай не конец света, что приложил ее крепко! Тем более, знал, что не помрет! Она сама мне дату смерти сказала, — ответил второй, растворяясь в толпе.

Я подошла к вывеске, на которой была изображена иголка с ниткой и толкнула некогда красивую дверь. Мысленно я уже приготовилась выбирать из роскошного ассортимента, как вдруг увидела скромный, полузаброшенный чулан с единственным платьем на витрине, от которого волосы дыбом встают даже на тех местах, которое оно гипотетически должно прикрывать.

— А где все? — спросила я, осмотревшись по сторонам. Пыльный прилавок, несколько полубодранных картинок с изображением роскошно одетых красавиц. Я постояла, пожалала плечами и решила не беспокоить царящее здесь уныние и запустение.

Выйдя на улицу, я побрела к еще одной вывеске, где были изображены шляпы. «Новинки!»,

— интриговала табличка за стеклом, а я впорхнула внутрь, скрипя дверью и готовясь к ассортименту и выбору. Обожаю шляпки и красивые платки! Облезлые стены, какие-то пыльные, серые шляпы и снова никого... Опутанная вуалью паутины шляпа, расположилась на пыльном пьедестале, а на меня смотрел большой и пушистый паук.

— Я что-то не поняла! — осмотрелась я по сторонам. — У вас тут что? Выходной? Массовая забастовка работников легкой промышленности и тяжелого алкоголя?

Улица встретила меня праздно шатающимися зеваками. «Смотри, какая красавица!», — присвистнул усач, поглядывая на меня и толкая локтем скучающего друга, который лениво жевал соломинку и постигал энергию дзень, прихлебывая из бутылки. «Ну пойдешь, познакомься, если охота!», — отозвался лентяй, протягивая другу бутылку. «Потом, как-нибудь. Никуда она не денется!». Я брела по улице, понимая, что я настолько обижена на весь мир, что одним балконом здание не отделается. Придется заваливаться полностью. Крошащийся кирпич, разбитые окна, ветхие подоконники и внезапный горшок, который вылетел из окна. Стекла осыпались прямо мне на голову, а я смахнула их рукой.

— Вы что творите? — заорала я, глядя наверх. — Так и убить можно!

— Не умрешь, — отрезал голос, а в доме продолжался скандал. Истеричный женский голос визжал на повышенных нотах: «Хоть бы стекло новое поставил! Ты уже двадцать лет обещаешь!». «Успею!», — отмахнулся ленивый мужской голос, но тут же пошел в наступление: «Хоть бы дома прибралась! А то пять лет уже тряпку в руки не брала!». «А тебе-то что не нравится? Вот завтра возьму и приберусь!», — парировал женский голос.

Среди небольшого столпотворения на площади слышался громкий голос, а я, подогреваемая любопытством, подошла и встала на цыпочки, чтобы разглядеть происходящее.

— Закончились бесчинства Смерти! Вот оно! Свершилось! Амулеты, которых боится сама Смерть! — кричал мужской голос. — Медальоны, отгоняющие Смерть! Проверено на себе! Как только она увидела у меня на шее вот этот амулет, она испугалась и бежала дальше, чем видела! Даже пятки сверкали! Так что будьте спокойны! Те, кто купил амулет, того для Смерти больше нет!

Руки тянули деньги, а мужик, стоя на бочке принимал их в мешок, одаряя всех сувенирами на веревочках. Пока женщина рядом разглядывала покупку, нервно оборачиваясь и тут же завязывая тесьму на шее, я посмотрела на кусок черепка с нарисованным черепом и со вздохом покинула очередь, которую успокаивали криками: «Сейчас еще подвезут! Никто не останется без амулета!».

— А можно в долг? Потом верну! — нудил кто-то, но его заглушил еще один голос: «Доставай все деньги, что остались! Нужно на всю семью запастись!».

Торговые ряды тянулись друг за другом. «Покупайте зелье, способное отпугнуть Смерть! Помните, она коварна! И последнее желание больше не срабатывает! Но есть волшебный рецепт! Еще моя бабка так смерть отгоняла!», — вопила какая-то женщина в чепце, тряся над головой закупоренной склянкой.

— Вы только понюхайте! — тыкала она в меня открытым флаконом из серии карательной парфюмерии для рецепторных инвалидов. — Одна капля отгонит Смерть! Проверено! Я так мужа с того света вытащила! Просто брызните в лицо Смерти, и она отступит!

Я отшатнулась, чувствуя, что в градации между деревенский сортиром и протухшим луком, зелье занимает почетное и вполне справедливое место. Хотелось отдать должное парфюмеру и концы после первого вдоха.

— Спасение от Смерти есть! — пыталась перекричать соседку еще одна торговка, кутаясь в синий потрепанный платок. — Есть специальные слова, способные отогнать костлявую! Читайте их каждый день, но никому не показывайте! И тогда станете бессмертными!

Слева слышался тревожный «ах!», а я повернулась, видя на постаменте пару в цветной одежде. Неподалеку в клетке сидели котят, а редкие зрители едва задерживались,

бросая унылые взгляды на артистов.

— Это — смертельный яд! — таинственным голосом произнес мужик в ветхой цветной одежде, демонстрируя остановившимся зрителям маленький флакончик. — И мы сейчас его испытаем! Кому интересно? Подходите? Не скупитесь! Такого яда еще не было!

— А он точно смертоносный? — лениво спросил зевака, пока улыбчивая артистка открывала клетку, доставая рыжего котенка из клетки с надписью «Купим котят».

— Ну конечно же! — произнес ее компаньон, поднимая пузырек над головой. — От одной капли умирает каждый! Сейчас мы вам продемонстрируем!

— Дай сюда! Сам выпью! — послышался голос бородатого мужика. — Я тоже так могу! Ко мне Смерть еще лет десять не наведается!

Артист растерялся, а его ассистентка застыла вместе с котенком, который жалобно мяукал и царапался, пытаясь убежать.

— Фу! — послышался голос из толпы, а в артистов полетели тухлые помидоры. — Скучно! Тоже мне, яд! Я вообще могу себя мечом проткнуть! И мне ничего не будет! Фу!

Помидоры летели, а артисты сворачивались, пытаясь увернуться от помидор.

— Старье! Так каждый может! — вопила толпа, глумливо смеясь над бегством немногочисленной труппы. Клетка с котятками манила, а я уже сидела возле нее, глядя на пушистые спинки и хвостики. Я сразу поняла, что одного котенка нельзя, а раз... два... три... пятнадцать можно! Про пятнадцать котят мне еще никто ничего не говорил!

Я смотрела на целый ящик маленьких, пушистых и таких славных котят, чувствуя, как тает мое сердце.

— Никому котят не нужны? — на всякий случай спросила я, почесывая верхних мурлык.

— Себе забирай! — вякнула тетка, смерив меня глумливым взглядом. — Тоже мне, красавица выискалась!

— Дорогая моя, — усмехнулась я, глядя на нее снизу вверх. — Спешите быстрее к телеге. Там вместо вас лошадь уже запрягли!

Котят пищали, ползали друг по другу, а я лихорадочно соображала, как бы так осторожно пронести их в свой храм.

— Точно никому не нужны? — с надеждой спросила я, видя усмешки и презрительное равнодушие. — Люди-люди, помните. Когда котят никому не нужны, я заберу их себе.

Казалось, никто меня не слышал, зато я уже придумала, как пронести котят в их новый домик. Через мгновение, я отогнула декольте своего платья мешка, трамбуя туда первую партию кошастиков. Они тут же заерзали и запищали, а я наглаживала их, успокаивая. Пять штук пристроили! Теперь мне нужна еще веревка! Усовершенствуем нашу модель платья!

— Я все поняла, — громко вздохнула я, глядя на заброшенные лавки, покрытую листьями наковальню и дома, в которые самые крысы приходят умирать. — Они все уверены, что в запасе у них вечность. Поэтому можно ничего не делать. Люди все откладывают на завтра, точно зная, что завтра обязательно наступит...

Меня перенесло в храм, а я удерживала облепивших меня котят сверху и снизу одной рукой. Платье было подвязано под коленями, формируя мешок, куда поместилось сразу десять котят. А в обтрепанных рукавах сидел рыженький и черненький. И пока что сидели тихо, как мурчащие мышки.

— Это что такое? — спросила бездна, а красные глаза прищурились. — Что с твоей грудью? Она что? Больше стала?

Я застыла, чувствуя, как возятся по мне теплые котят, царапая маленькими коготками.

— Да, — гордо ответила я, смерив взглядом свое мурчащее богатство. — Она немного

увеличилась! Я решила, что нужно действовать наверняка! Еще бы, у меня соперница есть! Красавица! А грудь — это мое конкурентное преимущество!

— Особенно шевелящаяся, — еще сильнее прищурилась бездна, а голос стал подозрительно — вкрадчивым.

— А почему бы и нет! — парировала я, поправляя своих пушистых пассажиров. — Шевелящаяся грудь — это модно!

Кто-то пропищал в моем декольте, а бездна насторожилась, расплывшись в широченной улыбке.

— Писк моды! — нашлась я, стараясь отойти подальше в темный уголок и сбросить пушной балласт. — Все пищат от восторга!

— Особенно левая! Она пищит громче всех! Ну-ну, продолжай, — сладко зевнула бездна, пока по мне нагло ползали спасенные котешки. Правая грудь слегка сместилась и подозрительно замурчала. — Последний писк моды! Да-да. Мне кажется, или ты и бедра себе увеличила?

«Увеличенные бедра» тихо мурчали, а кто-то жалобно запищал, намекая на то, что это тоже очень модно.

— Да, — кокетливо ответила я, поправляя кошачье убежище. Ой, чувствую, неприятностей я найду на своих котешек! Но они такие маленькие, миленькие и беззащитные.

— Это у тебя бедра мурчат? — заинтересовалась бездна, пока я пыталась успокоить разбушевавшегося котенка, изображавшего неприятности. Эта маленькая зараза вцепилась мне прямо в ж. женскую прелесть маленькими острыми коготками.

— Нет, это у меня желудок мурчит, — кротко вздохнула я, удивляясь, как это уже несколько дней не ела. Или богини не едят?

— Хм. Я вот тут даже не знаю, что сказать, — заметила бездна, расширяя алые глаза. — Я понимаю, то ты всеми силами пытаешься, показать мужчине, что он тебе интересен.

— Да, — кивнула я, соглашаясь целиком и полностью.

— Вот скажи, — снова продолжала бездна, подбираясь поближе к моим мурчащим и скребущимся прелестям. — Я тебе нравлюсь?

— Ну... — замялась я, чувствуя какой-то подвох. Запах веселого досуга резко повис в воздухе.

— Может быть.

— Странно, но я вижу твою заинтересованность мной, — ехидно заметила бездна. — Мало того, твоя пушистая заинтересованность, болтающаяся между ног, свидетельствует о неподдельном интересе к моей скромной персоне. Так вот, я неприступен и горд.

Я опустила глаза и увидела черный пушистый хвостик, торчащий в дырочке платья. Хвост вилял, а его обладатель шипел, пытаясь отвоевать себе тепленькое местечко. Сразу видно мальчик! Откуда достали, туда и норовит залезть!

Послышался протяжный писк и мне на ноги упал котенок, отряхиваясь и продолжая пищать.

— Радость — то какая! — послышался язвительный голос бездны, когда из меня выпал еще один котенок. — Давай, собирай своих котят и тащи обратно!

— Нет! — возразила я, морщась, когда по мне прошлись остренькие коготки. — Они теперь будут жить здесь! Ай!

Кто-то из пушисто-мурчащей братии проехался по мне когтями. Я вытряхивала котят, глядя, как они с детским любопытством разбредаются по храму.

— Пятнадцать. С Акакием шестнадцать! — простонала бездна, пока некоторые котята пытались по моей расцарапанной ноге залезть обратно, жалобно пища.

— И в чем проблема? — надулась я, вылавливая и глядя маленького пушистика, который смотрел на меня доверчивыми глазами. — Они меня греют. Это единственная шуба, которую я могу себе позволить!

— Так! — возмутилась бездна, пытаясь сдуть особо заинтересовавшегося рыжего котенка, который встал лапами на зеркало. — Их шестнадцать! Эта цифра должна ответить тебе на многие вопросы.

— Правильно, кошка-енот, заглядывай, кто там бухтит, как старый дед! — подначивала я, чувствуя, как вокруг меня хороводятся котята.

— Я согласен, чтобы они остались у нас, если. — загадочно заметила бездна, отшатнувшись от очередного любопытного мурлыки. — Если у меня будет пикантный ужин! Хочется чего-нибудь остренького.

— Ха, — заметила я, понимая, что с легкостью вотрусь в доверие даже к престарелому импотенту. — Это будет несложно!

— Вот и отлично! — обрадовалась бездна, пока котята настойчиво обтирали низ зеркала. — Брысь отсюда, мурчалки! Да что ты будешь делать! Так, значит, я хочу одного узника, осужденного на пожизненное заключение. В данный момент он находится в самой неприступной тюрьме всех земель — Волчьей Пасти.

— Что?!! — застыла я, видя, как тьма показывает мне мрачную камеру и одинокого заросшего заключенного, сидящего на подстилке из гнилой соломы. — В тюрьме? Я не пойду! На такие неприятности я не подписывалась!

— Я знал, что на тебе можно не только полежать, но и положиться, — оскалилась зубастой улыбкой бездна, а потом опустила глаза. — А ну брысь отсюда мелкий! Так, желуди, сидите смирно. И прекратите тереться об меня! Я кому сказал! Желуди! Это я к вам обращаюсь! Да сколько вас тут!

— Я просто собираю кошачью армию, чтобы завоевать мир! — заметила я, обдумывая условия.

— А ничего, что миром правлю я? — удивилась бездна, пока к нему стекались пушные подданные.

— А мне дашь поправить? — усмехнулась я, глядя, как бездна сдувает котят, мечтавших стать особо приближенными к его зубастому величеству.

— Разве что корону на моей голове! — парировала бездна, скосив алые глаза. — Желуди! Идите отсюда! Чем я так провинился?

— Просто ты теплый и «шеволишься»! — вздохнула я, прикидывая масштаб трагедии и план по освобождению заключенного от вечных мук.

Меня выбросило в тюремный двор, а я осмотрелась по сторонам, видя, как черные стены заслоняют почти все, кроме клочка голубого неба. Впереди меня была решетка, а я прошла к ней.

— Что надо? — недружелюбно спросил ворресепшн, поглядывая хмурым взглядом. Прямо на стене была старая надпись «Тюрьма «Волчья Пасть». Для особо опасных заключенных, осужденных пожизненно!».

— Я пришла проведать дальнего, но умственно недалекого родственника, — ележно заметила я, поглядывая в темный зев коридора. Сквозь решетку на меня смотрели стражники, явно оценив мою красоту.

— И к кому это такая краля собралась? — усмехнулся один из них, подкручивая длинный ус.

— Здесь не за воровство яблок сидят, красotka. И для того, чтобы увидаться с

заклученными нужно особое королевское разрешение. У вас оно есть? У вас его нет! Вот и идите отсюда.

— Неужели никак нельзя увидеть заключенного? — взмолилась я, осматривая неприступную цитадель с редкими бойницами. Над черными башнями реяли огромные птицы, изредка заслоняя солнце.

— Никак! — сурово отрезали мне, пока я усиленно думала, как пробраться внутрь.

— Бездна! — позвала я, сопя и пытаясь придумать, как пробраться внутрь. Меня дернуло, а я очутилась в храме, в котором шла активная борьба с любопытными котятами посредством «Пошел вон, блохастик!» и «Сгинь, мурчащее исчадь!».

— Как на счет того, чтобы сходить на прием к твоему оборотню и выпросить у него разрешение на посещение тюрьмы? — поинтересовалась бездна, а по раме уже карабкалась отважная рыжая попа с хвостом. — Или предпочитаешь напильник?

— А ты не мог бы выбросить прямо в камеру? — поинтересовалась я, чувствуя, как по моей неподготовленной ноге ползут пушные диверсанты, пока трое из отряда минируют подступы к бездне.

— Нет, — оскалилась улыбкой бездна. — Если бы мог, то давно бы сделал это. Так что будешь держать путь к своему мужику. А чем не повод увидеться?

Я занервничала, мечась по комнате и вытряхивая котят из своих вещей. Среди платьев, которые уже пахли одеколоном «У меня шестнадцать кошек», я потянула алую ткань, пытаясь понять, что это такое. В моих руках оказалось вполне сносное платье, которое я тут же приложила к себе. Из складок юбки на пол шлепнулась потертая книга «Древнее искусство флирта». Я вцепилась в нее, бросая платье на крышку гроба, посмотрела на затертую обложку, а потом по сторонам. Странно, как я ее раньше не заметила. Видимо, я не все знаю про одну покойную бабушку! Жадными глазами я впивалась в каждую строчку, отгоняя котят. «Я гарантирую тебе, что мужчина, на которого ты положила глаз, никогда не положит на тебя свое достоинство, если ты будешь следовать моим советам! Для начала встань перед зеркалом!».

— А что ты делаешь? — подозрительно уточнила бездна, пока я становилась перед зеркалом, сверяясь с пособием по очарованию. «Внешность — это не самое главное в женщине!», — прочитала я, начиная волноваться. «Главное — это ее харизма, обаяние, умение себя преподнести!», — жадно впивалась я в каждую строчку. Это — знак судьбы! Не просто так мне в руки попала столь нужная книга! Это раньше я флиртвала: «Кушать хочешь?», но эти времена прошли...

— Мне нужно тренироваться! Я собираюсь во дворец, поэтому мне необходимо сразить любимого наповал! — ответила я, чувствуя, как от волнения начинают трястись колени.

— Захвати лук и стрелы, — зевнула бездна, прищулив один глаз.

— Да нет же! — занервничала я, показывая найденную книгу и листая ее дальше. «Мужчины чаще падают к вашим ногам зимой!», — прочитала я вслух, расстраиваясь и всхлипывая.

— Не понял, а почему глазки такие грустные? — уточнила бездна, пока я прикидывала, сколько еще ждать первого снега.

— Он до зимы может не дотянуть! — всхлипнула я, а глаза бездны превратились в две алые плоскости. — Он такой бедненький, несчастненький. Вот так хочется его прижать к себе и затискать! А еще мне кажется, что он страдает!

— Ну началось! — закатила глаза бездна, явно не разделяя моих опасений. — Твой бедненький-несчастненький все королевство держит в страхе!

— Ну и что? — надулась я, прижав книгу к груди. — Ладно, сегодня или никогда! Мне нужно на ком-то потренироваться!

— Люди обычно на кошечках тренируются! О! Теперь я понимаю, для чего тебе целый зверинец! — усмехнулась бездна, но я уже внимательно читала книгу, понимая что от

нее зависит моя личная жизнь.

«Подойдите к зеркалу и посмотрите на него пристально, с легким прищуром. Мужчины — существа недогадливые, а ваш таинственный взгляд четко даст понять, что он вам понравился!», — прочитала я, выполняя все в точности, как написано. С легким прищуром я уставилась в бездну.

— Эм... Ты почему так странно на меня смотришь? — осторожно уточнила бездна, подозрительно прищуриваясь в ответ. — И что это за взгляд «Ах вы мерзкие пчелы! Зачем жалить в лицо?».

— Не мешай! — прошептала я, пытаюсь придать взгляду загадочность и таинственность. — Я взгляд репетирую! Ну-ка! А вот так? Сражает наповал?

Я снова прищурилась, но уже по-другому, глядя в глаза бездне.

— Ты меня в чем-то подозреваешь? — аккуратно спросила бездна, подаваясь поближе ко мне.

— У тебя взгляд «Чей котенок обосрался?» или «Кто испортил воздух на балу?».

«Когда мужчина вас заметил, необходимо заинтриговать его взглядом! Сам он ни за что не догадается, что вы от него хотите, поэтому постарайтесь быстро увести взгляд в сторону, словно стесняетесь. Для пущего эффекта желательно покраснеть и опустить глаза. Должно получиться что-то вроде «Ай, жеребец, я бы на тебе поскакала!», а потом сразу «Ой, как я могла такое подумать! Я же приличная девушка!». Можете повторять эти фразы про себя, чтобы ничего не перепутать», — прочитала я, репетируя изо всех сил.

— Мне как-то неуютненько, — скромно заметила бездна, слегка отодвигаясь. — Ты сейчас что делаешь?

— Интригую тебя! — сурово ответила я, повторяя одно и то же упражнение. — Ай, жеребец, я бы на тебе поскакала.

— Ага, сейчас подковы отполирую! — обиделась бездна, закатывая глаза, пока я терпеливо гипнотизировала его прищуренным взглядом, как бы приманивая его в свою жизнь. — Что там дальше?

«Мужчина подойдет к вам с самым идиотским вопросом, так что будьте готовы ответить на него с милой улыбкой», — прочитала я, видя перечень самых популярных вопросов.

— Задавай мне банальные вопросы! Вот эти! — приказала я, показывая главу «Первое впечатление».

— Ты работать сегодня думаешь? Что «угу!». Ладно, давай сюда! — ко мне потянулась темная лапа, сгребая книгу и выхватывая ее у меня из рук. — Что такая красивая девушка делает сегодня вечером?

— Эм. — почувствовала я некоторый ступор, понимая, что нужно ответить так, чтобы все не испортить.

— Правильный ответ «Делает ноги!», — заявила бездна, листая список вопросов. — Какие хорошие погоды стоят в нашем королевстве? Вы что? Серьезно? Когда у мужчины стоит только погода — это уже повод задуматься. Дальше! У такой красивой девушки нет никого? Хм... Ну тут ты сразу можешь ответить по поводу котят! Только цифру не называй, чтобы не спугнуть раньше времени кавалера!

Я попыталась отобрать «банальные вопросы», но меня схватила огромная когтистая лапа, бережно сжимая мою талию.

— Продолжаем уроки обольщения, так что не обольщайтесь, — прочитала бездна, пока я отчаянно сопротивлялась. Книга поднималась все выше и выше, а я не могла дотянуться до нее рукой. — Весь секрет заключается в том, что мужчина должен видеть ваш интерес. Итак, где интерес? Не видно? Странно. Меня тут обольщают изо всех сил, а интерес не торчит! О! Нашел! Дорогие дамы, слушайте все, о чем говорит мужчина! А

вот это уже мне нравится. Хм. Что тут дальше? Нашел! Если вы не понимаете, о чем он говорит, то, купите себе новые мозги! Хотя, нет. Мужчины обычно либо хвастаются, либо жалуются. Так что на случай жалоб не забывайте периодически говорить: «Бедненький, это действительно несправедливо!» и «Ты все правильно сделал. Это они плохие, а ты хороший!».

— Отдай! — потребовала я, пытаюсь допрыгнуть до книги, но лапа перехватила, ложась мне на грудь. — Я хочу впечатлить его до глубины души!

— Души его. Поверь, он сразу так впечатляется, что еще не скоро уснет! — ехидно заметила бездна. — Ну все! Наша красавица прошла курс молодого бойца за личное счастье, так что вполне готова к аудиенции! Погоди-ка! Тут написано про одежду! Та-а-ак! Дорогие девушки! Для того, чтобы вас заметили, нужно тонко намекнуть мужчине о ваших намерениях! Но поскольку мужчины от природы глупы, то намек должен быть очень осторожным, но понятным. Отлично! Сейчас все организуем! Сейчас как намекнем ему о наших чувствах!

Я попыталась вырваться и покачнулась, чувствуя, что либо моргнула не совсем удачно, либо. На мне было свадебное платье, фата, а сверху упал увесистый букет цветов. Я стояла в полутемной комнате. Глаза немного привыкли к темноте, а я отчетливо видела следы когтей на обоях и портретах, треснувшее зеркало и лохмотья штор, сквозь которые проникал тусклый свет пасмурного дня. Разбитый столик со следами когтей валялся на полу, а я перешагнула через обломки кресла. Мягкий пух подушек стелился белым снегом по роскошному ковру с темным узором, а я пыталась понять, как он умудрился дотянуться до роскошной люстры и ободрать почти весь хрусталь. Напрашивался вопрос: «Кто это сделал?», а я глазами искала лужу.

Я видела его со спины, сидящим в кресле. Черные волосы разметались по спине. «Ну же! Давай!», — подначивала бездна. — «Подкрадись к нему, закрой ему глазки ладошками, а потом загадочным голосом спроси: «Угадай, кто я?». Если кресло после этого будет чистым, то я сразу зауважаю нашего героя!».

— Зачем ты сюда пришла? — слышался знакомый, чуть хрипловатый голос, а я вздрогнула, шурша белоснежным кружевным платьем, похожим на огромный торт. Нервно теребя букетик в руках, я смотрела на широкие плечи и руку, которая сжала подлокотник, продирая когтями глубокую борозду.

— Ты заболел? — осенило меня, а ко мне повернулось бледное лицо с уставшими глазами.

— Спросила меня смерть, видимо, не без тайной надежды, — ехидно усмехнулся волк, осматривая меня с ног до головы.

— А как ты догадался, что это я? — поинтересовалась я, пытаюсь наивно хлопать глазами.

— В городе бесследно пропадают котята, — мрачно произнес волк, одарив меня зубастой улыбкой и приняхиваясь. — И, кажется, я догадываюсь, кто их уносит... Пирожочек мой, ты так кокетничаешь, что меня сейчас сдует. А если не сдует, то я точно простужусь.

— Приляг, отдохни, — предложила я, а на меня выразительно посмотрели.

— Мне свечку сразу в руки брать, мой сладкий пирожочек, или ее потом вставят? — спросил волк, вставая с кресла и глядя на мое платье. — Знаешь, раньше ты была намного красивей.

— Что? — не удержалась я, опешив от таких новостей. Как это? Я же. Мысли путались, а на мою грудь легла рука, проводя по ней тревожную линию.

— Где мой сладкий пирожочек? И почему я вижу тощий сухарик? — меня обняли, пока я все еще отходила от шока. Его рука спустилась на мою талию, а я застыла, все еще сжимая в руках свой букет.

— Вот что это такое? Даже схватиться не за что! — сокрушался волк. — Где мои аппетитные формы, которые так и хочется съесть? Где моя пышечка? Почему вместо нее хребетик, обтянутый кожей?

Он с ума сошел? Точно заболел! Не может такого быть, чтобы.

Его рука схватила меня за попу, а я округлила глаза.

— И все? — жалобно вздохнул волк, заглядывая мне за спину. — Где?! Где остальное?! Там еще было! Я точно помню! Ты что? Прибегнула к магии?

— Понимаешь, я села на диету и. — лепетала я, изумляясь все больше и больше. — И раздавила ее! Но потом поняла, что нужно заниматься спортом! Я много бегала последнее время! Каждое утро то за жертвой, то от стражи. Вот и похудела немного!

На меня сверху вниз смотрели грустные глаза, а я не знала что сказать.

— Тебе совсем не нравится? — прошептала я, чувствуя, как губы предательски дрогнули. — Совсем-совсем? Ни капельки?

— Ну как тебе сказать, мой пирожочек? — ласково произнес волк, а я чувствовала, как у меня дрожат руки. — Если красота измеряется кучками, то у тебя в моем понимании очень глубокая ямка.

Я отшатнулась и почувствовала, как сквозь меня проходит невидимая волна неведомой силы, прошибая меня насквозь. Мой взгляд опустился на свежий букет. Цветы обессиленно опустили головки, краски лепестков померкли, а сами они стали облетать на пол. Мне на ноги сыпались мертвые цветы букета. Прямо на глазах цветы съеживались, темнели, скрючивались в жалкий сухостой.

— Не расстраивайся. На вкус и цвет все люди разные, — слышался голос волка, пока я смотрела на свой сухой веник. — Ты все равно моя смерть, как ни крути... Дай мне свою руку, мой маленький пирожочек.

Его рука протянулась в мою сторону, а я с ужасом отшатнулась.

— Не подходи ко мне, — испуганно прошептала я, разглядывая свои руки, из которых выпал почерневший букет.

Я почувствовала, как меня затягивает обратно. Нос шмыгал, а из глаз катились слезы. Растирая их по лицу, я увидела, как перед зеркалом сидят котята.

— Так, ты у нас будешь. — принялась бездна, поднимая темной лапой за шкурку рыжего котенка. Глаза бездны сузились, а она отпрыгнула. — Вонючка! Отличное имя! А ты у нас будешь Пизля.

Черный котенок с белой грудкой жалобно пискнул, пытаясь улизнуть из лап тьмы.

— Во-во, оправдывай свое имя, — клыкастой улыбкой усмехнулась бездна, а я почувствовала, как слезы просыхают, видя эту идиллическую картинку.

— Ты у нас будешь Жуть! — оскалилась бездна, беря за шкурку маленького плешивого котенка и следом цепляя второго, полосатенького. — А ты у нас Плесень! Кто у нас тут еще претендует на звание моего любимца? Тут мы вообще замораживаться не будем. Ужас, Паника, Писец, Дохлая, Горлодер, Лысый, Сквозняк, Кирпич, Катюшек, Так, берите тряпку и подтирайте свою подмокшую репутацию!

Я молча смотрела на свою пушистую ораву, чувствуя острые приступы ревности.

— А вы. Вы у нас Мария де ла Круз! Если что — это моя фаворитка! — развлекалась бездна, прищуриваясь на пушистую кошечку. — А вы двое — Санки!

— Почему санки? — икнула я, забывая про свое горькое разочарование в любви, которое не мешало бы подсластить тортиком.

— В угол посмотри, — мрачно отозвалась бездна, глядя вниз, на мяукающую ораву. — Ой, я забыл! Фу! Идите отсюда, противные! Ненавижу кошек! Бррр! Кыш! Кыш от зеркала! Ну как свидание? Чего плачешь? Когда тебя замуж выдаем? На свадьбу хоть позовешь, или я сам приду?

— Я не плачу. Просто соринка в глаз попала, — отозвалась я, чувствуя, как беспощадно

скребут мне ноги пушные вредины.

— А я думал, что бревном по голове ударили, — вздохнула бездна. — А я говорил! А ты мне не верила!

— Можно это как-то убрать! Вернуть обратно? — всхлипнула я, присаживаясь на крышку гроба и поджимая под себя стройные ноги. Обняв колени, я тихо всхлипывала, чувствуя, как трясутся губы от вселенской несправедливости. Стараешься тут, стараешься.

— Не ной, — слышался голос совсем рядом, а я чувствовала, как меня обнимает тьма. Я даже чувствовала дыхание в своих волосах. Тьма застилала глаза, я горестно всхлипывала, чувствуя, как когтистая лапа вытирает мои слезы. — Я могу тебе помочь...

— Как? — шмыгнула носом я, чувствуя, как на меня штурмуют котята. Неужели бездна и правда сможет мне помочь снова вернуться в свою весовую категорию? Кто бы мог подумать!

— Легко, — выдохнула тьма мне на ухо. — Можешь, не благодарить!

Внезапно меня дернуло, а я очутилась в крошечной темноте. Рядом послышался шорох и приглушенные голоса: «Тише!». Я осторожно протянула руку, натыкаясь на пыльную ткань.

— Ни звука, — прошелестел кто-то рядом. — Как только он пройдет, мы его тут же прирежем. Это — магические кинжалы! Они умеют убивать, даже если срок еще не настал! Долой.

— Долой, — эхом отозвался стройный шепот голосов. Видимо, долго репетировали! А. А. Апчихи! Кхе!

— Держите их! — за черной пыльной ширмой послышался лязг доспехов, а я так и не поняла, что произошло. На меня упал пыльный мешок, рядом послышался шорох, крики. Пока я отчаянно чихала, пытаюсь выкрутиться, меня дернули и поставили на ноги.

— Сбежали все, кроме одной! — послышался суровый голос сурового мужика в доспехах с эмблемой волка. — Заговорщица! Ничего, сейчас мы ее допросим и все узнаем. Тащи ее в комнату для допросов.

Меня дернули за платье, а я отчаянно и звонко чихала, наступая на рукоять брошенного кем-то кинжала. Когда я наконец-то пришла в себя, остервенело растирая нос, передо мной сидел мужик два на два, а я вжалась в хлипкий стульчик.

— Как называется ваш тайный орден? Отвечай! — заорал бугай, ударяя кулачищем по столу. Честно сказать, вопрос меня ставил на колени в тупик! То, что размер неприятностей превышал обхват моих нижних полушарий, заставлял меня с грустью осознавать, что не потяну. Нужно выкручиваться!

— Быстро отвечай! — орали на меня, шатая стол, пока в маленькой комнатке, где уютно собрались все ржавые предки детектора лжи, горел тусклый огарочек свечи. — Я кому сказал!

— Клуб Анонимных Жопоголиков! — наобум выдала я, понимая, что слова «партия», «союз», «альянс» лучше не использовать. — Мы — мирная организация.

— И что это мирная организация делала за gobеленом в замке с кинжалами? А? — прищурились на меня и без того маленькие глазенки сурового служителя закона.

— Мирно стояли! У нас была молчаливая, мирная демонстрация! — сориентировалась я, пытаюсь улыбнуться. Дверь в камеру для допросов была закрыта, а сквозь решетчатое окно пробивался тусклый свет факелов. — Собрались и решили просто постоять!

— Просто постоять? Понятно! — наседали на меня следователь по особо прекрасным местам. Еще бы! У меня складывалось впечатление, что он разговаривает не со мной, а с моими средними полушариями, аппетитно выглядывающими сквозь прорезь декольте белоснежного свадебного платья. — А почему при вас найдено оружие? Кинжалы?

— Ну мы за себя решили постоять, в случае чего! — выкрутилась я, поглядывая по сторонам и делая удивленное лицо, мол, что тут не ясно? — Все и так понятно! Мирные люди собрались постоять за gobеленом, подышать пылью!

— Так чем занимается ваша организация? — прищурился дознаватель, пока я отчетливо слышала лязгающие шаги по коридору.

— Организация занимается организацией досуга, — ответила я, хлопая ресницами и мысленно уверяя себя, что если по возвращению бездна не успеет убежать, придется ее догнать чем —нибудь тяжелым!

— Ну-ну, расскажи мне. А как на счет крики: «Долой!», — глава стражи посмотрел на меня так, словно ему только что вручили бейджик «Самый умный».

— Ах, вы ошиблись! — как можно более беззаботно махнула я рукой. — Не обращайтесь внимания. — Мы кричали слово «Домой!»... Мол, все, закругляемся, расходимся...

— И что же демонстрирует ваша демонстрация? — выкрикнул дознаватель, а свечка на столике покачнулась.

— Мы демонстрируем наше достоинство! — отозвалась я, стараясь не смотреть на маникюрный набор палача, украсивший стены. — Всем, кому ни попадя! Вот идет человек, а тут мы выскакиваем и демонстрируем! Иногда еще просим объективную оценку.

— Не лги мне! — послышался рык возле моего лица, а я заодно узнала, что кто-то ел на ужин.

— Я все про тебя знаю!

— Какого цвета у меня трусы? — спросила я, решив начать с малого. Если и правда все знает, то можно будет узнать, что я делала прошлым летом. Мне самой интересно!

— Тебя уже сдали твои же товарищи! — усмехнулся следователь, пока я рассматривала засохшие капли крови на столике.

— С рук на руки? — улыбнулась я, мысленно гоня фонариком бездну по ее темному логову.

— Собирали макулатуру, а сдали меня! Вот сюки мерзкие!

— Где вы собираетесь? — сурово процедил амбал, задумчиво сопя. — Как проходят собрания?

— Пока что мы собираемся с духом, а потом собираемся вместе и рассказываем друг другу анекдоты, страшные истории о том, как докатились до такой жизни! Мы — безобидная организация. Нас жизнь обижает, а мы не обижаемся.

— И чем еще вы занимаетесь на собраниях? — спросили меня, пока я изучала мрачные своды потолка. Странно, когда приходится сдавать подробный отчет об организации, в которой я числилась секунд тридцать до моего громкого «Апчхи-и-и!».

— Плетем макраме, корзинки и интриги, — вздохнула я, в надежде, что меня все-таки отпустят. — Иногда браслетики из бисера! Клуб очумелых ручек... Просто маленький кружок по интересам.

— Вы готовили покушение? — прищурился стражник, сжимая кулачищи.

— Честно, нет. Мы готовили солянку, суп, гуляш, но покушение не готовили. Это тот рецепт, где два стакана молока на одну жирную селедку? Вы про это? — поинтересовалась я, понимая, что нужно как-то выбираться из передрыги. Вот сволочь зубастая! А он подумал, кто его кормить будет? Ничего-ничего! Вот вернусь, сразу поймет, что солнце, воздух и вода — наша лучшая еда! Мы с ним все диеты вместе пройдем! Я-то выживу, не в первый раз, а за этого мерзавца, не ручаюсь!

— Ты знаешь в лицо остальных? — прокашлялся стражник, пока я мысленно тащила домой еще десяток котят.

— О нет, что вы! — наиграно удивилась я, пожимая плечами. — Мы скрываем лица, потому что нам стыдно!

— Хорошо, если я приведу людей, вы сможете их опознать! Сказать точно, член это организации или нет? — прищурился дознаватель, а огарочек свечи уже капал воском на стол.

— Да как вы можете! Я — приличная девушка! — обиделась я, надув губы. — То, что я — единственная женщина в организации, еще не значит, что я знаю всех в яйцо! Вы как себе это представляете? Хм. Этот наш, этот наш, этого тоже помню, а этот, кривой, вообще не из нашей организации? Вы так себе это видите!

— Как можно в вас вступить? — не отставал от меня следователь, судя по натужному сопению, делая какие-то выводы, но не озвучивая их вслух.

— Вступить в нас легко! Отмыться сложно! Но если поковырять палочкой. — ответила я, сглатывая.

— Я узнал, что хотел! — сурово произнес бугай, вставая из-за стола и громыхая доспехами. — В тюрьму ее! Для политических заключенных! В Волчью Пасть! Ничего, посидит немного, еще что-нибудь интересное вспомнит!

— Так ведь там все камеры переполнены, — слышался голос за дверью, а меня уже вытаскивали из комнатухи, передавая с рук на руки целому эскорту.

— Ничего, что-нибудь придумайте. Связать ей руки, чтобы не сбежала! — отмахнулся начальник стражи, отдавая приказ сменить караул. Он был явно высокого мнения о моих акробатических способностях. Еще бы! На связанных руках далеко не убежишь!

Меня волокли по коридору, лестнице, а потом погрузили в крытую повозку без окон. Конь тронулся, а я затряслась по ухабам, потирая ушибленный филей. «А есть неприятности другого размера? На пару размеров больше! А то эти что — то жмут слегка!», — причитал внутренний голос, пока меня бросало из стороны в сторону. Ничего, я еще в тюрьме не сидела! Вот выйду оттуда, светясь здоровьем, как черныбыльская сторожевая, будете знать!

Повозку шатало, а я уже составляла план — график мести, прописывая его на долгие месяцы вперед. Ай! Не в дрова везете! Поосторожней, что ли!

— Прррр! — слышался голос, а повозка дернулась и встала. — Получайте! Заговорщица!

Дверь распахнулась, а меня вытащили из деревянного ящика, ведя под поднятыми зубцами очень знакомой мрачной крепости.

— В камеру ее! — скомандовал кто-то позади, а меня снова потащили вдоль узкого и темного прохода, правая сторона которого напоминала зоопарк, а левая — великую Китайскую стену.

— Из дворца, значит? — переспросил кто-то, пока стражник, идущий впереди, подсвечивал решетки коптящим факелом. — Ну, значит, к бывшему камердинеру! Пусть там сидят, обсуждают дворцовую жизнь!

Глухая дверь с лязгом распахнулась, а меня толкнули в камеру. На полу сидел тот самый узник, которого мне заказали на ужин. Седые волосы полностью покрывали голову, а я чувствовала, как на мне трещит платье. Не могу понять, что у меня с руками? Пальцы становились толще, а я стала ощупывать свое лицо. Один... Что?! Второй, третий! Переключка подбородков прошла успешно! Как это? Откуда это?

— Чего удивляешься? — сипло произнес узник, тяжело вздохнув. — Это особая тюрьма! Здесь снимаются все магические заклинания. Никакая магия здесь не властна. Даже артефакты портятся.

Стража удалялась, а я прислушалась. От платья остались одни воспоминания, а я посмотрела вниз, видя знакомые очертания живота. Да.

— Сколько, думаешь, продержится? — спросил один голос, а следом что-то проскрипело и звякнуло. — Ставлю золотой, что ее хватит на сутки. А дальше она сама во всем сознается!

— У нас кто в этой камере с камердинером продержался дольше всех? — спросил второй, а ответ я так не расслышала из-за грохота.

Я скептически посмотрела на старика, который несколько раз клюнул носом, пожала плечами и вздохнула. Старичок производил впечатление вполне адекватное, даже в чем — то милое. Понимаю, если бы меня поместили в камеру с каким-нибудь убийцей, а тут дедушка

— божий одуванчик! О чем это они?

— У меня есть для тебя две новости! Очень хорошая и так себе, — слышался глухой голос бездны, прерываемый мурчанием котят. — Хорошая новость. Вонючка научился мурчать! Новость так себе. Я не могу тебя оттуда вытащить, поскольку моя магия не действует. Зато твое желание сбылось! Ты снова прежняя! Другого способа, увы, не было. Но я в тебя верю! Ай! Не кусайся! Маленький компостер! Ты еще и царапаешься? Ну-ну!

Я немного постояла, поглядывая на вполне миролюбивого дедушку, который клевал носом, что-то бормоча. Где-то в гулком коридоре слышался голос стражи. Единственное, что сумела разобрать: «. красавицу привезли. Пусть «хряпнет висячку», пока комендант не видит! Она в камере смертников!». Поскольку планов на вечер, кроме плана побега у меня не было, я подошла к решетке.

— Ох, ё! — икнул первый стражник и чуть не выронил факел в тот момент, когда я игриво приподняла брови, сложив губки трубочкой. Еще бы! Каждый знает ракурс, в котором у тебя появляются дополнительные подбородки!

— Да, — отрешенно и как-то по-философски заметил второй стражник, слегка побледнев. — Тюрьма меняет людей... Причем, так быстро... Отсидела минут десять, а уже все... Эх...

Стражники удалились, унося свои «висячки», пока я проверяла на прочность добротную решетку.

— Добрый день, сударыня, — внезапно подал голос узник, тряхнув спутанной гривой седых волос. — Добро пожаловать во дворец Его Величества! Соблюдайте тишину и придворный этикет! Вы в каком виде позволили себе явиться на торжественный прием, юная леди? Ваше платье выглядит неподобающим образом, поэтому пойдите и переоденьтесь! В таком виде во дворец не пускают!

— Эм..., — замерла я на месте, видя лохмотья, которые едва прикрывали мои прелести. — Простите, вы о чем сейчас?

— Юная леди, если вы хотите быть представленной ко двору, то будьте так любезны выглядеть соответственно. Где ваше роскошное платье? Его Величество и Ее Величество не хотят видеть ваши лохмотья!

— Пусть закроют глазки, — вздохнула я, кривясь от неприятного запаха прелой соломы, сырости и грязного тела.

— Девушка! — внезапно произнес старик, а я лениво посмотрела на него. — Как вы себя ведете! Вы же не соблюдаете правила этикета! Приличные девушки в приличном обществе никогда не начнут разговор без реверанса!

Я осмотрелась по сторонам и отвесила такой реверанс, что чуть не упала на копчик.

— Это уже куда ни шло! — согласился старик, а, кажется, начинала понимать, на чем ломались даже самые стойкие. — Но этого недостаточно! Как вы стоите! Вы видели, чтобы хотя бы одна приличная дама позволяла себе стоять, опираясь на стенку!

— Ой, простите, — вежливо отозвалась я, вспоминая все способы побега, о которых слышала.

— Не виноватая я. Просто ей так нужна поддержка и опора!

— Вы совершенно не знакомы с правилами этикета! — горестно выдал старый камердинер. Я не дрогнула. Дрогнул мой правый глаз.

— О, очень приятно. Вас как зовут? А! Некладителоктинастол? Будем знакомы! А вы, я так понимаю Неразговариваетеснабитымртом? Взаимно! — мрачно заметила я, сдвывая с лица навязчивую прядь волос и утирая нос остатками рукава.

Сползая по стенке, я присела на пучок соломы. Пока здравый смысл пытался провести первичные реанимационные действия оптимизму, старичок продолжал наматывать мои

нервы на маховик этикета.

— Да как вы смеее сидеть на корточках! Приличные девушки так себя не ведут! — строго заметил старик, пока я обдумывала свое положение. Через два часа я посматривала на дверь камеры, в надежде, что когда буду колотить в нее, меня услышат. Я морально была готова взять на себя два покушения, несколько серийных убийств и пару грабежей с изнасилованием.

В коридоре ослышались тяжелые шаги, а я воспрянула духом, выслушивая нудную лекцию о том, что приличные девушки никогда не позволят себе такой дерзости, как вытирание соплей рукавом.

— Ну как? — спросил насмешливый голос, а в решетчатое окошечко показалась усатая физиономия стражника. Нам бросили миску с какой-то похлебкой. — Как успехи? Не хочешь сознаться в том, что поднимала восстание?

— Какое восстание? Мой лечащий врач запретил мне поднимать восстания! Оно же тяжелое!

— удивилась я, чувствуя, как нервишки расшалились настолько, что впору квалифицировать как хулиганство в особо крупных размеров.

— Какая-то ты странная, — подозрительным голосом произнес стражник, присматриваясь ко мне.

— Нездоровый образ жизни веду, — развела руками я, глядя на разорванное платье. Мужик, где ты видел смерть, которая ведет здоровый образ жизни? Спортом занимается и все такое? Я должна подавать пример!

— И вот как после этого с вами вообще разговаривать! — бухтел старик, сурово глядя на меня, пока стража удалялась. — Вы вообще знакомы с правилами приличия?

— Не так, чтобы очень. Мы с ними иногда поздравляем друг друга с праздниками, — зевнула я, слыша, как где-то гулко капает вода. Бррр!

— В вашем возрасте, юная леди, пора бы уже задуматься! — поучал старик, пока я прикидывала, как выломать дверь. — Кто вас учил банальной вежливости?

— Опыт и геморрой, — закатила глаза я. А могла бы истерику. Как на счет маленькой истерики?

— Послушайте, многоуважаемый..., — начала я, чувствуя себя танком, который намеревается идти в лобовую.

— Правила хорошего тона требуют, чтобы вы обращались по титулу. Сначала следует титул, потом имя, потом родовое имя, — перечислял дедушка, а я сглотнула, мысленно мечтая сделать его бабушкой.

— Ваш титул и имя! — снисходительно произнес старик, глядя на меня темными глазами. Моя нервная система начинала сдаваться на милость победителю, капитулируя со скоростью сто нервных клеток в минуту.

— Соблюдайте дворцовый этикет! — горделиво произнес старый камердинер, тряхнув затертыми и оборванными кружевами некогда очень дорогого костюма. В обтрепанном и грязном жабо все еще блестела брошь, а кое-где на костюме сохранились даже золотые пуговицы. — Я не знаю, как вас представить!

— Представьте меня обнаженной на фоне закатного моря, — зевнула я, явственно ощущая, что для сохранности душевного равновесия мне срочно требуется курс «Как найти внутреннюю гармонию за пять минут».

— Еще раз, — потребовал старик, глядя на меня так, словно я умудрилась перепутать салфетку с носовым платком. — Как вас представить его Величеству!

— Пусть они включают воображение, — отмахнулась я, простукивая камни и внимательно изучая стены. — Пусть представят меня первой красавицей!

— Почему первой красавицей? — удивился дед, начиная мне надоедать.

— Потому что у меня руки сильные, — буркнула я, пытаюсь расковырять старую кладку. — Выживаемость среди красавиц будет низкой!

— Гостей принято представлять! — спорил старый камердинер, пока я сплюнула волосы, осторожно ковыряя следующий камень. — Это правила хорошего тона!

— Пусть гости не знают, кем я их представляю, — огрызнулась я, трогая влажные от сырости стены руками. — Иди, представляй! Я — истинная пара наследника!

— Увы, вы лгунья, — тут с достоинством заметил старый камердинер, вытягиваясь по струнке. — У наследника уже есть истинная пара!

— А я — истинная тройка, — пробурчала я, присматриваясь к еще одному камушку, который чуть-чуть выпирал.

— Ваше Величество, — обратился к темному углу камердинер, вытянувшись по струнке. — В главном зале ждет девушка, которая уверяет, что она — истинная пара вашего сына. Нет, конечно же, не сказал! Я всего лишь сказал, что у наследника уже есть истинная пара. Как вы и говорили отвечать! Да, я умею хранить секреты, Ваше Величество... Его высочество Асбранд никогда не узнает об этом. Я не сказал ему ни слова. Бедный мальчик, бедный.

На всякий случай я заглянула в темный угол, надеясь, что его не сдадут репрессированной королевской семье. Но в углу никого не было, кроме воистину королевских пятен зеленой плесени.

— Я ведь предупреждал, что ничем хорошим дело не закончится, — вздохнул старик, глядя в темный угол. — Я предупреждал вас, Ваше Величество, чтобы вы присмотрелись к той девочке. Понимаю, что она спасла жизнь королеве, рассказав о заговоре, но это еще не повод так приближать ее к себе! И что? Вы теперь счастливы? Понимаю, что вы хотели, как лучше, но что из этого вышло? Я понимаю, что в королевской семье такое делалось уже не один раз, когда истинная пара наследника не устраивала родителей. Вспомнить хотя бы юную герцогиню, чей отец был замешан в попытке дворцового переворота, и которая, как оказалось, являлась истинной парой наследника. Конечно же, такого допустить было нельзя! И бедный Бедмонд так и не догадался, что несчастная Лиандра не его истинная пара! Да, согласен. Иногда это необходимость, как в случае с Вальгардом Безумным. Кто бы мог подумать, что его истинная пара девица легкого нрава? Тут даже спорить сложно!

Я стояла и слушала все это, понимая, что в компании с сумасшедшим время летит незаметно.

— Да, Ваше Величество! В истории много таких примеров! Но я молчу! Я поклялся, поэтому молчу! — пылко спорил с темным углом старик, а я терпеливо ждала, когда угол начнет отвечать, но диалогом пока не пахло. Зато пахло прелой соломой и неприятностями воистину государственного масштаба.

Мой взгляд упал на маленькую щель сверху, а потом на хлипкие плечи старичка. Нет, я, конечно, могу его посадить, но толку будет мало.

— Слушайте, многоуважаемый камердинер, — сладенько начала я, понимая, что вежливость у меня появляется только тогда, когда мне что-то очень нужно. — Я прекрасно знаю, что у наследника нет истинной пары....

Жадная золотая рыбка в моем лице готова была работать не покладая плавников, чтобы узнать подробности. Старик побледнел, подозрительно глядя на меня сквозь спутанные волосы.

— Так вы знаете? — натурально удивился дед, осматриваясь по сторонам. — Это же государственная тайна! Никто не должен знать об этом.

— А я скажу Вашим Величествам, что вы сами проболтались, — улыбнулась я, поглядывая в темный угол, а старик посмотрел на меня с прищуром.

— Я готов вам рассказать об этом, если вы настаиваете, — начал старый камердинер, косясь на темный угол. — Но не во дворце! Здесь даже у стен есть уши!

— А можно здесь? — наивно поинтересовалась я, обмахиваясь рукой, как веером. — Не думаю, что нас здесь кто-то слышит.

— О, нет! — пылко заметил старичок. — Придворные всегда пытаются разнюхать что-то важное, так что нам придется выйти из дворца, дабы я смог поведать вам эту тайну. Я поклялся хранить ее до самой смерти, но раз вы настаиваете. Как только мы выйдем, я все вам расскажу!

Я простонала, сползая по стене спиной. Приехали! Из-под меня выбежала мышь, спешно пытаясь ретироваться в щели. Стоило мне опуститься на пол, шурша остатками юбки, как вдруг я почувствовала, что камень, на который я опиралась, сдвинулся. Вскочив на ноги, я бросилась осматривать кладку, видя, что вокруг камня не было раствора. Поддев его пальцами, я потянула его на себя.

— Юным девушкам неприлично стоять в такой позе! — возмутился ревнитель этикета, когда я, высунув язык, по миллиметру вытаскивала камень побелевшими кончиками пальцев.

— А то что? — усмехнулась я, чувствуя, что надежда меня окрылила настолько, что смело можно целиться на головы памятникам.

— Замуж быстро выйдете! — обиженно заметил старик, а я вытащила камень, глядя в черную, зияющую дырку. Моя рука нащупала какую-то бумажку и что-то ржавое, металлическое. Я вынула бумажку, внимательно пробегая строчки: «История моей жизни. Я родился в семье каменщика. Туннель. Тридцать семь лет.» — пыталась разобрать я корявые буквы. В конце отсыревшего письма были приветы родным и близким, а я жадно заглядывала в пахнущую сыростью дыру, пытаясь пролезть в нее. Лаз дыхнул на меня тьмой и холодом, пока я отчаянно старалась втиснуться в него.

Впервые в жизни размер имел принципиальное значение! Под руку в крошечной темноте попала какая-то штуковина, которую я нащупала пальцами. Скребок? Вы серьезно? Я сопела, пытаясь расковырять дырку...

— Мадемуазель, — слышалось позади меня, пока я отчаянно сплевывая волосы расширяла туннель. — Вы что-то уронили?

— Ага, — бухтела я, все еще радуясь такой находке. — Честь и достоинство! Смотрите, не наступите!

— Мне кажется, что вы там ничего не найдете, — глубокомысленно заметил старик, пока я стоя на коленях пыталась подогнать туннель под мои габариты.

— Значит, в одной блохастой личности я что — то нашла, а тут прямо не найду! — огрызнулась я, расширяя туннель, а заодно и свой нецензурный словарный запас. У всех нормальных людей в голове тараканы, а у моего — блохи!

— Разве можно? Девушке так ругаться! — слышался голос за моей спиной, пока под руками осыпалась влажная земля. Земля хрустела у меня на зубах, а я умудрялась сплевывать ее. — Это же верх неприличия! Девушки ругаться не должны!

— Я — не ругаюсь, — сплюнула я волосы и грязь, вылезая из туннеля. В моих руках был ржавый скребок, а под ногтями — траурная кайма. — Я пытаюсь подобрать должные эпитеты, чтобы как можно красочней отразить ситуацию!

— Но все же! Девушке по этикету не положено использовать такие слова! — выдал камердинер, неуместно вытянувшись по струнке.

— Как вам объяснить, — приторно улыбнулась я, поправляя съехавшее платье. — Знаете, почему обоим в прихожей продержались шесть лет? Потому что после того, как я их клеила, они меня боялись! Поэтому держаться из последних сил!

— А что это? — слышался голос, когда я выдыхала, предвкушая, как грязная гусеница выпорхнет где-нибудь на свежем воздухе уставшей, злобной и плотоядной самкой

балабола, мечтающей откусить кому-то голову.

— Это, сударь, новый выход, — прокашлялась пухлая землеройка в моем лице, отряхивая руки. — Пожарный! Для экстренной эвакуации! Пользоваться тогда, когда начинает пригорать. Полезай!

— Сударыня, вы шутите? — высокомерно посмотрел на меня камердинер, брезгливо отряхивая рукава. — Я считаю, что это ниже моего достоинства!

— Еще раз крикнешь, — заметила я, осматриваясь по сторонам и для чего-то отряхивая остатки платья. — Ниже достоинства? Это легко исправить! Сейчас оторву достоинство и брошу на пол! Полезай! Шустренько!

Осмотревшись по сторонам, я засунула протестующего старикана внутрь.

— Если что-то не так — ори! — простонала я, заползая на локтях следом за возмущающимся дедом. — Давай, метрополитен!

— Попрошу на меня не ругаться! — обиделся старый камердинер. — Я же вас не обзывал? Это верх неприличия.

Я ползла на локтях, отталкиваясь ногами. Мне на голову сыпалась земля, застилая и попадая в глаза, но я упорно ползла вперед. Внезапно я почувствовала, как ноги шевелятся, а вперед не двигаюсь, застряв между каменной кладкой. Все! Скорый на расправу поезд отойдет в мир иной с четвертого пути!

— Ты там долго? — слышался голос бездны, когда я отчаянно пыталась выдохнуть тем местом, которое обычно не участвует в дыхательном процессе.

— Я застряла, — простонала я, пытаюсь всеми силами продвинуться вперед. — У меня таз не пролазит!

— А что ты там стирать собралась? — поинтересовался ядовитый голос бездны.

— Воспоминания о знакомстве с тобой! — фыркнула я, слыша что-то вроде: «В камере никого нет! Узники пропали!». Нет, дорогие мои, еще не пропали!

— Я нашел ее! — слышался голос через пять минут, а меня чем-то ткнули в мой нежный и многострадальный филей. — Вот она! Держите ее! А то сбежит!

Люблю оптимистов. Особенно среди стражи! Меня схватили за ногу, а я изо всех сил лягнула ею, чувствуя, как прорываюсь вперед. За мной еще никогда мужчины не ползали на коленях, боясь расставания со мной. Они как бы кричали мне: «Не уходи!», но я была прекрасна, проворна и неумолима!

Через две минуты я вывалилась наружу, кубарем полетев вниз. Мой орущий колобок уже успешно ушел от бабушки, от дедушки, от озверевших стражников и от столкновения с деревом.

— Вставай! — заорала я, чувствуя себя ракетой «земля, небо, земля». Старикан охая и постанывая поднимался с колен, а я уже волокла его в сторону леса.

— Итак, — отдышалась я, вспоминая все правила этикета. — Теперь вы можете мне все рассказать...

— Я поклялся хранить тайну до самой смерти! — гордо отозвался старик, явно обижаясь на меня и удивленно осматриваясь по сторонам.

— Смерть, очень приятно, — улыбнулась я, понимая, что природное притяжение в моем случае это чаще всего гравитация. — Сохранил тайну до смерти. Смерть — это я. Так что выкладывай!

Камердинер задумчиво вздохнул, глядя на меня странным взглядом.

— Я вас не так представлял, — с достоинством произнес он, пока я тащила его между деревьям.

— Можешь представить меня на пляже где-нибудь подальше отсюда! — не выдержала я, а старик отряхнулся и снова вздохнул.

— Вы слышали про истинную пару? — прищурился дед. — Легенду о том, как сама смерть прокляла наследника!

Да, да, конечно! Уже бегу оповещать всех! Лю-ю-юди! Все сюда-а-а! Становитесь в очередь, чистите уши! Тут государственную тайну выдают! «Ага! Сначала тайну выдают. Потом звиздюля за тайну!», — поддакнула бездна, пока я вынашивала коварный план мести. «Не переживай! Я все вынесу!», — вздохнула я, сплевывая грязь. «И мусор, и мозг, и план мести! Дорогая моя, я уже морально готов!», — ехидно отозвалась бездна. Я молчала, видя, как старик собирается с мыслями. «Ты меня ничем не напугаешь! Попробуй меня напугать!», — сладенько продолжила бездна, как бы намекая, что худшее он уже видел. «Я буду приносить по одному котикше или щенку за каждый такой косяк!», — гаденько

заметила я. «Эээ.....», — послышался голос бездны, претендующей на звание бездны отчаяния.

— Поверьте, я молчалива, как могила, — мрачно выдала я, пытаюсь приободрить старичка. Он тут государственную тайну собрался выдавать! С духом собирается. — Смерть умеет хранить тайны вкладов и тайну исповеди!

— Ни один... Ни один из правителей не женился на истинной паре, — прошептал старик, осматриваясь по сторонам. — Это — политический интерес. Кому охота возиться с простолюдинкой? Никогда не знаешь, кто станет истинной парой для наследника. Вдруг это дочь какого-нибудь плотника? Или нищенка с улицы? А ей предстоит стать королевой! Это же воспитание, знание этикета, умение себя вести.

— Отлично, — согласилась я, пытаюсь наулыбаться на подробности. — Точнее, какой кошмар! Какой скандал! Ай-я-яй! Да как они могли? Сюки мерзкие! Гондольеры!

— Я вам ничего не говорил, — тут же прошептал бывший камердинер, а я интенсивно закивала, стряхивая с волос комья грязи. — Умоляю, никому не слова!

— Да вы что? Да как я могу? — натурально удивилась я, прикидывая, стоили ли сведения дерзкого плана побега и босых ног, шлепавших меня по лицу в процессе «тюрьма — мать родная, роди меня на волю!».

— Понимаете, — продолжил информатор, приглушая голос. Да, да, знаю! Даже у деревьев есть уши! А старый пенек с опятами, так вообще боится шелохнуться. — Мы скрывали от наследника, что у него есть истинная пара! При помощи древней магии, которую, увы, практикуют немногие волшебники, нам удавалось преподнести любую, выгодную партию, как истинную пару. Новая королева получала контроль над королем, а истинная пара наследника внезапно умирала. Но об этом знали только король, королева и, разумеется, я!

Доверенное лицо выпятило грудь, а я поискала на разодранной юбке карманы, чтобы вручить ему орден «Доносчик первой степени».

— Только никому не слова, — заметил бывший камердинер, осматриваясь по сторонам, пока я сердечно уверяла, что единственное слово, которое я могу сказать по этому поводу другим, заставит завянуть даже бывалые уши.

Внезапно меня дернуло, а я уже приготовилась повергать бездну в бездну отчаяния за внезапную отсидку. Как говорится, хороший скандал еще никому не повредил! Ничего, ничего! За такое я еще штук десять котиков притащу, двадцать щенков и пару канареек! Будет знать, как обижать меня!

— Как дела? — осторожно поинтересовалась бездна, пока я стоически молчала, глядя на кошачью идиллию. Для каждого котика стояла отдельная мисочка, а мое пушистое братство когтеточки и лотка, спало везде, куда падал взгляд.

Я молчала, прикидывая, что можно оторвать бездне за такие приключения, но пока что из вариантов была только рама.

— Почему молчим? — поинтересовалась бездна, как ни в чем не бывало.

— Придумываю имена для следующей партии, — спокойно ответила я, поглаживая слипшийся комочек разноцветного меха. — Ты недолюбливаешь меня, за тебя это делают котики!

— Только не надо! Я прошу тебя! — занервничала бездна, вытекая из зеркала. — Храм не безразмерный! Я думал, что раз ты любишь заговоры, то тебе понравится в нем поучаствовать...

Передо мной появилась роскошная ванна, доверху наполненная водой. Я скептически посмотрела на внезапные удобства, а потом отвернулась, скидывая с себя одежду. Начало извинений мне нравится.

— Странно, вроде бы в тюрьме сидела, а магическую татуировку себе не сделала? — съехидничала бездна, когда мои лохмотья полетели на пол.

— А стекло не треснет? Нет? — обиженным голосом заметила я, поворачиваясь к зеркалу. — Вот здесь поперек груди я как раз планировала нарисовать портрет нынешнего правителя, а потом дожидаться, когда он превратится в хтоническое, морщинистое нечто, злорадно потирая старые руки! А вот здесь.

Я показала на живот, глядя на алые и бесстыжие глаза бездны.

— Вот здесь я прямо спала и видела, как украсят башенки замка, по количеству лет отсидки! А поскольку статья серьезная, и ближайшие лет пятьдесят все будут точно знать, где я прописана, мы его перекрасим в ежика! — злилась я, тыкая пальцем в живот. — А вот здесь, на предплечье, я требую, чтобы была изображена смерть с косой! Как бы профессиональное клеймо! Вот тут, на бедре, мне, пожалуйста, дракона. Чтобы дракон вот сюда вот поворачивал, и тут вот была его морда, а у каждого последующего мужика создавалось стойкое впечатление, что в процессе любви и ласки ему что-то откусят!

Бездна смотрела на меня так, словно я пообещала в следующий раз завести слона.

— А вот тут, — с наслаждением заявила я, поворачиваясь к бездне тем местом, которым она повернулась ко мне, засунув меня в эпицентр готовящегося покушения. — Я требую надпись во всю спину «Если долго всматриваться в бездну, бездна начинает нервничать и прятать глаза». И обязательно указать ориентир, где я видела бездну в последний раз. Прямо вниз по позвоночнику!

Я шагнула в ванну, тяжело выдыхая и все еще дуясь!

— Ты никогда не похудеешь! — гаденько заметила бездна, а я замерла на месте. — А знаешь почему? Потому что постоянно дуешься!

Ладно, ладно! Я на тебя еще прыщи выдавливать буду! Нет, я действительно обиделась. Мое тело лежало в ванне, подтверждая старый, как моя шуба, закон. На тело, погруженное в теплую жидкость с пеной для ванны, действует непреодолимая сила блаженства, равная весу жидкости, которую не придется убирать с пола!

Значит, околдовали моего мужика! Понятно... Я протянула руку и нащупала книгу «Привороты и любовная магия».

— Привораживать собралась? — снова пристала бездна, пока я листала мокрой рукой очень действенные ритуалы, которые дают почти моментальный эффект.

— Пусть между двумя любовями выбирает большую, — шмыгнула носом я, глядя на свои габариты. — И чистую! Вот! Нашла! Нашла! Нашла!!!

Я прижала книгу к груди, чтобы отлепить ее и снова прочитать про самый действенный ритуал по привлечению мужчины.

— Ну раз она пользуется магией, то и я буду! — гордо ответила я, внимательно изучая ритуал.

— Итак, ритуал гарантирует избавление от соперницы раз и навсегда! То, что нужно! Для этого вам понадобится.

— Топор, мешок и веревка? — сардонически поинтересовалась бездна, а я бросила гневный взгляд. — Все, все, молчу- молчу! Просто я не знаю других способов, как раз и навсегда избавиться от соперницы!

— А вот и нет! — сообщила я, листая страницу мокрыми руками. — Мужчина навсегда забудет про соперницу!

— Значит, — прищурилась бездна. — Темный угол, дубинка и пособие по уходу за умственнонеполноценным?

— Ты ничего не понимаешь в магии! — отмахнулась я, посылая в бездну брызги. — Мы привязываем его к себе! И очищаем его карму!

— Мыло и веревка! — оживилась бездна. — Вот залог чистой привязанности!

— Нужен мед, — прищурилась я, поглядывая по сторонам, в надежде, что у меня завалилась баночка дикого меда!

— А ты не боишься, что убьешь его одним прикосновением? Что фраза «обними меня, любимый!» будет последним, что он слышал в жизни? — задумчиво заметила бездна, пока я прикидывала, где разжиться диким медом.

— У меня это не всегда. Только, когда я злюсь! — вздохнула я, вылезая из ванной и натягивая платье. — Перенеси меня в город, где меня почти не знают!

— Я тебя и так с трудом переносу, — ехидно заметила бездна, пока я выжимала мокрые волосы на пол, а половина моего кошачьего царства использовала мою ногу, как когтеточку. — Потому, что у характер у тебя тяжелый!

Через пару мгновений я стояла посреди улицы, сжимая в руках деньги. Магия — штука тонкая, так что тут главное не ошибиться! За мужика нужно бороться!

— Забыл сказать, — елеинно произнесла бездна, пока я искала хоть какую-то худо-бедно работающую лавку. — Будешь уходить — захвати мусор!

— Да, мой царь! — тяжело вздохнула я. — Я, как твой верный полководец, честно обещаю, что захвачу не только мусор, но и целую помойку, водружу на ней наш флаг и начну разграбление и мародерство!

Послышался смех, от которого мне почему-то стало тепло. Бархатистый, такой приятный, успокаивающий, что смертельная обида решила зайти попозже.

— Ты невыносима, — шепнула бездна, пока ленивые горожане слонялись туда-сюда, не зная, чем заняться.

— Разве что вперед ногами, — согласилась я, беря курс на захудалую лавчонку, в которой стоял унылый продавец. — Простите, а у вас нет дикого меда? Точно нет? Жаль... А где есть, не подскажете?

Продавец развел руками, а я приставала к прохожим, в надежде получить ответ на мой вопрос. На стене висел мой портрет «до» тюрьмы, где я сексапильным взглядом намекала, что поднимаю не только революцию и восстание, но и еще кое-что очень важное у мужчин в любом возрасте. Художник явно постарался, изображая мои пышные и сочные формы. «Разыскивается! Живая или мертвая!». Проходящие мимо женщины, которые останавливались обсудить мой дерзкий побег, как — то единодушно сходились во мнении, что лучше бы меня нашли мертвой. А вот мужчины лелеяли надежду найти меня живой.

— Я и так сексапильна, — утешила я себя, гордо вздернув подбородки. — Ни один мужчина не устоит передо мной! Секс люблю. Пилить умею.

В грязном стекле виднелось мое отражение. Да, черный цвет стройнит и пугает людей только до сорок восьмого размера. Свыше — исключительно леопардовые лосины и

обтягивающая майка — безрукавка! На мгновение все расплылось перед глазами, а я остановилась, пытаюсь понять, что не так.

Над головами каждого прохожего шел обратный отчет. Я удивленно раскрыла глаза, а потом протерла их, пытаюсь понять, наваждение это или нет? Мимо меня прошла угрюмая женщина, зябко кутаясь в дырявую серую шаль. Шесть лет? Шесть лет, три месяца и четыре дня?

В грязном стекле виднелось мое отражение. Да, черный цвет стройнит и пугает людей только до сорок восьмого размера. Свыше — исключительно леопардовые лосины и обтягивающая майка — безрукавка! На мгновение все расплылось перед глазами, а я остановилась, пытаюсь понять, что не так.

Над головами каждого прохожего шел обратный отчет. Я удивленно раскрыла глаза, а потом протерла их, пытаюсь понять, наваждение это или нет? Мимо меня прошла угрюмая женщина, зябко кутаясь в дырявую серую шаль. Шесть лет? Шесть лет, три месяца и четыре дня? Что это значит?

— Ты стала видеть, сколько времени осталось до свидания с тобой, — слышался вкрадчивый голос бездны, а я вертела головой. Цифры и лица сливались друг с другом, а я отчаянно моргала, отступая назад. Странное чувство, если честно. Неприятное. Сделав еще один шаг, я натолкнулась на кого-то машинально извиняясь.

— Простите, пожалуйста! — заметила я, видя перед собой красивую, молодую женщину в приличном платье, над головой которой виднелись цифры. — Я не нарочно...

— Я кушать хочу, — жалобненько заметила бездна. Я прислушалась. Мне показалось, или он научился мурчать? — Если хочешь, могу об тебя потереться!

— А не измочалишься? — отмахнулась я, собираясь уйти, как вдруг меня схватили за рукав платья. — Эй, ты чего?

— Вы и есть смерть? — прошептала женщина, вглядываясь в мое лицо. — Я вас узнала!

— Нет, извините, вы ошиблись, — усмехнулась я, оглядывая незнакомку с ног до головы. — Я смерть пирожных, конфет и котлет.

Дрожащая рука развернула старый листок с моей физиономией, а зеленые глаза опустились на не самый удачный мой портрет, а потом поднялись на меня.

— Вы и есть смерть! — уверенным голосом постановила красавица, глядя на меня умоляющим взглядом. — Я ищу вас! Вы должны мне помочь!

Перед глазами промелькнул целый список, которым мне вот-вот должны ткнуть в лицо, пообещав вознаграждение. Как показывает практика, смерть — это состояние, в которое впадают люди, чтобы порадовать ярых недоброжелателей, алчных родственников и похоронные службы.

— Я готова сделать все, что угодно, лишь бы вы помогли мне! Я никому не скажу, что вас узнала! Мне действительно нужна ваша помощь! — пылко заверила меня красавица, а ее губы задрожали. Моя фантазия сорвалась с цепи и отправилась во все тяжкие, пока я мысленно примеряла на себя роль наемного убийцы.

— Понимаете, — голос девушки понизился до шепота. — Мой муж.

Глава девятая. Бессмысленная и беспощадная Смерть

Я стояла, чувствуя, что скоро буду давать объявление: «Пропал смысл! Нашедшего просим оставить себе, а мне прислать что-нибудь покрепче!». Девушка заглядывала мне в глаза, рассчитывая что-то увидеть в них. На счет звездного неба, океанов милосердия и прочих метафор, я уверена. Их там нет. Иначе бы все эти прелести нашел бы кто-то до нее. Максимум, что можно узреть в дергающихся глазиках — мой богатый, духовный, внутренний мир, который я, как честный человек, указываю в декларации о доходах.

— Так как? — с робкой надеждой спросила красавица, прижимая руки к своей груди. — Вы мне поможете, уважаемая Смерть?

Я задумчиво подняла глаза, глядя, как на серой, старой крыше дома разгуливает беспощадный голубь, хищно выбирая себе туалет с голосовой функцией «Да чтоб тебя!».

— Понимаете, — девушка снова заглянула в мои глаза. — Я не знаю, где мой муж пропадает по ночам. Его часто не бывает дома. Мне кажется, что у него есть другая, а мне врет, что ходил по делам! Какие дела могут быть посреди ночи за городом?

— Большие и маленькие. Может, ему там лучше думается? — задумчиво ответила я, оценивая перспективу и взвешивая все «за» и «против». «Против» заплыли жиром равнодушия, поэтому уныло перевешивали.

— Ну прошу вас, — заныла красавица, а ее губы дрогнули. — Помогите! Я хочу узнать, любит он меня или нет! Он никогда мне об этом не говорит! И мне кажется, что он меня не ценит! Ни капельки! Вы же тоже... эм... женщина!

А вот тут, дорогая моя, ты ошибаешься! В последнее время я чувствую себя полноценным ометом, зная, что где-то в зеркале сидит вредный и голодный кукушонок, постоянно требующий кушать.

— А он в курсе, когда вам умирать? Точнее, когда мы с вами встретиться должны? — вяло поинтересовалась я, понимая, что на такое не подписывалась.

— Может и в курсе! Он у меня такой забывчивый, — тут же залепетала красавица, качая головой. — Он не помнит ни дату нашей свадьбы, ни дату нашего знакомства, ни дату нашего первого поцелуя! Он меня ни с одной годовщиной не поздравил, так что за это смело можете не переживать! Вот. Я тут написала. Боялась, что забуду.

Мне в руки переключал сценарий, от которого волосы решили самодепелироваться. «Смерть грозно смотрит на меня: «Пришел твой черед, Леонора! Я буду неумолима и заберу тебя!». Я нервно сглотнула. «Смерть смотрит на меня искоса, низко голову наклоня!», — прочитала я, пытаясь представить, как это я так умудрилась. «Смерть грациозно парит под потолком и держит меня за руку!», — пробежала я глазами, нервно сглатывая. «А потом появляется в черном дыму за моей спиной!».

— Так вы согласны? — занервничала девушка, пока я прикидывала, каким оскаром меня номинируют по голове за такие спецэффекты. — Я сделаю все, что вы попросите!

— Скажешь, где достать дикий мед? — поинтересовалась я после долгих раздумий. — Нужно, срочно.

— Конечно-конечно! — закивала красавица, а потом снова умоляюще вцепилась в меня. Эх, мужик-мужик, знал бы ты, на какие жертвы я тут иду, чтобы не идти туда, куда ты меня пошлешь! За любовь нужно бороться!

— Да! — поддакнул голос бездны, пока я нехотя соглашалась. — Только вы в разных весовых категориях!

— Сегодня, в шесть! Там адрес написан! — задохнулась от счастья девушка и растворилась в толпе. Я еще несколько минут читала сценарий, пытаясь войти в ее положение. Либо положение было маленьким и неудобным, либо мне не позволял мой вес, но пока что у меня получалось плохо.

— Ой! — услышался детский голос, когда я сделала шаг назад. — Неужели это вы?

Я обернулась, видя заревавшего мальчика лет восьми в потрепанной одежде с коробочкой в руках. Он переминался босыми, пыльными ногами на земле, морщил веснушчатый нос и растирал соплю по обветшалому рукаву.

— Вы и есть Смерть? — робко спросил мальчишка, глотая соплю и с уважением глядя на меня.

— Да-да! Я вас узнал! Но я никому не скажу, что видел вас! Вы мне чуть хомяка не раздавили! Соседская кошка его схватила...

Дальше следовала история о том, как несчастный хомяк провел последние минуты своей короткой жизни. Кошке доходчиво пытались объяснить, что хомяки — это не съедобно. «Ну как же не съедобно?», — вопрошала кошка, снова предпринимая попытку набить желудок, а вместо этого набивала шишки.

— А потом он лег и все, — вздохнул мальчик, приоткрыв коробочку. На доньшке лежал почти состоявшийся кошачий завтрак. — Вы пришли, чтобы его забрать у меня?

Да, да! Именно за хомяками я охочусь! Сплю и вижу, как где-то тихо отходит в мои добрые и заботливые руки большие, пушистые и маленькие вертлявые хомя. Ой, какая прелесть! Мамочки! Какая лапочка!!!

— Вот, — ткнул мне коробку шмыгающий мальчик. — Посмотрите, что вы с ним сделали! А я его любил! Воскресите Пухлю!

— Я не умею воскрешать, — вздохнула я, а мне протягивали коробочку с комочком меха. — Но я смогу позаботиться о нем! Он будет жить у меня, я буду кормить его, любить его,

Паренек стоял, растирая слезы рукавом и втягивая в себя соплю.

— Он будет жить у меня, — утешала я ребенка, прижимая к груди коробочку. — Ему будет хорошо! Я буду кормить его, сделаем ему колесо!

— Моего предыдущего уже намотало на колесо старой телеги, когда он у меня сбежал! — вздохнул мальчишка, пока я кивала, уверяя, что предыдущий уже нашел свое теплое и уютное местечко в моем маленьком храме, что хомячок попадет в самое лучшее место на свете!

— Мне кажется, или в жизни Пухля был не очень хорошим хомяком, раз его «лучшее место на свете» кишмя кишит шестнадцатью кошками? — послышался голос бездны, а я отмахнулась, прощаясь с мальчишкой, который со всех ног бросился домой.

«Смерть должна выглядеть жутко! Чтобы мой муж сразу понял, что это — смерть!», — прочитала я, тяжело вздыхая. — Ладно, давай меня обратно!

Через мгновение я очутилась в храме. Хомячок внутри коробочки ожил, заскребся, а я ласково погладила его пальцем.

— Ему нужно колесо, чтобы он бегал! Иначе у него будут проблемы со здоровьем! — заявила я, видя, как ожила моя кошачья братия, а глаза бездны тонко намекали, что меня теперь недолюбливают уже основательно.

— Дай его сюда! Будет ему колесо! — послышался недовольный голос. Хомяка у меня отобрали, а через мгновение в зеркале я отчетливо видела огромное, деревянное колесо телеги, которое мало того, что повело восьмеркой, так еще и мотало по кочкам. Впереди, с выпученными глазами не бежал, а летел ошалелый хомяк, поджимая пушную бесхвостую попу. Еще немного и он отправится в далекое-далекое путешествие маленьким ржым пятнышком на ободе.

— Верни его на место! — рывкнула я, тут же получив своего задыхающегося от ужаса хомячка обратно. Судя по выражению морды, в гробу он видал здоровый образ жизни. Кстати, на счет гроба — отличная идея! Я посадила его в безопасное место и закрыла крышечкой, пока вокруг меня мяукали и терлись мои пушистые котята.

— Итак, сегодня ты у нас изображаешь злую, жестокую и беспощадную смерть какой —

то дуры? — уточнила бездна, пока я мирно ждала, когда надумает умереть какой-нибудь слон, чтобы со спокойной душой оставить его на попечение бездны, выдав ему лопату и звиздюля в полном объеме.

— Да, а что тут такого? — вздохнула я, доставая черный балахон и поглядывая на заросшую паутиной косу, которая пылилась в уголке. — Она просто уверена, что ее не любят. Женщина должна чувствовать любовь. А если мужику на нее плевать, то что тут остается?

— Знаешь, почему я в черной рамочке? — внезапно и очень елейно спросила бездна. — Потому что я недоедаю! Ты прекрасно знаешь, чем это чревато...

— Да ладно, будет тебе душа, — отмахнулась я, пытаюсь изобразить себе ужасающее лицо, сверяясь с требованием клиентки. Не смотря на мое чувство юмора, со смертью лучше не шутить. Хотя, с другой стороны, вдруг у нее нет выбора, и мужик по-другому не понимает?

Я стояла при полном параде, боясь собственного отражения.

— Все, отмучилась! — вздохнула я, поправляя жуткий макияж, от которого по пути моего следования прокатится волна инфарктов.

— Какая страшная и беспощадная Смерть! — с ехидцей заметила бездна, когда я вертелась, отцепляя от балахона котишек и сгружая их на кучу тряпья.

— Я — твоя смерть!!! — грозным голосом произнесла я, шурша бумагой. — Трепещи и... что-то там еще!

— Брови насупь! — комментировала бездна, пока я снова репетировала, как начинающий артист перед зеркалом.

— Так, представлю, что ты — моя жертва! Поехали! Я возьму тебя!!! — рявкнула я, пытаюсь придать голосу inferнальные нотки.

— Только нежно, — сладким голосом вздохнула бездна, пока котята облепили мои ноги со всех сторон.

— Я пришла за тобой!!! — снова пафосно произнесла я, вскинув голову.

— А почему дверь не закрыла? Сквозняк же! — снова съехидничала бездна, пока я репетировала и учила наизусть свои слова. — Кто последний, тот закрывает двери!

— Я разлучу тебя с семьей!!! — рявкнула я, а потом помотала головой, как бы отрицая все сказанное. — Нет, не так! Я разлучу тебя с твоей любящей семьей! Они больше тебя никогда не увидят!

— И собрала глаза в мешочек, — согласилась бездна, внимательно слушая мой монолог.

— Каково твое последнее желание? — грозно спросила я, нависая над мысленной жертвой.

— Укусить тебя за попу, — кокетливо выдала бездна, а у меня дрогнули губы в улыбке. — Ну? И где продолжение?

— Ну волки-палки! — надулась я, перелистывая сценарий чужой кончины. — Вот! Нашла! Я хочу увидеть твой ужасный конец!

— Кто сказал, что он — ужасен? Вполне себе приличный конец! — растянулась в зубастой улыбке бездна.

— Так! Не сбивай меня! Где я остановилась? — прищурилась я, пытаюсь разобрать чужой почерк. — А! Вот! Нашла! Я хочу видеть твой конец! Это конец, который заслужила! Я хочу насладиться твоим концом!

— Хм... Все возможно, — игриво улыбнулась бездна, протягивая ко мне черные лапы из тьмы.

— Все! Мне пора! — спохватилась я, отцепляя от себя мурчащие «прищепки». — Кажется, я все отрепетировала! Ничего, ничего! Будем поднимать авторитет смерти в глазах людей!

— Можешь смело посылать в меня тех, кто тебе не нравится! — закивала бездна, сладко облизываясь длинным языком. — Я буду совсем-совсем непротив!

Я покачнулась, чувствуя, как вокруг меня рассеивается тьма. Так! Я что? Косу забыла?

— Косу! — потребовала я, вспоминая то, как уютно прислонила ее к стене. Откуда-то сверху на камни упала коса, а я со скрипом наклонилась, чтобы ее поднять, комкая бумажки и пряча их в рукав. Через мгновение я выпрямлялась, чувствуя чьи-то руки на моем филее.

— Вот так всегда! Стоит наклониться, как сначала хватает мужик, а потом радикулит! — разозлилась я, поворачиваясь к «радикулиту», который решил поставить меня в неловкое положение. — Который час?

Я осмотрела с ног до головы облезлое создание мужского пола со спущенными штанами, которое принялось резко пятиться в сторону, противоположную моей улыбке.

— Полшестого. Успеваю, — сардонически вздохнула я, ориентируясь на его биологические часы с одной единственной стрелкой. Эх, как была специалистом по концам, так им и осталась!

Зеленая дверь, которую описала в бумагах заказчица семейной драмы, выглядела солидно на фоне соседских, в которых обязанности глазка делили сразу все щели. Я прислонила к стене косу, вытерла ноги о старенький коврик, прокашлялась и положила руку на ручку. Так, в записке сказано, что дверь будет открыта!

— Тук-тук! — постучалась я, выпрямившись и одергивая на себе балахон. Слова сценария тут же вылетели у меня из головы, перемешались, а я лихорадочно пыталась вспомнить начало. Послышались шаги, а я приготовилась, подсмотрев первую реплику.

— Я пришла насладиться твоим концом!!! — грозно выдала я заготовленную фразу, когда дверь со скрипом отворилась. Вместо хрупкой красавицы в позе умирающего лебедя на меня смотрела угрюмое мужское лицо. Огромный мужик два на два, стоял на пороге, придерживая простыню на бедрах.

— Ты кто? — хрипловато произнес мужик, а за его спиной замаячила та самая красавица, растерянно пожимая плечами. Мол, не виноватая я! Она сам пришел!

— Я. Я — смерть! — икнула я, сравнивая габариты. — Я вообще-то мимо проходила... Дай, думаю, зайду, спрошу. Хомячки, котята, щенки, материнка, тостер. ми-ми-миксер ненужные есть?

— Она пришла ко мне! — трагичным голосом выдала Леонора, закатывая глаза. Перед моим носом тут же появился огромный кулак.

— Знаешь, чем пахнет? — спросил меня мужик, насупив брови.

— Одеколоном «Я в доме хозяин», — выдала я, пытаясь на всякий случай дотянуться до косы. Вот прижму ее к груди, и спокойней будет! Не успела я схватить свое орудие самообороны, как меня втащили в дом, захлопнув за мной дверь.

— Ты-то нам и нужна! — радостно выдал огромный мужик, потирая руки. Его супруга схватилась за сердце, постанывая с каждым разом все жалобней и жалобней.

— Ой, я чувствую, как холодеют мои пальцы! — театрально выдала Леора. — Она заберет меня! За то, что ты меня не ценишь! За то, что шляешься по ночам по своим бабам!

— Я — член тайного ордена, который поклялся защитить истинного короля, — послышался хрипловатый голос, а я мельком увидела кинжал на столе. Что-то в этом кинжале мне показалось знакомым. А не точно такой ли кинжал я видела на полу, когда меня повязали?

— Присаживайся, костлявая!

Я робко подтянула к себе стульчик, видя, как Леонора снова закатывает глаза, собираясь умирать. Она умирала громко и мучительно, уверяя, что видит свет в темноте, что ее зовут ее предки и срочно требуют составить им компанию.

— Слушай, костлявая! — понизил голос до шепота ее супруг, пока на заднем плане Леонора медленно оседала на пол.

Она лежала на полу, раскинув красивые руки, стараясь не подавать признаков жизни.

— Встань с пола! Он холодный! — рывкнул муж, пока снизу слышались ужасающие стоны. — Если ты Смерть, то тогда ты поможешь нам! Нам надоело то, что нашего правителя использует, как марионетку, одна хитрая и проворная тварь при помощи волшебного амулета и кольца. Насколько нам удалось узнать, этот амулет для наследника делал один маг-прощелыга на заказ для королевской семьи!

Я смотрела на кинжал с волчьей головой, поверх которого положил руку детина.

— Короче, — задумчиво почесался мужик, пока его жена имитировала третий сердечный приступ. — Никакой истинной пары не существует! Мы пронюхали кое-то важное. Ригина

— никакая не истинная пара. Эту дрянь подобрал с улицы один герцог, используя, как девочку на побегушках. Он готовил покушение на королевскую семью, чтобы занять престол. Девчонка слышала про его планы, поэтому во время одного из приемов прибежала к королеве и все рассказала. Она сдала всех, кто участвовал в заговоре. Ригина пустила сопли, сказав, что ей некуда больше идти. Таким образом эта тварь осталась при королеве, а вскоре стала ее доверенным лицом. Девчонка быстро добилась высочайшей милости и расположения, а тем временем родился наследник.

— Умираю!!! — послышался слабый голос и горестный всхлип. — Ты меня совсем не ценишь... И не любишь! Смерть вообще-то ко мне пришла, а не к тебе!

— Господа и дамы, я вообще могла к вашему хомяку прийти или к таракану! — обиделась я, понимая, что впервые местные Ромео и Джульетта не могут поделить смерть.

— Мы дорого заплатили за эту информацию. А еще наш информатор сказал нам, что на первом году жизни наследника было создано магическое ожерелье и перстень. Ожерелье — невидимое. Его тут же надели на шею наследника, а перстень надежно спрятали. Наш информатор слышал своими ушами, как король и королева рассуждали о том, что принц ничего не заметит и будет счастлив, когда встретит ту, которой родители передадут перстень. Он будет считать ее истинной парой, а сама партия будет, так или иначе, выгодна политическим интересам государства. Королева тогда еще сказала, что «это к лучшему. Я намного спокойней за судьбу сына и страны».

Я ерзала на стульчике, слыша всхлипы: «Так я и знала, что ты меня не любишь!».

— Сначала умерла королева, потом скоропостижно скончался король, а кольцо оказалось у Ригины, — подытожил заговорщик, пока его супруга лежала на полу распластав руки. — Недавно мы организовали покушение на ожерелье и кольцо. Когда их носят, они становятся невидимыми, но нам удалось заполучить магические кинжалы, чтобы попытаться срезать если не ожерелье и освободить короля, то хотя бы палец узурпаторши с кольцом, но все провалилось. Год подготовки, несколько месяцев тренировки, подкупленные слуги — все накрылось из-за того, что нас выдал какой-то больной идиот, не вовремя чихнувший.

— Ой-ё-ёй! — охнула я, качая головой и видя, как играют желваки на суровом лице заговорщика. — Это ж надо! Что ж вы всем капли для носа не выдали? Эм. Нужно было провести медкомиссию. Справочки предварительно собрать! Пусть обойдут... эм. районную поликлинику, на предмет «годен для покушения или нет». Хирург, оттоларинго. А, впрочем, неважно. Всех врачей! А то вдруг у кого-то несварение желудка? И вместо покушения на монархов, получится покушение на их имущество? И окулиста! Обязательно! Мало ли, в темноте не разглядит.

Мне жестом показали наклониться надо столом.

— Я бы этому. чихуну. Чихалку бы отбил! — разминал кулак заговорщик, рекламируя капли для носа, способные пробить гайморит любой сложности и запущенности.

— Уууу! Я бы ему шею открутил! Вот этими. — продолжал он, хрустя костяшками. — Мы год тренировались! Год! И теперь нам нужно затаиться еще на год. Одного из наших повязали, и сейчас он в тюрьме.

— Простите, а я здесь причем? — насторожилась я, понимая, что второй раз в тюрьму не пойду.

— Только смерть способна видеть то, чего не видят другие, — сурово изрек муж, пока его жена отчаянно цеплялась за его ногу, ползая по полу: «Не отдавай меня ей!». — Скажи, это правда, что ожерелье и кольцо существуют?

— Я посмотрю, — осторожно пообещала я, вспоминая, что ничего подозрительного не заметила. — Как только увижу, я вам скажу... И на каком пальце носит, и все-все-все... Кстати, вы не знаете, где раздобыть дикий мед?

— За городом, — мрачно заметил супруг, глядя, как его жена встает, отряхивается и хлюпает носом. — Идете по тропинке в сторону столицы, а потом поворачиваете направо. Там будет дерево. Мы под ним часто собирались.

— Благодарю, — закивала я, переваривая полученную информацию и уже собираясь. — Мне пора! Дел еще по горло! Благодарю вас за прием.

— Ты куда? — отчаянно завопила девушка, бросаясь ко мне. — А как же умирание? Я даже гроб присмотрела и надпись придумала! Он меня не ценит и шляется по ночам к любовнице!

Я закрыла за собой дверь, слыша громкий крик: «Скажи мне правду! Ты любишь меня?». Мужской голос пробурчал что-то невнятное. «Врешь! Если бы любил, то не завел бы любовницу, к которой ходил по ночам!». Мой тяжкий вздох слышала половина городка, а я ковыляла в указанном направлении, минуя унылые домишки, построенные по дизайну «Разруха».

«Внимание, в связи с произволом, который творит смерть, открылась больница, в которой за определенную плату спасут от смерти любого!», — прочитала я на деревянной дощечке, удивляясь столь развитой инфраструктуре. Я прошла еще несколько метров и увидела еще одну табличку: «У вас никого нет? Смерть стала хитрее? За умеренную плату спасем вас от смерти! Обращаться в больницу!»

Где-то дурным голосом орал кот, требуя внимание противоположного пола, слышались разговоры, а я вышла из городка, ковыляя по кривой улочке в сторону леса.

— Мед — это очень хитрый предмет, — напевала я, осматриваясь по сторонам. — Мужик либо есть, мужика либо нет! Ожерелья, кольца. Ничего, посмотрим, кто тут лучше мужиков привораживает!

Повернув направо, я увидела огромное дерево, на вершине, среди листвы которого болтался какой-то кокон.

— Бззззз! — слышалось жужжание вокруг, а я тоскливо задрала голову, прикидывая высоту. Уставшее солнышко клонилось к закату, а я поплевала на руки и моральные принципы решила лезть.

— Оно тебе надо? — поинтересовалась бездна, когда я уцепилась за первый сук и попыталась поднять ногу. Балахон путался, а я зажала его, карабкаясь на самый верх. — Неужели ты так любишь его?

— Если бы., - прокряхтела я, а вместе со мной закряхтела толстая ветка, — Не любила, то не лезла бы! Спасать мужика нужно! Тем более, я не видела на нем никакого ожерелья, так что возможно, что это неправда. Так что. Ой! Ай! Бездна-а-а! Неси ружье-е-е! Стреляй по пчелам!!! Или рогатку! Короче, хоть что-нибудь! Они меня сейчас заживо... Ай, зараза! Сюки мерзкие!

Беспощадные пчелы решили, что личная жизнь мне ни к чему, поэтому бессовестно

жалили меня.

— Я тучка-тучка-тучка! Я вовсе и не Смерть! — причитала я, отгоняя свободной рукой очередную армию. — Пшли вон! Бе-е-ездна!!! А ты не можешь меня поддержать?

— А ну пошли вон, пчелки, — громко произнесла бездна, пока я пыталась дотянуться до дикого улья рукой. — Вон!

— Ах ты. — бухтела расхитительница чужих сот в моем лице, когда ветка, за которую я держалась хрустнула и надломилась. — Это какие-то неправильные пче... Ой-ё-ё-ёй! Да чтоб тебя! Так, как сюка меня укусила?

Послышался оглушительный треск, а я лежала в обнимку с опустевшим ульем, содержимое которого летало вокруг меня. Через мгновение я открыла глаза в своем храме. Бездна молчала, а я неуверенно встала, радуясь своей добыче, и побрела к зеркалу. Вот что только ради любимого не сделаешь?

Была хорошая новость. Первые морщины разгладились полностью, а кожа стала гладкой и розовой, как бы подчеркивая узкие щели глаз. Взгляд у меня был презрительный и подозрительный, а на руках вздувались огромные волдыри. Хомяк, который выбрался из своей норки, посмотрел на меня с завистью, понимая, что к у меня куда больше шансов перезимовать, чем у него.

Я грузно упала в гроб, а ко мне со всех сторон сбегались котята.

— Идите к мамочке, пушистики, — жалобно протянула руку я, вспоминая что котики лечат. Консилиум пушистых врачей собрался вокруг меня. — Ну? И кто будет меня лечить?

Серый котенок посмотрел на меня, как бы намекая пронзительным мяуканьем, что он больше диагност, чем терапевт. Судя по глазам, с диагнозом он уже определился, отписав рядом со мной лужу назначений. Соседний рыжий претендовал на звание патологоанатома, пытаясь когтями разодрать мне плечо и провести по возможности вскрытие моих еще теплых останков. Черный котенок, зевал, показывая острые иголки зубов, намекая, что у него так вообще — обеденный перерыв. Трое пушистиков кошачьей многоножкой спали на рабочем месте, изображая регистратуру. Еще один, пятнистый твердо решил стать анестезиологом, натянув свою пушную задницу мне на нос, пуская наркоз. Судя по покусыванию пальцев моих ног, внизу работали физиотерапевты, обещающая поставить меня на ноги в ближайшее время. Мимо меня, проведя хвостом по щеке, прошелся отоларинголог, чихая мне прямо в ухо. Двое прыгали по мне, изображая реанимацию, а один, особо пронырливый твердо решил претендовать на звание гинеколога.

— Эх, мне бы в больницу, — вздохнула я, понимая, что еще один пущенный мне прямо в нос наркоз заставит меня отключиться окончательно. Сплевывая шерсть, я поднялась к вящей радости моей котоклиники, ковыляя к бездне, которая протянула мне мокрую тряпку.

— Ты чем ее намочил? — подозрительно поинтересовалась я, сначала слыша, а потом чувствуя, что мой котоконсилиум врачей твердо решил, что вставать мне еще рано, прописав мне всю импровизированную кровать и постельно — чесательный режим.

— Посмотри вокруг, — вздохнула бездна, когда я прикладывала к лицу холодный компресс, сплевывая воду. — Погоди! Это — не та тряпочка, которой я вытираю пол после ко... Да шучу я.

— Мне нужно в больницу! — твердо решила я, осознавая что в таком виде не предстану пред светлые очи своей зазнобы. — Или скорая.

— Я бы на твоём месте воздержался, — лукаво произнесла бездна, в упор глядя на меня. Тяжкий вздох и странная улыбка преобразили привычную морду, которая смотрела на меня из тьмы. — Вот дался тебе этот мужик!

— Вот прямо взял и дался, — обиделась я, сама не понимая, что на меня нашло. Да никогда я себя так не вела!

— Лучше бы еще душ принесла, — улыбнулась бездна. — Чем ерундой страдать!

— Давай, переноси меня в больницу! — потребовала я, придерживая компресс. — Я собираюсь после ритуала заглянуть к нему во дворец!

— Заодно и покушать захвати! — усмехнулась бездна, закатывая глаза и вздыхая.

— Так точно, товарищ генерал! Захвачу и поднадкусываю! — съязвила я, пытаюсь улыбнуться.

Через мгновение я стояла напротив огромного здания с огромной надписью «БОЛЬНИЦА». Массивная дверь, зарешеченные окна в которых горел свет, намекали на то, что лечиться никогда не поздно, а больница работает круглосуточно не покладая на пациентов.

— Тук-тук! — постучала я, терпеливо ожидая, когда мне откроют дверь.

— Кто там? — спросил суровый голос, а на двери открылось маленькое окошечко. — Последний день?

— Ага, — кивнула я, готовая согласиться со всем, что мне предложат коллеги. С душераздирающим скрипом дверь открылась, а я вошла в мрачный коридор, каждой трещиной вопящий о ремонте.

— Итак, — слышался суровый голос, а на меня смотрел детина с огромной дубинкой, тонко намекая на то, что прописку здесь не спрашивают, а, скорее, оформляют. — По какому делу? Родственника от смерти спасти? Так это мы мигом! Тащите сюда родственника, а мы обеспечим смерти достойный уход!

В коридоре стояли два огромных мужика, вооруженными мечами, а я оглядывалась по сторонам, в надежде, что сейчас ко мне выйдет доктор.

— Короче, вы можете притащить сюда родственника, прийти сами, полежать, посидеть, пока смерть вас ищет, а мы ее если что, - рекламировала услуги вооруженная до зубов регистратура. — Смерть — она же хитрющая! Но сюда она точно не сунется, уж поверьте!

— Это раньше родственники защищали от смерти друг друга. Сейчас это делаем мы! Всего лишь три золотых, и вы под надежной защитой! — поддакнул еще один вооруженный до зубов хирург с двухметровым скальпелем.

— А почему именно больница? — мой заплывший глаз дрогнул, пока я осматривалась вокруг.

— От слова «боль»! Мы причиняем смерти боль, поэтому и «больница», — отозвался крайний патологоанатом. — Можем все показать!

За углом показался столик, за которым резались в карты еще два охранника, стоящие на страже жизни и здоровья населения.

— Регист! Ратура! — рявкнул мой провожатый, а закованные в латы «доктора» подняли бритые головы. — Хватит вам тут карточки свои раскладывать! У нас посетитель!

Пчелиные укусы брали пример с юности, лета и любви, поэтому решили пройти сами собой...

— Вот! — слышалось над моей головой, а я заглянула внутрь, видя ряд деревянных коек. — Это поменьше плата! Есть побольше! Там два рвача приставлены к вам! Смерть точно к вам не проберется!

— Аааа! — мои брови поднялись вверх, а мимо меня вальяжной походкой прошел настоящий стоматолог, разминая кулаки. — Понятно.

В следующей палате сидела с ногами на кровати женщина.

— Не бойсь! — утешил ее мой провожатый, закинув дубину на плечо. — Завтра мы тебя выпишем отсюда!

Возле еще одной двери лежал мужик, которым легко можно пугать соседей и местный криминалитет. В руках у него была бутылка, из которой содержимое выливалось на деревянный пол.

За углом нас ждало еще двое мордovorотов, вальяжно расположившихся возле окна.

— Сани, Тарка! Быстро сменили Утку! — рявкнул мой провожатый, потрясая дубиной. — А то он уже налился!

Если я сейчас попрошу кого-то ущипнуть меня, чтобы проснуться, есть ли гарантия того, что мне не отщипнут половину филея?

— Мы только начинаем! — довольным голосом произнес главврач. — Это я придумал! Дай-ка думаю, заработаем что ли? А то раньше родней собирались, караулили в день встречи со смертью, а зачем? Зачем, спрашивается? Да и чем защищали? Палками, камнями? У нас тут мечи, кольчуги и дубины! Это же надежней! А если родственников нет, то как быть? Не соседей же просить! Здесь у нас Рен и Ген. Два брата! Сегодня только заступили на работу! Бывшие стражники!

Мне ткнули пальцем в толстенную дверь.

— Очень опасные ребята! — предупредили меня, пока я брела по коридору, который заканчивался стулом. — С ними лучше не шутить! Так что тащите сюда родственника, и сами тащитесь, коли жить осталось всего ничего. Можете записаться сразу, потому как мы тут очереди ожидаем! Смотрите, чтобы места были!

Я шла обратно, пытаюсь убедить свои глаза в том, что то, что я только что видела, это — не сон.

— Мы еще кормить собираемся людей! Но за отдельную плату! — оповестили меня, а я поняла, что залогом крепкого здоровья в этом мире является умение вовремя умыть руки.

Странно, но у меня, кажется все прошло! Я совершенно здорова! Прямо чувствую прилив сил, чтобы уйти отсюда подальше!

Дверь за мной захлопнулась, а я очутилась на улице, кутаясь в свой балахон. Косу я где — то потеряла, совесть тоже... Старые часы показывали полдвенадцатого, а я спохватилась.

— Мне же еще ритуал проводить! — занервничала я, тут же очутившись в храме и беря пустой улей и книгу. — Переноси!

Черный вихрь перенес меня в какое-то мрачное местечко. Меня покачнуло, и я едва не выронила книгу и улей. Отлично! Раз. Два. Три. Семь! Семь дорог! «Разденьтесь догола!», — прочитала я в книге, стягивая с себя черную мантию и вешая ее на ветку чахлого деревца, которое скрючилось, словно после моего фирменного гуляша.

— Разделась, — пробурчала я, снимая белишко и вешая его рядом. Ветерок шелестел моими пожитками, пока я, кряхтя, стягивала с себя стоптанные туфли. Первый, второй.

— Встаньте прямо в центр перекрестка! — прочитала я, прикидывая, где здесь центр, и ойкая от каждого камушка. Идти пришлось далековато, зато я точно была уверена, что все делаю правильно.

— Встала! Теперь нужно намазаться диким медом с ног до головы и прочитать заклинание! Отлично! — оживилась я, видя, как показалась луна, освещающая старые страницы книги.

Я зачерпнула мед и соты, размазывая по телу.

— Как мухи липнут на меня, так пусть и мой мужик ко мне липнет! — вслух и с выражением читала я, сверяясь с книгой, которую держала на вытянутой руке. Ветер шелестел страничками, а я старательно зажимала их. Я читала с выражением, свободной рукой растирая по себе мед. Порыв ветра едва ли не вырвал у меня из рук книгу, а откуда ни возмись, слышался скрип телеги.

— О, смотри-ка! Плащик! Кажись, мой размер! А то добротной одежды уже давненько не сыщешь! — послышалось вдалеке, а возле дерева остановилась старая телега.

Какой-то мужик ловко сорвал с ветки одежду, бросая ее позади себя. «Но!», — прикрикнул второй, который сидел на козлах, и телега резво покатила дальше. Порыв ветра сорвал трупы, и они полетели следом, падая в лужу грязи.

— Стоять! — заорала я, бросаясь следом.

— Гони быстрее! — заорал мужской голос, а телегу занесло на кочке. Зря некоторые считали меня ломовой лошадей. До лошади мне было еще очень далеко, поскольку через десять шагов я отстала, пытаюсь отдышаться.

— Перенеси меня обратно в храм! — шмыгнула носом я, тяжело дыша. — Бездна! Ты меня слышишь!

— Я бы рад, но у меня почти нет сил, — послышался голос. — Ты думаешь, откуда у меня силы берутся? От каждой души, которую ты мне приносишь! Найдешь мне еще душу, я смогу вернуть тебя обратно...

— А мне кажется, что ты просто вредничаешь! — буркнула я, прикрываясь книгой.

— А я предупреждал, — отозвался знакомый голос. — Но ты меня не послушалась!

— Знаешь, — пустила я в ход тяжелую артиллерию. — Я тут ритуал видела! Как мужика заставить за собой бегать!

— Взять в долг крупную сумму и не отдавать? — послышался слабый смешок. — Очень действенная магия!

— Нет, — злорадно заметила я, ковыляя по пыльной дороге. От телеги уже и след простыл, а на горизонте виднелся серенький дымок. — Там нужно на зеркало плевать три раза! Написано, что повторять ритуал, пока мужик сам за тобой бегать не начнет!

Я немного срезала путь, осматриваясь по сторонам. Ничего-ничего, сейчас мы найдем какой-нибудь фиговый листочек. Опустив взгляд, я поняла, что тут нужен фиговый лопух. Завидев заросли, я стала выискивать подходящий, как вдруг почувствовала, что почва под ногами поехала, а меня понесло вниз. Открыв глаза, я увидела маленькую избушку, возле которой сушились травы.

«Ушла в город. Вернусь через три дня», — прочитала я «царапку» на прикрытой двери. Отворив дверь, я осмотрелась по сторонам, чувствуя, как пахнет травяными чаями и сыростью. На лежанке валялся ворох одежды, которую я тут же бросилась перерывать. Деревянный стол был уставлен какими-то склянками. На серой тряпке сушились какие-то листья. Пока я цепляла на себя старое, мешковатое платье, умываясь из ведра, в дверь постучали.

— Открой, ведьма! — послышался топот и стук. Дверь распахнулась, а на пороге стояли двое.

— Мы к тебе! Срочно! Хозяин послал за тобой! Говорят, что ты от смерти спасти можешь? Давай, живее! Поторапливайся!

— Так она ведь в город уехала! — догадался кто-то, пока я застыла с первой попавшейся тряпкой на лице, мысленно выдавая ему премию за сообразительность. Мои волосы на ощупь напоминали шерсть бездомной марсианской собаки, а мед не хотел последовать примеру большинства мужчин моей жизни, и смыться окончательно.

— Но кто-то там шевелькается, — возразил самый проникательный из воришек. — Надобно открыть! Хозяин сказал, чтобы без ведьмы не возвращаться! Эй, ведьма! Открывай! Мы слышим, что ты дома!

В ставни забарабанили, а я интенсивно вытиралась полотенцем. Ну если мужик ко мне прилипнет, как платье, то чувствую в туалет мы будем ходить коллективно! Хотя бы получилось! Хотя бы все вышло!

Дверь распахнулась, а я смотрела на одного облезлого мужика, напоминающего кота после успешного весеннего загула, и на второго, смахивающего на грустного бульдога после встречи с пчелами. При мысли о пчелах я поежилась. Пчелкиным жалкам было меня совсем не жалко.

— Собирайся, ведьма! — закатил глаза один из гостей, вытаскивая меня на улицу. — Ты траву свою захвати!

Какую именно?

— Да давай уже быстрее! — потерял терпение Бульдог, багровея от попыток его найти. — Шевелись!

— Колдуй баба, колдуй дед! — зловещим голосом произнесла я, вспоминая чью избушку я снимаю с почасовой оплатой нервами без ведома владелицы. — Хрен стоит, а толку нет!

— Что?!! — тут же нашел пропажу Бульдог, не сводя с меня глаз, пока я смотрела на него с прищуром.

— Она что? — занервничал Кот, делая шаг назад. — Заколдовала тебя? Ах, ты, стерва!

— Колдуй баба, колдуй дед! — прошептала я все тем же зловещим голосом, глядя с улыбкой на второго соискателя неприятностей. — Есть работа. Денег нет!

Ну как? Достаточно я тут всех прокляла, чтобы со мной вели себя повежливей?

— Многоуважаемая колдунья, не могли бы вы проследовать за нами и заодно снять с нас проклятия? — как-то натянуто вежливо спросил Бульдог, которому только что едва ли не отгрызло половую чакру. А почему бы не поехать? Удачно все сложилось. И бездне душонка, и мне возврат в храм.

Я села на телегу, прижимая к груди свою липкую от меда книженцию, а колеса запрыгали на кочках. Пока нас несло по проселочным пыльным дорогам, я подгребла свою накидку. Интересно, работает ли ритуал? Я представила нашу свадьбу, мою пухлую ручку в его руке... Ой, а белый меня полнит! Хотя... Мечты простились ковровой дорожкой далеко — далеко, за грань завтрашнего дня, а я думала о том, как в огромном дворце появилась комната для котишек. Почему бы и нет? Интересно, он любит котят? А хомячков? Если он больше любит щенков, то за мной дело не заржавеет!

— Приехали! — послышался голос, а я покрутила головой, не заметив как мы подъехали к красивому дому, возле которого стояла еще одна карета с надписью «Скорая помощь».

Дверь открылась, пуская свет на темные ступени, я поднималась, видя бледное, иссушённое временем лицо женщины, которая прижимала к губам платок. Она мельком посмотрела по сторонам, словно выискивая кого-то, а потом поторопила меня, закрывая за мной дверь.

— Проходите быстрее! — приказала она, осторожно отгибая темную ткань занавески и выглядывая на улицу. Надеюсь, что у нас тут не собрание клуба анонимных параноиков!

— Запомни, сынок! — слышался взволнованный, срывающийся на плач голос, когда меня вели по лестнице. — Если Смерть сюда прорвется, то ты должен загадать ей.

— Да отстань ты от него, — глухо произнес мужской. — Здесь скорая. Все будет хорошо. Женщина, которая встретила меня, осмотрелась по сторонам и постучала в закрытую дверь.

— Ведьму привезли, — глухо произнесла она, прислушавшись к ответу. — Пароль: омлет!

Дверь открылась, а меня ввели в комнату с огромной кроватью. Вокруг кровати, возле каждого окна стояли вооруженные мордовороты. Один из них лихо поигрывал дубинкой, глядя в окно и хмуря густые, как усы брови. Казалось, что усы переехали выше, обнажая квадратную челюсть, густо усеянную кустарником щетины. Возле кровати на оббитых тканью стульях сидели бледный, молчаливый и какой-то нервный мужчина и женщина с заплаканными глазами в роскошном платье.

— У Седрика..., - голос женщины дрогнул, а мужчина положил ей руку на оголенное плечо, с которого съехала кружевная шаль, опадая с шелестом на пол.

— Последний день жизни, — трагичным, но громким голосом произнес мужчина, тут же стиснув зубы. — Мы вызвали карету скорой помощи, на случай, если смерть заявится к нашему сыну.

Я уныло посмотрела в сторону окна третьего этажа, возле которого стоял целый отряд, карауля по разные стороны роскошных штор. Где-то в моем воображении, я летела в черном балахоне прямо по небу, выставив руку вперед, дабы проще было пробить стекло и тем, кто встанет на пути. Черные одеяния развевались на фоне полной луны, а взгляд мой был скорбен и мрачен. «Это кто летит?», — спрашивали случайные прохожие, поглядывая в небо. «Это она! Ужас, летящий на крыльях ночи!», — ужасались все, пока я одной рукой на лету придерживала юбку, дабы не смущать никого и не смущаться самой.

— Она может появиться как угодно! — хрипловато заметил начальник реанимационной бригады, держа наготове сразу меч и кинжал. Вооруженный до зубов, он как бы намекал, что я и есть тот самый любитель острых ощущений в неподходящем для этого, и весьма внушительном месте. — Будьте начеку!

Мое воображение рисовало новую картинку, как я, задыхаясь и обливаясь потом, карабкаюсь по стенам, шарю рукой по подоконнику в надежде, что наверху меня ждут и готовы принять по полной программе. Я могу еще зловеще пошипеть, чтобы придать драматического эффекта. Пусть готовятся к тому, что я пару раз упаду и сломаю шею. Тем, кто будет смотреть на мой спортивный подвиг. Поэтому советую всем набраться. И терпения тоже.

«А вот это, кстати, вариант!», — оживилась бездна. Мне показалось, либо он смачно облизнулся.

Я отогнала свои фантазии, пригрозив им пальчиком, присмотрелась и попыталась увидеть что-то спрятанное среди десятков подушек и десятка одеял. Пришлось даже прищуриться, чтобы увидеть бледное личико ребенка, который смотрел на всех стеклянными, покрасневшими глазами.

— Ма... ма. — прохрипел ребенок, пытаюсь высвободить слабую руку.

— Несите еще грелку! — запаниковала мать, оглядываясь по сторонам. — Еще! Еще несите!

— Стоять! — рявкнула я, чувствуя, как совесть отправляет в нокаут чувство долга. — Отойдите! Несите горячую воду и мыло! Мне нужно помыть руки!

Я присела на кровать, чувствуя, что одеял куда больше десятка, разгребла подушки, сбрасывая их на пол, вымыла руки и положила ее на лоб мальчика. Ого! Да у него температура! Тридцать девять с хвостиком!

— Вы что? С ума сошли? Столько одеял! — рявкнула я на мать и отца, которые смотрели на меня, как на сумасшедшую, когда я пыталась высвободить мальчика из кокона удушающей заботы.

— Он же кашляет! — жалобно простонала мать, глядя на меня с укором.

— Несите ложку! Чистую! И свет! Зажигайте свечи! — снова рявкнула я, протягивая руку, а мене подали серебрянную ложечку, уверяя, что ее моют по десять раз. «Бе-е-е!», — послышался слабенький голосок, а я заглядывала в воспаленное горло. Тоненькая ручка лежала в моей руке, пока я отсчитывала пульс.

— Рвота есть? Суставы болят? Сопли? — пристала я к родителям, понимая, что бездна сегодня останется голодной. — Понятно. Ребенка не кутать! Ни в коем случае! Несите холодную воду и полотенце! Делать компресс на лоб! Календула есть? Заваривать и полоскать! Можно капать в нос! Ищите корень солодки! Сейчас я напишу вам, что нужно сделать с ним! Обтирайте укусом! Можете заворачивать в прохладную простыню! Мед и чеснок! Мед давать по столовой ложке три-четыре раза в день. Пусть ест свежую головку чеснока... Чаше поите его. Давайте как можно больше воды. Смородина, малина. Давайте почаще. Не хочет есть — уговаривайте! Это просто сильная простуда! Завтра к

вечеру температура снова поднимется, но вы уже знаете, что делать.

Малыш смотрел на меня, а я улыбалась ему, осторожно положив его руку поверх одеяла.

— Я хочу. — начал ребенок, когда родители ушли совещаться с прислугой.

— Тише! — испугалась я, положив руку на сухие губы мальчика. — Сейчас принесут попить. Если ты об этом!

Стоило мне убрать руку, как малыш сглотнул, тяжело дыша. Его грудь с усилием вздымалась в расстегнутой, потной сорочке.

— Мне нужно прочитать над ним несколько очень могущественных заклинаний! — отчетливо произнесла я. Но во время этого никто не должен присутствовать в комнате! Иначе ритуал не сработает! Я обещаю вам, что Смерть не заберет ребенка!

Родители колебались, мать умоляюще смотрела на отца, который снова нервно сглотнул и коротко кивнул. Скорая на расправу помощь нехотя удалилась, позвякивая арсеналом, пока я терпеливо ждала их ухода, мысленно маша им на прощание всеми руками.

— Я хочу любимую., - внезапно прошептал мальчик, когда мы остались одни. Мое сердце дрогнуло и едва не оборвалось, а едва успела снова положить дрожащую руку ему на рот. Изо всех сил я зажала детский рот рукой, глядя в изумленные и воспаленные глаза.

— Слушай меня внимательно, — прошептала я, не убирая руку с губ ребенка. — Скажи мне! Тетя Смерть, я хочу... Повторяй! И тебе тут же станет легче... Просто повторяй... Не придумывай своего, а повторяй за мной. Тетя Смерть.

— Тетя Смерть, — выдохнул ребенок едва слышно, когда я убрала руку с его губ. В его глазах был такой ужас, но я улыбнулась. — Так вы и есть. С-с-смерть, о которой все говорят?

— И что? Страшная? — с нежностью прошептала я, прикладывая оставленный расторопной служанкой холодный компресс на лоб ребенка. — Совсем страшная?

— Смешная. И ласковая. Я думал, что вы. злая. — сглотнул малыш, с детским любопытством разглядывая меня. — Что вы очень злая. Все так говорили.

— А ты сам как думаешь? — вздохнула я, снова прощупывая пульс и пытаюсь считать удары сердца.

— Не знаю, но вы странная. Вы — толстая, а я представлял вас худой, — уголки губ малыша попытались растянуться в улыбке. — А еще вы. сопите. Но я вас не боюсь. Все говорят, что вы. Кхе! Берете за руку и уводите куда-то, откуда никто не вернулся.

— Кстати про «уводить». Хорошо, что напомнил. В туалет не хочешь? Могу отвести, — я смотрела на мокрый чубчик волос, на бледность щек и воспаленные жаром глаза. — Потом вернемся.

— Если я умру, то мама и папа будут плакать? — как-то отрешенно спросил мальчик, глядя в сторону двери.

— Ты еще вырастешь, — приговаривала я, обтирая его тельце прохладной водой. — Еще женишься. А потом, когда-нибудь мы с тобой встретимся. ты будешь уже старенький, устанешь от жизни, а я приду за тобой. Но сейчас повторяй за мной! Тетя Смерть.

— Тетя Смерть, — прошептал малыш, тяжело вздыхая и снова разглядывая меня.

— Я хочу. — произносила я, чувствуя, как сердце в груди успокаивается при мысли, что к утру температура уже спадет.

— Я. хочу., - сглотнул мальчик, пока я думала, что не смогу выполнить даже под угрозой расстрела.

— Трансформер! Это очень-очент замечательная вещь! — брякнула я, первое попавшее на ум, при этом улыбаясь ребенку и повторяя сложное слово по слогам. Он повторил, а я посмотрела в окно, понимая, что трансформерами здесь и не пахнет, что при всем

желании мне не удастся найти что-то похожее, поэтому выдохнула с облегчением.

— Прости, малыш, — я снова намочила компресс, проводя по пылающему лбу. — Я не могу выполнить твоё желание! Поэтому тебе придется выздоравливать! Никому не говори, что это была я. Цени жизнь и постарайся вырасти хорошим человеком.

Я сглотнула, взяла с постели свою книгу, встала и вышла за дверь, где меня уже ждали родители. Ни сказав ни слова, миновав несколько лестничных пролетов, я шла через роскошный коридор к двери. Дверь была на засове, но мне ее отворили. Холодный ночной воздух ударил в лицо, высушил слезы, а я вздохнула полной во всех смыслах грудью, улыбаясь сама себе.

Внезапно послышался звон колокольчика, а вокруг роскошных домов, окруживших и взявших в плотное кольцо небольшую площадь, разнеслась новость: «Его Величество только что объявил о свадьбе! Дата уже назначена! Всем внимание! Только что из дворца! Новость! Скоро состоится королевская свадьба!», — орал невысокого роста мужик, прикладывая руку ко рту для эффекта микрофона.

Что? Как? Неужели ритуал сработал? Неужели? Сердце бешено забилося, а я с благодарностью принялась целовать черную обложку фолианта.

«Его Величество выбрал себе пару на всю жизнь по большой-большой любви! Он признался, что запечатлелся, когда ее увидел!», — кричал голос, а в окнах загорался свет. Люди высовывали на улицу, свистели и кричали.

Огромный глист сомнений, видимо, выросший вместе со мной в суровых реалиях жизни, робко укусил меня, пока я смотрела на свои пухлые руки, представляя на пальце огромное кольцо. Или у меня очень впечатлительный оборотень, либо это я! Полная луна висела на небе, поддержанная сизой дымкой спешащих куда-то облаков.

«Скоро можем ждать наследника!», — орал глашатай, трезвоня в свой колокольчик.

Я тяжело дышала, прижимая к груди свой пропуск «Да, любимый, я согласна!». Сердце стучало так, словно где-то нашелся фасон белого платья, которое стройнит невесту.

«Будущей королевой станет Ригина! Наместница и регентша!», — закончил крикун, а почувствовала, как внутри что-то застыло, а по щекам брызнули слезы. Нос зашмыгал, а я стояла, как дура, посреди площади. Народ яростно набросился на эту новость и растерзал ее на сплетни.

Глава десятая. Муза в рейтузах

— Ээээх! — выдохнула я, от души выбрасывая книгу «Очень действенных приворотов», и слыша звон разбитого стекла и женский голос, проходя мимо разбитого нечаянно окна: «Ты мне стекло разбила! Эй! Ой! А что это? Та-а-ак! Ну-ка! Приворожить навсегда!»

Я шла по улице, чувствуя, как прохладный ветерок успокаивает меня, высушивая мои слезы. «Что сейчас начнется! Ригина такое устроит! Она нас ненавидит! Это пока регентша сдерживается, а как королевой станет... Ой-ё-ё-ёй!», — слышалось вокруг. Судя по разговорам на каждом углу, речь шла явно не о свадебных приготовлениях, а дальнейшей политике правящей партии!

«И ты думала, что ритуал подействует? Дескать, намазалась медом и все?», — послышался голос бездны, пока я просто шла по улице, вслушиваясь в звуки растревоженного новостью города и погружаясь в свои мысли. Надо бы найти того мага и потрусить его, как следует!

— Хочешь сказку? — спросила я, грустно улыбаясь. — Жил — был принц, король, князь, кто он там. Не было у него истинной пары. Родители сколотили ему медальон и кольцо, чтобы сыночек обрел свое счастье. Медальон надели ребенку на шею, а кольцо попало в руки к одной девушке... И видеть их может только смерть. И только смерть способна разлучить их! Но.

— И-и-и? — протянула бездна, не догадываясь, куда я клоню, слегка нахмутив брови.

— А что делает мужик? — развела руками я, слыша на каждом углу обсуждение мрачного будущего страны. — Неужели он не догадался раньше? Как сказала бы моя мама «генофонд нужно улучшать!». А лишняя хромосома — это не то, что она имела в виду! Что делает мужик, ради того, чтобы изменить ситуацию? Сопит и негодует? Хмурит брови и грозно стучит яичками, как бы предупреждая всех, что с ним шутки плохи? Что?!! Да если бы у него были блохи, он бы и то интенсивней чесался бы!

— А ты не подумала о том, что принц просто не знал? Чувствовал, что что — то не то, но не знал? — осторожно заметила бездна, а я слышала мурчание. — Что никто не имеет права ему этого говорить. Что все, кто причастны к этому будут молчать до последнего! Об этом ты не подумала?

— А у нас тут что? — обиделась я, негодуяще сопя. — Мужская солидарность? Посмотри на меня, дорогое зеркало! Ты ничего лишнего не видишь?

— Вижу! — заявила бездна, а я прекрасно слышала, как слаб его голос. — У тебя одежда лишняя! А так все очень даже аппетитно выглядит!

— Кто о чем, а мы о душах! — вздохнула я, закатывая глаза. Если бездна уверял, что как оголодает, так сразу выскочит, выпрыгнет и полетят клочки по закоулочкам, то опыт подсказывает, что, во-первых, не выпрыгнет, а выползет. Во-вторых, вместо грозного рыка и желания растерзать всех, будет вялое: «Ам» и попытки укусить меня за ногу в тот момент, когда я буду проходить мимо. В — третьих. Вместо апокалипсиса бездна тихо скончается, облепленная горячо любимыми котятками. Вот так котята спасут мир!

— Стоять, гражданочка! — окликнул меня голос, а я остановилась. Патруль стражи отпустил какого-то перепуганного мужика, разводящего руками. — Мы ищем заговорщиков. Вы что-нибудь о них знаете?

— Теперь знаю. Знаю, что они опасны, — мрачно выдала я, глядя, как стражники тормозят еще прохожих.

— Вы укрываете опасных преступников? — поинтересовался усатый стражник, хмуро глядя на меня.

— Ага, одеялом. Каждый день. И целую на ночь в лоб, мол, спи, дурачок, а то заговор проспишь! — огрызнулась я, видя, как останавливают еще пару, идущую по улице. — Шучу я.

— А вдруг не шутишь? — прищурился стражник, а позади него висела ориентировка на

меня.

— Может, дом твой обыщем, гражданочка?

— Сначала купите мне дом, а потом обыскивайте, — предложила я, а усача окликнули. «Я видел, как мой сосед под покровом ночи.», — рассказывал бородатый мужик, делая страшное лицо и требуя награду вперед.

И тут я застыла, слыша из открытого окна: «О, смерть! Приди! Приди ко мне!». Я подняла голову и прислушалась.

— О, смерть, прекрасная моя! Приди ко мне! Я жду тебя! — отчетливо слышался мужской голос, а я скептически посмотрела вверх. Нет, ну если зовут, то почему бы и не сходить?

Я толкнула дверь, поднялась по шаткой лестнице и увидела прикрытую дверь, из-за которой доносилось: «О, смерть! Увы, приходит срок! И я упал у ваших ног!».

Мне еще никогда стихи не посвящали! Нет, один раз посвятили, правда не стихи, а выговор за жалобу пациента на то, что я отказалась оценивать его размеры с точки зрения «большой, огромный и ничего себе какой огромный», а вместо этого оценила другой орган, правда в устной форме.

— Кхе! Кхе! — постучалась я, чувствуя себя музой. — Я тут!

Дверь открыл мужичок. Вид у него было бледный, растрепанный и слегка помятый. На полу валялись брошенные бумаги, разорванные клочки. Он тут что? Обои клеить собрался?

— Ты кто? — спросил он, округляя глаза.

— Я — твоя муза. Чего звал? — спросила я, видя, как герой переминается с ноги на ногу, а к подошве прицепилась бумажка.

— Эм... — помялся поэт, разглядывая меня с недоумением. — Вы кто?

— Смерть в мантию! — закатила глаза я, глядя на гения, которому срочно требовалась муза. — Чего звал?

Мужик помялся, осматриваясь по сторонам, а потом жалобно посмотрел на меня.

— Я думал, что вы. вы прекрасная, — промямлил он, с глубочайшим разочарованием. — Поэтичная.

— А я тут большая, веселая и прозаичная, — вздохнула я, не без тайной надежды, что кто — то скончается в муках творчества, а я наконец-то попаду в свой храм. Ишь ты! Мужская солидарность у него проснулась! С чего бы вдруг?

— Мне завтра нужна срочно поэма. Про истинную пару. — сглотнул поэт, явно не горя желанием пускать меня в обитель творчества, но я решительно горела желанием поучаствовать в творческом порыве. А то тут зовут-зовут, а толку мало! — Иначе мне крышка!

— Кастриюлю сначала купи, — мрачно заметила я, осматривая обитель искусств. Если здесь и обитала муза, то запах стоялых носков давно спугнул ее. — Итак, что мы имеем? Давай быстрее. У меня мало времени!

— Эм. Понимаете, — сглотнул поэт, шелестя листочками и отдирая прилипший к ноге. — Мне дали два месяца.

— И? Где этот бессмертный опус? Где твоя нетленка? — скептически заметила я, видя, как поэт забавно бежит по своему чердаку. — Неси!

— Погодите! Погодите! — зашелестел бумажками поэт, что-то пытаясь откопать, но пока что ему удалось только откопать мою совесть. — Сейчас! Сейчас! Одну минутку! Вот!

Я ожидала, что мне вручат огромный опус, исчерканный от и до, а мне протянули

жалкий листочек с двумя строчками: «О, истинная пара — просто чудо. Я восхвалять вас вечно буду!».

— И все? — уточнила я, поглядывая на взъерошенного гения, который стоял, опустив голову.

— Где продолжение? Это уже не поэма! Мы тут даже до частушки не дотягиваем!

— Эм... У меня просто не было вдохновения, — пафосно воскликнул поэт, падая на разобранную, скрипучую кушетку. — Вдохновение — это, как вам объяснить. Это очень тонкая материя.

Он протянул руку вверх, словно пытаясь поймать что-то неуловимое.

— Невесомая и прекрасная. Неуловимая, — задумчиво и пафосно прошептал поэт, закатывая глаза. — И для этого нужна муза, которая сподвигнет. Ах, как жаль, что вы не та муза, о которой я мечтал! Вы меня не вдохновляете. Мне нужен. Толчок. Порыв! Да! Муза должна. как это правильнее выразиться. Стоять рядом.

— А ну быстро встал!!! — заорала я, чувствуя себя полноценной музой с бигудями и в рейтузах. — А ну быстро взял перо и сел писать!

Я схватила за шкуру изумленного поэта, который явно не ожидал такого вдохновения. Опустив страдающего гения на стул, зафиксировав его как следует, я встала над ним.

— Вы. Вы что делаете? — прошептал бедолага, сжимаясь и съеживаясь. Перед ним лежало начало бессмертной нетленки. — Вы чего?

— Стою над душой! — мрачно заметила я, уперев руки в боки, пока горе-поэт водил носом по строчкам. — Давай, пиши. Условия выполнены!

Поэт посмотрел на меня затравленным взглядом, прижал голову к плечам и робко взял перо, осматривая его острый кончик.

«Да брось его! Смысл с ним возиться?», — послышался голос бездны, но я была неумолима. Раз уж решила побыть музой, то побуду! Каждая женщина должна хоть раз в жизни побыть чьей-то музой!

— Ну? — требовательно прищурилась я, а поэт снова поднял робкий взгляд и выдавил: «Я так не могу-у-у. Муза. Она вдохновлять должна. Вдох-нов-лять! Нашептывать, что пи-пи-писать, а не так вот. Можно что-то э-э-эротичное.»

— Так и быть! Я затащу тебя в постель, — мрачно заметила я, понимая, что с этим гением каши не сварить, ибо нет даже кастрюли. — Заставлю стонать.

Гений еще раз бросил робкий взгляд на меня, сделала жалобное лицо и губы его задрожали.

— Странно, я еще не дошла до тяжких побоев, которые будут предшествовать затаскиванию твоего тельца в постель! Пиши, давай! Тебе завтра сдавать! Два месяца провалялся, а теперь что? — надулась я, глядя, как гений склонился над будущей нетленкой, выводя корявую букву, которую в последствии тут же зачеркнул.

— Муза должна нашептывать, что писать! — возразил он, набравшись наглости, и тут же совсем поник, осознавая масштабы будущего опуса.

«Ага, вот пусть и нашептывает! А у нас дела! У тебя завтра свадьба!», — тонко намекала бездна, а я смотрела на горе-поэта, который рисовал цветочек в углу листка.

— Ага, прямо-таки у меня! — вздохнула я, чувствуя, как желание сорвать чужое торжество борется со здравым смыслом «А оно мне надо?». Если моему мужику это не надо, то почему это должно быть нужно мне? Ну сбежал бы! Ну придумал бы что-нибудь!

«А он тебя зовет, между прочим, по ночам!», — вздохнул голос бездны.

— Я не уверена, что конкретно меня, — скептически заметила я, понимая, что кроме той встречи в лесу и «беги, Смертушка, беги» мне от мужика ни ласки, ни любви не

отвалилось.

— Ничего не помогает, — сознался поэт, откидываясь на спинку старенького стула. — Я даже книги про истинную пару читал! Про традиции и все такое. Одна вон... Валяется...

Я открыла старинную книгу, поглядывая на поэта, который что — то скреб в углу листочка.

«Истинная пара должна видеть друг друга каждый день. Это физическая необходимость. Если истинная пара не видит, друг друга каждый день, то у они начинают искать встречи друг с другом. И находят. Волк, с того момента, когда впервые увидел свою возлюбленную, впечатлился в нее, не отходит от любимой ни на шаг. Это — физическая необходимость истинной пары быть вместе».

Это что за «В мире животных»? «Самец привлекает самочку, демонстрируя ей свой хвост»,

— пронеслось в голове, а я внимательно перечитала отрывок, пробегая глазами дальше.

«А что ты там такое читаешь так упоенно?», — послышался встревоженный голос бездны.

— Да так, ерунду всякую, — отмахнулась я, захлопывая книгу и стуча пальцами по столу. Что — то мне подсказывает, что дело тут нечисто. Видеться каждый день? Физическая необходимость? Что-то я не помню, чтобы кроме физической необходимости отдохнуть, меня неумолимо тянуло прильнуть к принцу. Да и он что-то не бегают и не зовет меня. Ну-ну. Но мы с ним — истинная пара. С кем же я вижусь так удачно каждый день? Кто не отходит от меня ни на шаг даже в мир иной? «Истинная пара может общаться друг с другом на расстоянии, а так же слышать мысли друг друга!».

Я прислушалась. У меня тут два варианта. Либо принц вообще не думает. Либо думает, но не головой. А если принц слышит мои мысли? Я представила сидящего на кровати принца, закутанного в одеяло, мимо лица которого пролетает муха. Бззз....

— Я вот тут написал, — жалобно произнес поэт, протягивая мне еще одну строчку, а я пробежала глазами, даже не читая, и похвалила гения, погружаясь в собственные мысли. Если то, что я думаю — это правда, то я притащу еще очень одинокого медведя, двух очень одиноких и никому не нужных волков, парочку собак и стаю ненужных голубей. А потом посмотрю, как кто-то будет гастролировать с нашим цирком в сторону того света.

— Пиши, пиши, — отозвалась я, делая вид, что ничего не произошло. Мои пальцы выстукивали барабанную дробь, а я мысленно прикидывала, где раздобыть свинцовую дробь, чтобы открыть сезон охоты на одну очень хитрую и наглую морду.

— Я пойду, а ты пиши, — я погладила по голове поэта, который усиленно мучал следующую строчку, пытаюсь срифмовать слово «пара» со всем, что попадалось на глаза.

А что? Одному не понравилась моя новая фигура, и другому не понравилась фигура. Один решил жениться, когда первый оголодал. Ну-ну...

— Ты куда? — удивленно спросила бездна, а я вздохнула. — А принц тебя до сих пор зовет.

— Ага, так прямо и представляю огромного мужика, который орет: «Где мой пирожи-о-ок!»,

— ответила я, и тут же сменила тон. — А ведь я тут подумала. На кой он мне сдался? Он по жизни сдался. Сидит пушистая задница, трон греет, территорию метит. Проку с него — трое носок, один шарфик и варежки.

— А почему трое носок? — уточнила бездна, пока я отчетливо слышала, как у поэта резко пошел творческий процесс. Стоило прикрыть дверь, как его захлестнуло вдохновение! Увы, я та муза, которая вдохновляет своим уходом!

— Один по — любому потеряется, — пожала плечами я, готовясь к следующему этапу. —

Ну вот я тут подумала. Толку от пушнины никакого! Только шерсть по всему дворцу. И грязные лапы. А потом объяснять соседям, мол, я — не вою. Я пою.

— А как же принц — хороший? Что? Мы уже разлюбили? — насторожилась бездна, а я чувствовала, как дрожит уголок моих губ, едва ли не расплываясь в улыбке. — А у него, между прочим, завтра свадьба! Так что ищи душу! Ничего, не раскисай, отобьем мы твоего мужика!

— Что-то мне подсказывает, что кто-то поймал его и отбил раньше. Не всего, конечно. Основной удар пришелся на голову, — произнесла я. Да. Я кому-то пушную задницу вместе с хвостом оторву. Посмотрим, кто кого!

Я осматривалась по сторонам, прикидывая, в какую сторону направиться. В кармане был сжат украдкой вырванный из книги листок с одним адресочком.

— То есть ты на свадьбу не пойдешь? — спросила бездна, а я изобразила горький вздох разочарования в истинной любви. — А я тебе платье подготовил. У меня есть план!

— Ах, я хочу побыть одна. Мне сложно такое пережить! Такое глубокое разочарование в любви! — горестно вздохнула я. Я тут значит медом мазалась, из кожи вон лезла, а он вот так вот. Я вспомнила, как морщился мой мужик, когда ему приворотное зелье тайком подлила. Так он даже не пил его! А кто у нас знал о моих планах? Кто у нас знал состав? Во-о-от!

— Я сейчас перенесу тебя домой, — послышался голос бездны, который заметно окреп. — Так! Не води у меня перед носом своей пушной задницей! Чистая, чистая! Ты мне ее уже третий раз показываешь!

— А откуда силушка взялась? — спросила я, чувствуя, что уже достаточно на мужика поохотилась. Я тут, значит, попу рву, а он там тихо сидит и наслаждается?

— Для тебя наскреб, — жалобно произнесла бездна, а я очутилась в своем храме. Пушистой массой на меня ломанулись котят, вопя на разные голоса и карабкаясь по мне. Вот я уже счастливая обладательница теплых, мурчащих рейтуз, а еще немного и меня облепят пушной шубейкой.

— И ты, Вонючка! — послышался горестный вздох бездны. — Ну подойди ко мне после этого, пушистый предатель! Вот только подойди! Ты, между прочим, был моим любимцем!

Я сняла с себя пушистую ответственность и переложила ее бездну, а потом легла и отвернулась, сладко зевая.

— Я тут все продумал! — послышался голос бездны. — Если сделаешь так, как я скажу, то мужик будет твой! Короче! Завтра ты, в платье невесты, появляешься перед нашим героем...

— Угу, — согласилась я, лежа в теплом и мурчащем гнезде.

— Две невесты на свадьбе — это плохая примета! — продолжала бездна, пока я лежала, пытаюсь понять, почему у котят есть такая потребность, показывать содержимое «подхвостовья» для оценки. Что они ожидают? Чего добиваются? У меня на голове сидел котенок, а свешенный хвост телепался перед глазами.

— Ага, — согласилась я, отворачиваясь и улыбаясь. Ну-ну, пушной засранец, что еще мне расскажешь? Если ты думаешь, что сумеешь наколоть ту, которая смогла наколоть ЖЭК, то ты глубоко ошибаешься. Не могу понять, это что за отбор? У меня такое чувство, что у меня ведро нервных клеток отобрали!

Я пошарила рукой и нашла колоду карт, которые тут же пересчитала и стала раскладывать.

— Ну? И что там получается? — заинтересовалась бездна.

— Ой, плохо все получается, — с грустью произнесла я. — Дорога ему предстоит долгая. Темная. Эх, видимо, пошлю его все-таки. Я вот тут думала-думала.

Я даже привстала на локте, поворачиваясь в сторону зеркала, которое подозрительно прищурилось.

— Знаешь, — вздохнула я, глядя в алые глаза. — Я должна тебе кое в чем признаться.

— Кайся, дитя мое, кайся, — кивнула бездна, кивая в темноте, а я видела зубастую улыбку. — Я с радостью выслушаю.

— Я ведь за принцем бегала, чтобы тебя позлить. Думала, что ты внимание свое обратишь на меня. — опустила голову я, шмыгая носом. — Но ты, бесчувственный, жестокий.

Я подняла глаза, видя два огромных алых шара. Прямо, как на новый год. Осталось уши лапшой украсить, а потом праздновать.

— Ты., - слышался негромкий голос бездны. — Ты хочешь сказать, что ты. влюбилась. в меня? Не в него, а в меня?

— Да, — выдохнула я, явно рассчитывая на вполне себе неплохой ночник из двух круглых лампочек.

— Интересно, — странным голосом заметила бездна, сощутив глаза. — Ну раз влюбилась, так в чем же дело? Я тебя тоже люблю, поэтому...

Внезапно храм потемнел, словно на него надвинулась незримая туча. Мои розовые стены стали черными, словно их только что перекрасили, а по спине побежал тревожный сквознячок.

— Мне так больше нравится, — слышался голос бездны, а в голосе слышалась нехорошая улыбка. — Я ведь тебя тоже очень сильно люблю, моя смертушка...

Я отчетливо видела, как из темноты выходит огромный зверь с алыми глазами. Черный волк, с оскалом улыбки, от которой мурашки начинали натекать друг на друга. Значит, я все-таки была права! Погодите, сейчас прищурюсь, проверю. А то зрение у меня так себе. А очки уже сжимаются при мысли, что задуманный мной план дает небольшую, но очень ощутимую трещину. Я что — то не так это представляла. Думала, что отшутится, повредничает, на том дело и кончится. А вот судя по взгляду зверя дело кончится на мне.

Зверь на ходу оборачивался человеком, а я смотрела на бездну, видя зубастый оскал.

— Ну что ты, любимая, — насмешливым произнес он, отбрасывая длинные, темные, роскошные волосы. — Ай!

Лицо Бездны тут же слегка изменилось. Он закатил глаза, а потом опустил. «Мяу!» — висело у него прищепкой на штанине.

— Вонючка, — Бездна посмотрел на котенка, а тот жалобно мяукнул. — Я от тебя такой подлости не ожидал.

— Мяу! — снова жалобно пропищал Вонючка, которого бережно сняли. Я стояла и смотрела, какое-то странное чувство заставляло меня не отрывать от него взгляд. Я не могла понять, что происходит внутри меня, как только он приближается ко мне. Мне казалось, что сердце начинало вздрагивать, а мне безумно хотелось прижаться к нему. Но с принцем такого чувства никогда не было.

— Мой, маленький, сладенький пирожочек, моя аппетитная булочка, — на губах Бездны расцвела хищная улыбка, а его рука легла мне на подбородки. — Неужели ты подумала, что принц и я — одно лицо? Ты меня просто оскорбляешь таким сравнением.

Меня резко прижали к себе, а я округлила глаза. У принца волосы короче. Их что? Двое? Где-то кто-то запустил ксерокс? У Бездны взгляд другой.

— Я же сказал тебе, что отучу тебя портить вещи и есть из мусорки, — хищная улыбка Бездны стала еще шире. — Да, мой сладкий пирожочек?

— Я тут поду. — начала я, а подумать мне не дали. Как, впрочем, и в бабушкином домике. Платье полетело вниз, под ноги.

— Пого... — попыталась произнести я, отчетливо чувствуя разницу между принцем, которого впору прислонить к стеночке и. Мамочки а я почувствовала, как меня поднимают на руках, покрывая поцелуями.

— Я боюсь высоты!!! Пусти меня!!! — взвизгнула я, обнимая его за шею. — Ты меня уронишь! Не рискуй! Караул!

— Наивная, — рассмеялся Бездна, с легкостью держа меня на руках, пока я вцепилась в его широченные плечи.

— Пожалуйста, — прошептала я, жалобно глядя ему в глаза. — Поставь меня на место... Я тяжелая.

— Да, у тебя очень тяжелый характер, — улыбнулся Бездна, пока я пыталась сообразить, что вообще происходит. Может, они братья? Близнецы? Да я готова поверить во что угодно! — И я же сказал тебе, что лишнее в тебе — только одежда.

Я чувствовала рычание, которое сменялось поцелуями и скользило по моей шее. Он что? Лизнул меня?

— Безднушка, — жалобненько заметила я, глядя в желтые глаза, трогая жесткие черные волосы. — Там котята. Ты меня уронишь на котят. Представляешь, что последнее они увидят во второй жизни?

— Это последнее, что они увидят мне безумно нравится, — я чувствовала, как мне настойчивым поцелуем кусают губы. — Так бы и разорвал бы тебя, съел бы. Всю, без остатка.

— Безднушка, я все пони. пони. — замерла я, чувствуя, как меня укладывают на кровать. Мне это снится. Просто снится. У меня под боком был мой мужик. Сидел, так сказать, с котятами нянчился. Пока я за другим бегала. Проклятые диоптрии. Нет, ну кто бы знал, что они меня так подведут.

— Он тоже называл меня пирожочком! — воскликнула я, понимая, что огромная лапа, проверяющая целостность моих пирожочков, меня как-то сбивает с очень важных мыслей.

— И что? Я назвал тебя первым. Все оборотни или лугару называют девушек вкусными именами. Хочешь порадовать. Предыдущая смерть была у меня кашей — размазней, — я чувствовала его дыхание на своей шее, понимая, что чем глубже в лес, тем меньше у меня возникает вопросов.

— Так ты с ней тоже? — ревниво воскликнула я, пытаюсь отстранить его хотя бы на время ответа.

— Нет, моя сладкая. Только с тобой, — оскалилась Бездна. Я все еще пыталась сопротивляться, вызывая у Бездны очень многообещающий смех.

— Точно-точно ты и тот. эм. принц — не одно лицо? — взмолилась я, понимая, что между жалобным овощем и тем, кто стягивает с меня зубами свеженадетое перед сном белье, не так уж и много общего.

— Думаешь, что после того, как ты в любом обличье вошла в мою спальню в нежном платье, ты бы вышла оттуда одетая через пятнадцать минут? — усмехнулся Бездна. — Если бы ты появилась тогда передо мной, то я бы съел бы тебя на месте... Как же я сдерживался, наблюдая за тобой. Мммм. А ты до сих пор пахнешь медом.

— Котенок! — пискнула я, глядя как по спине Бездны пробирается любопытная мордочка: «А что вы тут делаете? Мяу?».

— Так, Дохля, иди отсюда. Ты еще слишком маленькая, чтобы такое видеть, — оскалилась в улыбке Бездна, снимая огромной лапищей котенка со своей спины.

— Почему ты раньше не. не. не. выходил? — задыхнулась я, глядя в желтые глаза.

— Я терпеливо ждал, когда ты закончишь бегать за другим мужиком, — выдохнули мне на ухо. — Пирожочек, пирожочек. А можно я тебя сегодня съем? Только учти. Будет первое, второе, третье и десерт.

Я проснулась, чувствуя, что лежу на огромной груди, на мне лежит как минимум пятеро пушистиков. Еще один улегся на черных волосах Бездны, а местонахождение остальных я пока не выяснила. погоди! Откуда у нас появилась кровать? Я же честно в гробу спала!

— Как на счет того, чтобы прогуляться на свадьбу принца? — усмехнулся Бездна, а по его лицу гуляло рыжее сонное безобразие.

— Ты же сам говорил о том, что мы его отбивать будем. У тебя есть план. — зевнула я, все еще не веря. Хотя нет, по ощущения от предыдущей ночи, я склонная поверить.

— Откуда ж я знал, что ты выберешь меня? — зевнул, обнажая острые клыки, Бездна. — Я предлагаю сходить туда вместе.

— Вместе? — удивилась я, представляя себе наше появление.

— Да. Вместе. Только я подойду попозже. — оскалилась Бездна, а мимо моего носа прошла серенькая пушная попа, гордо задрав хвост. — Брысь, Пизля. Только тебя не хватало! Что? Обиделась? Иди сюда!

Огромная лапа потянулась к котенку, а тот радостно замурчал, усаживаясь поудобнее. Так вот значит как? Пока я там охочусь, можно сказать, с переменным успехом, моих котят переманили на свою сторону? Ну-ну!

— А как на счет платья? — спросила я, глядя на половую тряпочку, которую облюбовали шерстяные комочки. Если честно, то мне никуда не хотелось идти.

— Как на счет самого красивого? Такого, в котором ты затмишь даже невесту? Ты обязана там быть. Это очень важно, — предложил Бездна, а я все еще не понимала, что происходит. Я стояла в центре комнаты, в роскошном фиолетовом платье. Это как вообще? Почему раньше такого не было? Честно, я даже боюсь спугнуть. А вдруг это потому, что я. я сказала, что люблю его? А ведь действительно. Я же полюбила того, кого встретила в лесу? Странно.

— Мне очень нравится, как это платье смотрится на тебе, — поднял брови Бездна, а потом вставая и подходя ко мне. — Настолько нравится, что ему конец...

Через час я посмотрела на Бездну, тихо простонала, отгоняя ладошкой котенка.

— Мы вообще на свадьбу пойдем? — спросила я, глядя на разорванные платья, которые валялись на полу. — Или мне голой идти?

— Я, наверное, отвернусь. — оскалился Бездна, а я чувствовала, что как только заглядываю ему в глаза, так у меня сразу пирожочки начинают просить приключений.

Я стояла в платье, видя широкую спину, по которой упорно лезли котята. Зеркало было просто черным, словно накрытым невидимой шторой.

— Иди, пирожочек. Я потом догоню, — послышался голос Бездны, а его волосы упали с плеч. Я вот тут последнее время дышать боюсь. Помнится, я ему уже сказала, что мне это снится. До сих пор попа болит от того, как ее нежно ущипнули. Это было перед тем, как ее сладко укусили, ну да ладно. Почему-то мне казалось, что утром мы увидим седых котят с огромными глазами.

— Не понимаю, зачем мне туда идти? Ты ведь здесь? — прошептала я, чувствуя, как он все-таки встает и обнимает меня.

— Мой сладкий пирожочек, — послышался голос Бездны. — Как же ты не понимаешь. Ты ведь — не Богиня Смерти. Ты — просто маленькая смерть. Жнец. Тебя больше не бояться. Тебе не строят храмы. Тебе не приносят дары и не поклоняются. Знаешь, в этом есть и моя вина. И она куда больше, чем ты думаешь. Я пытался все исправить, я хотел,

чтобы ты снова была той, кому поклоняются и перед которой все равны. Я хотел сделать из тебя настоящую богиню, но, видимо, я просто не учел, что ты тоже когда-то была человеком. Я хотел, чтобы люди тебя боялись, уважали, трепетали перед тобой. Я отправил тебя к величайшему магу, которому уже один раз удалось обмануть смерть. Ты променяла ужас и славу на вполне аппетитную. Никто не спорит. грудь. А ведь забери ты его, люди бы действительно задумались бы о том, что от тебя не спасает даже могущественная магия.

Я молчала, глядя, как в зеркале мелькает лицо мага.

— Я отправил тебя в самую охраняемую и страшную тюрьму, куда не проникает не то, что мышь, даже солнечный свет. Я хотел, чтобы люди видели, что никакие стены не спасают от смерти. Но ты пощадила сумасшедшего старика. И даже помогла ему сбежать! — слышался голос бездны, а в зеркале мелькнуло лицо камердинера и моя задница, торчащая из дыры в стене.

Душераздирающее зрелище, хочу вам сказать! Я почувствовала, как меня прижали к себе еще крепче.

— Я даже предложил тебе больницу, в которой собрались те, кто больше всего на свете не хотел умирать. Те, кто спрятались под надежной охраной. Я хотел, чтобы люди видели, что никакое оружие не спасет от смерти. Но ты снова пощадила. Точно так же, как и ребенка из очень богатой и знатной семьи, потратившей огромные деньги, чтобы защитить его от тебя. — слышался голос бездны, а он прижался ко мне, поглаживая пальцами плечи.

Я стояла и смотрела на то, как отдаю распоряжения перепуганным родителям. Зеркало всколыхнулось и показало поэта.

— У тебя был шанс забрать известного поэта. И тогда бы весь мир узнал бы о том, что ни слава, ни талант не спасут от смерти... — слышался голос бездны, а его руки сжали меня еще крепче. — Но и здесь ты проявила милосердие, хотя из тебя получилась неплохая муза.

Повисла тишина, от которой мне стало что-то тревожно. Меня прижали к себе крепкокрепко, а я понимала, что из меня никудышная смерть.

— Ты чувствуешь объятия бездны? — послышался голос, а он потерся об меня щекой. — С каждой минутой люди перестают тебя бояться. Еще немного. Еще чуть-чуть. И тогда я вынужден буду забрать тебя. Но я не хочу этого. Впервые не хочу.

Я молчала, понимая, что предчувствия меня не обманули. Не просто так он покинул зеркало!

— Согласна. Я — никудышная смерть. Может потому, что всю прежнюю жизнь я спасала людей от смерти? Пять лет меня учили спасать людей, вырывать их из лап смерти. Потом еще два года я работала в детской реанимации, выцарапывая у смерти каждую жизнь, а потом ушла. Не выдержала. — вздохнула я, отгоняя воспоминания. — Чаше всего смерть была сильнее меня. И почему-то я все время забываю о том, что я и есть смерть. Мне действительно жаль многих людей. Я не умею отнимать жизни детей. Но я честно старалась.

— Я знаю, мой пирожочек, — в голосе бездны чувствовалась улыбка. — Знаю. Поэтому прошу тебя, постарайся еще один раз. Только один. Или ты делаешь это, или мне придется забрать тебя своими руками.

— Ты хочешь, чтобы я пошла на свадьбу? Опять гости? — спросила я, сжимая его руку.

— И как можно больше. Может, ты и самая милосердная смерть в мире, предпочитающая обходить людей стороной, но я знаю, что при этом ты — самая хитрая из всех смертей, способная обвести вокруг пальца любого, — прошептал бездна. — Если ты не сделаешь это, то тебе конец. Сделай так, чтобы они заглянули в глаза смерти. Преврати эту свадьбу в похороны.

Меня отпустили, а я очутилась в огромном, роскошном зале. Смех, музыка и тысячи звуков обрушились на меня, пока я смотрела на улыбающихся гостей.

— Слыхали, Смерть наконец-то уgomонилась, — смеясь, заметил импозантный мужчина, набирая себе закуски. — Давненько про нее не слышали.

— А вот и неправда! — послышался женский голос. Надменная старуха в роскошном платье, брезгливо подносила кубок к сухим губам. — Какое отвратительное вино. Не то, что было раньше. Поговаривают, что Смерть вообще потеряла свою силу!

— Хотелось бы в это верить, — вздохнул ее собеседник. — Недавно в городе был. Ох, сколько людей расплодилось. Просто тьма! Вот если бы смерть могла забирать нищих и убогих, а богатых и знатных не трогать, вот тогда было бы просто чудесно. Зачем плодить нищету?

Я поморщилась. Я — честная смерть. Мзду не беру. Мне за мою бездну обидно.

— Мне один знакомый рассказывал, что смерть не смогла забрать даже ребенка. Родные отбили! Скорую помощь вызывали! Вы вообще про скорую слышали? — доносился восторженный женский голос, а я тонула в шелесте платьев, звоне кубков и взрывов смеха. Музыка прорезала общий гул, а до меня доносились обрывки голосов.

— Неужели смерть опять ослабла? Ну, тогда нам нечего бояться, — послышалось со стороны двух девушки в одинаковых платьях, которые стояли в сопровождении кавалеров. — Я же говорила, что это просто временно... Но я решила перестраховаться... Даже медальон купила себе. Говорят, что помогает!

Я снова среди гостей, чувствуя, как мозг лихорадочно пытается понять, что вообще происходит. Нет, в чем-то он прав. Я действительно запустила работу, но убить принца и принцессу! Жениха и невесту на свадьбе — это уже перебор! Я могу вполне начинать с придворных.

— Вы слышали, что она приходила к поэту? Ну помните еще на званом вечере стихи читал? Да-да! Он самый! Буквально вчера! Нет? Рассказываю! Она приходит, а он ее взял и за дверь выставил. Еще и пинка дал! — прыснул красный мужик, накручивая ус. — Пинка! Смерти! Говорят, что по лестнице катилась!

— Неправда! Вот совсем люди мозгами не думают! На кой им голова! — возразил его сосед, опрокидывая кубок в себя. — Он ее просто обманул! Сказал, что должен закончить поэму! А потом срок прошел и все!

Как интересно я живу. Меня тут, оказывается, по лестницам спускают. Я осматривалась по сторонам, в надежде, что увижу бездну, но кроме расслабленных гостей, обсуждающие мои карьерные достижения, никого не было. Я курсировала по залу, слыша то и дело новые сплетни. Где бездна? Куда он запропастился? Я же одна не справлюсь. Я так понимаю, он обещал прийти, чтобы помочь? В меня никто не верит. Откуда у меня силы?

И тут я на кого-то натолкнулась, машинально извиняясь.

— Ой! — послышался голос знакомого мага, который побледнел и тут же стал бегать глазами.

— Простите. Мне срочно нужно идти! Я. Не знаю, как у вас получилось снять иллюзию. Они у меня настолько качественные, что никто еще не заметил разницы! Я, конечно, извиняюсь, что так получилось. И на счет гарантии. Не забирайте меня. Я могу снова сделать вам внешность. Не подумайте, что я — шарлатан. И ни коим образом не хотел вас обманывать. Можете спросить у кого угодно.

Гости вокруг общались, а я осматривалась по сторонам, слыша беззаботный смех. Какая-то сволочь уже анекдотов про меня насочиняла! Я на мгновение представила, как гости в зале падают. «Караул! Смерть убила половину гостей на свадьбе!». Но я ведь не могу убивать тех, у кого срок еще не подошел? А если это будут не настоящие гости? В толпе же все равно не понятно?

— Иди сюда, — я схватила мага за шею, обнимая, как родного. — Сейчас ты мне немного поможешь. Сделаешь это — я отстану от тебя навсегда.

Я склонилась к нему, видя, как трясется кубок в его сухонькой ручке, расплескивая вино

на пол. «Тут не знаю, кому повезло!», — вздохнула девушка в сиреновом платье, склоняясь к другой при виде нас. «Это неприлично смотреть на семейную ссору!», — одернула ее вторая, улыбаясь проходящему мимо мужчине и досадуя, что он не обратил на нее внимания.

— Вы с ума сошли? Начнется же паника! — прошептал старик, бледнея еще сильнее. — Тут невеста что твориться будет! Вы в свое уме? Нет, я-то смогу... На то я и бывший придворный маг! Правда, мне нужно, чтобы вы выбрали внешности. Ума не приложу, как создать столько народа!

— Копипаст! Копируешь внешность одного, вставляешь в другое место! — прошептала я, глядя на него сверху вниз. — Делай, или я на тебя упаду!

Маг съехался, усиленно кивая. Ну что ж! Мой выход. Смерть приглашает на танец всех гостей!

— То есть вы хотите, чтобы они падали, как подкошенные, а к вам слетались как бы светлячки? — уточнил маг, лихо опрокидывая в себя содержимое кубка.

— Розовые светлячки. И покрупнее! — закивала я, тут же хватая его за руку дорогой хламида.

— Ты все понял?

— Да-да-да! — закивал колдун — старый пердун, водя рукой вокруг нас. Я видела, как среди гостей появлялись еще гости. Дорогие костюмы, платья, бокалы, закуски.

— Девушка, — подплыл пьяный дядька в съехавшем парике к красавице, которая только что заняла место среди гостей. — Не почтите за дерзость, если я приглашу вас на танец! Просто мне стоять тяжело. А так хоть на вас обопрусь! Простите еще раз!

Маг отходил в сторону, а я стояла в центре зала, глядя, как смешиваются настоящие гости с иллюзией. Раз. Два. Три.

— Ну здравствуйте, дорогие мои! — громко произнесла я, пытаясь перекричать всех. — Я так рада прийти на этот замечательный праздник!

Гости смотрели на меня с недоверием. «Кто это?», — перешептывались они. «Она просто пьяная!», — слышались голоса вокруг. Оркестр все еще играл, а гости уже собирались отворачиваться по своим делам.

— Так это же Смерть! — закричал надрывный голос. — Это она. Я знаю ее. Я с ней разговаривал! Это она!

Недалеко от меня стоял тот самый поэт, прижимая к груди рукопись и целый поднос с закусками, наваленный с горкой. Ты мне про лестницу потом в красках расскажешь!

— Смерть? Здесь? Опять? — перешептывались гости. — Зачастила!

— Смерть пришла на свадьбу! Какая оригинальная шутка! Интересно, кого забирать будешь? Жениха или невесту? Бери всех, только закуску не трогай! — послышался дерзкий голос, а люди стали смеяться.

— Значит, можно? Ну-ну, — произнесла я, взмахнув рукой. Давай, старикан! Не подведи! Если подведешь, то я тебя где угодно отловлю!

В скептической тишине иллюзорные гости стали падать. Девушка — иллюзия, стоящая рядом со мной, рухнула на пол, как подкошенная, превращаясь в огонек. почему не розовый? Я же просила розовый!

— Не может быть! — послышался крик. — Караул! Смерть убивает на королевской свадьбе!

— Помогите! — заверещала женщина, роняя бокал на пол. Рядом с ней упали сразу три иллюзии, рассыпаясь и летя ко мне.

— Спасите! Спасите! Смерть всех убивает! — в толпе поднялась такая паника. Платья

рвались, посуда летела на пол, крики, вопли и ужас слышались со всех сторон. Гости бежали, падали. Стража пыталась их успокоить, но завидев, падающую рядом иллюзию, присоединились к толпе.

— Она снова убивает! Кого хочет! Бегите! — верещали люди, вынося дверь, мой мозг своими криками и стражу на улицу. Перед глазами все слегка дернулось, а над головами людей стали мелькать циферки обратного отчета... Тысячи цифр сливались в красную ленту, а я видела, как маг, не дожидаясь благодарности, мчится вслед за полной дамой, орущей, что ее только что убили.

В зале воцарилась непривычная тишина, зато за внесенной дверью и разбитыми окнами слышались крики: «Смерть убила всех на свадьбе! Смерть убила!».

На полу валялась посуда с недоеденными яствами, какие-то ленты, чьи-то туфли, перья, обрывки ткани, пуговицы. Скатерти со столов съехали, часть столов было перевернуто, цветочные гирлянды, которые украшали стены, колонны, были оборваны. Кто здесь торжествует? Смерть здесь торжествует!

— Что здесь происходит! — послышался страшный женский голос. Я видела, как ко мне, задрав роскошное и белоснежное платье по пояс, шла невеста. Часть прически уже была собрана, а часть висела, словно ухо спаниэля. Платье было расстегнуто, а невеста стряхивала с изящной туфельки обмотавшийся шлейф.

За ней бежала перепуганная служанка, лепеча: «Госпожа, госпожа, постойте. Там еще не все готово! Сейчас... постойте. тут заколочка.»

Внезапно девушку с заколкой отмело в сторону так, что я едва ли не усомнилась в том, на чем зиждется большая и чистая любовь. Служанку отбросило к стене через весь зал, а она обессиленно сникла на пол.

— Как ты посмела! — заорала Ригина. Пока хорошие девушки ходят в спортзал подкачать фигурку и скинуть лишний вес, в надежде, что мужчина будет вокруг нее бегать, умные девушки ходят в качалку, вбивая родственникам встроенную воспитанность, а пугливому супругу — любовь по умолчанию.

— Не скажу, что было легко, — произнесла я, опираясь на гирлянду. Белоснежные цветы почернели за долю секунды. Мертвая волна ползла по гирлянде вверх, превращая ее в сушеный веник. Вокруг нас, прямо по стенам расползлась тьма, закрывая все входы и выходы.

— Бездна! Бездна! — заорала Ригина, тяжело дыша и опуская платье на пол. — Ко мне! Быстро!

Что?!! Я что-то не поняла? Какая бездна? Моя что ли? В зал выбежал огромный черный волк, на бегу обращаясь в человека. Неужели он? Черные волосы, желтые глаза.

— Эта тварь испортила нам свадьбу! — задохнулась Ригина, а на меня смотрел принц. Нет, ну они что? Издеваются? — Жнец испортила нам свадьбу! О! Как я зла!

Ригина закатила глаза, а ее напряженные пальцы сжались так, словно она уже представляла мою шею. Ну-ну! Подбородки! На вас вся надежда!

— Выполняй приказ! — рявкнула Ригина, а на меня ударили в грудь лапами. Оскаленная морда нависала надо мной, капая слюной.

— Не могу, — рычала Бездна, а я пыталась понять, моя или не моя? Ну нельзя же быть настолько похожими! — Не могу... Богиня, не могу! Она ни в чем не...

— Убей ее! Это приказ! — орала Ригина, а надо мной рычала, дергалась и скалилась огромная волчья морда, борясь сама с собой. — Быстро убил ее!

— Беги, смерть, — зажмурился волк, выдыхая мне жаром дыхания в лицо. — Беги, пирожок. Пусть твоя бездна тебя. заберет.

Да что бы вас всех! На мне что? Ценник есть и надпись «жаренный или духовой»? Какая моя бездна? Я ничего не понимаю!

— Пусть забирает тебя. Я не смогу. Так. Долго. — слышала я рычание, которое оборвалось в страшный, хриплый, надрывный вой, сотрясающий стены.

— Бездна, — прошептала я, чувствуя, как огромные лапы давят на огромную грудь. Вой нарастал, а в зале что-то падало с оглушительным грохотом. В ту же секунду на меня смотрели желтые глаза.

— Тебе что? Ошейник потуже затянуть? — послышался голос Ригины. — Что ты треплешься! Кончай ее быстро! Я приказываю!

Ошейник? Это не то ожерелье, вокруг которого столько сплетен? Я видела, как на шее волка что-то сверкнуло. Ничего себе! В густой шерсти проступали очертания сверкающей цепи. Чем больше людей меня боится, тем. Я поняла! Я не видела ошейника потому, что была слишком слаба. Бездна правильно говорил! Нужно было слушать Бездну!

— Нет, — прорычал волк, не давая мне схватиться за ошейник. Моя рука схватилась за что-то ледяное, а я изо всех сил стала тянуть его на себя. Ничего себе ювелирка! Ожерелье то исчезало, то появлялось, а я яростно пыталась разорвать его! Давай, Смертушка! Ты же лично однажды диван на третий этаж затащила! Вместе с мужиком! Причем, мужик последние два этажа сидел на диване, потому что устал! У! Как я зла! Как вспомню, так убила бы!

Я изо всех сил дернула, а чувствуя, как страшным голосом орет волк, а в моих руках крошатся и рассыпаются сверкающие звенья массивной цепи.

— Я свободен, — выдохнул волк мне в лицо. Один прыжок, он стоял напротив Ригины, которая побледнела, придерживая на груди свадебное платье.

— Бездна, — произнесла она, а я видела сверкающее кольцо в ее указательном пальце. — Успокойся. Ты прекрасно знаешь, ради чего я все это делала! Ты прекрасно знаешь, ради чего я забрала тело у принца. Я просто хотела быть с тобой. Всегда с тобой.

— А чем тебя вечность не устраивала, богиня? — прорычал волк, пока я пыталась отдышаться. Вот что за манера у них лапать мою грудь своими большими лапами! — Ты отобрала тело у ребенка! Ты издевалась над ним, убивая всех, кто ему дорог, заперла его в Бездне...

— Я же сказала. Я люблю тебя и хочу быть всегда с тобой! — взвизгнула Ригина, когда волк подобрался к ней совсем близко. За волком стелилась тьма, а Ригина отходила в сторону. — Чем тебе не нравилось править королевством? А, Бездна? Я дала тебе все, что...

— Когда любят, дают свободу, — произнес волк. — Прощай, когда-то любимая.

Я так и не поняла, что произошло, видя, как мелькнуло белоснежное платье, которое накрывает черная тень. Волк стоял над телом, а белоснежное платье рассыпалось в прах, разлетаясь вокруг. Красивое тело растворялось, а вверх поднимался маленький огонек чужой души. Огромная волчья пасть проглотила его.

— Что происходит? — взмолилась я, вспоминая, что еще недавно собиралась отбивать, как оказалось, чужую бездну.

— Все просто, пирожок. Я — не твоя бездна. Твоя бездна не придет, пока я здесь. Он не может. Таковы условия договора, — выдохнул волк, падая на пол. Я подошла к нему. — Не бойся, я скоро уступлю ему то, что его по праву.

— Что происходит? — засопела я, а волк поднял на меня желтый глаз и тяжело вздохнул. — Говори, как есть! Мне уже все равно!

Волк молчал, а потом посмотрел на меня странным взглядом.

— Жил-был однажды глупый принц, умевший превращаться в зверя. И однажды он встретил девушку, которая стала его невестой... Это была его истинная пара. Но прямо на свадьбе, обезумевшая, подогреваемая злым умыслом толпа убила ее. Я не смог ее защитить, и зверь вышел из-под контроля. Он убивал все, что видел, забыв о сострадании

и милосердии. Чем больше он убивал, тем сильнее становился. Пожирая чужие души можно понять, что больше не можешь насытиться. И тогда явилась она. Ведьма, которая пообещала людям, что сумеет обуздать зверя. И она сумела. Она убила во мне человека, уничтожила мое тело, оставив лишь зверя в ошейнике, которого кормила душами.

А могла бы просто завести котенка!

— Я сказал ей, что не смогу полюбить ее, — тихо произнес волк. — И тогда она сказала, что снова даст мне тело. Ведь дело только в этом? Разве нет? Она считала, что я просто обиделся на нее за то, что ей пришлось меня убить. Я говорил, что это бессмысленно, но богиня твердила, что дело именно в этом! Не каждое тело подходит для зверя. Только тело такого же зверя, отданное добровольно.

В зале воцарилась тишина, а волк зажмурил глаза.

— Она пришла к моему потомку, у которого родился сын. И предложила ему добровольно отдать свое тело, взамен она обещала ему выполнить три желания. О! Ее бы могущества на это вполне хватило бы. Но король отказался, сославшись на то, что у него только-только появился наследник. Принц еще мал, чтобы править. Богиня Смерти пригрозила тем, что уничтожит все живое, если король хоть кому-то проболтается. И король молчал. Тогда Богиня Смерти пришла к маленькому принцу, которому тогда исполнилось шесть лет.

«Отдай добровольно свое тело, а я выполню три твои желания!», — предложила ему богиня, в надежде обмануть мальчика. «Нет!», — ответил принц. «Тогда я буду забирать у тебя всех, кто тебе дорог до тех пор, пока ты не согласишься добровольно отдать свое тело! Если посмеешь кому-то сказать — погибнет все живое!», — пообещала Богиня Смерти.

Волк молчал, а в зале набегала тьма, собираясь в огромный шар. Я видела маленького мальчика, перед которым стоит фигура в черном. «Нет!», — тряхнул черными волосами маленький мальчик с желтыми глазами. — «Я не отдам тебе свое тело!». Богиня подошла к нему, а с ее головы упал капюшон. Я видела роскошные волосы и улыбающееся лицо Ригины.

— Малыш, не упрямься, — ласково произнесла она, пока на нее волчонком смотрел маленький принц. Они стояли в саду, среди роскошных цветов. — Будь хорошим мальчиком... Целых три желания!

— Мне не нужны твои желания, — отрезал мальчик, обнажив остренькие клыки. — Отец сказал, что ты прокляла меня на вечное одиночество...

— Просто твой отец очень и очень упрям, — улыбнулась Ригина, пытаясь обнять волчонка, который смотрел на нее так, словно уже несколько раз разорвал в клочья. — Но ты же не упрямый? Хорошо, раз ты так, то я тоже поступлю по — своему. Ты ведь знаешь, кто я? Я — Богиня Смерти! Все, кто тебе дорог будут умирать. Ты всегда будешь одинок. Я умею ждать, маленький принц!

— Для чего тебе нужно тело? — произнес волчонок, а я смотрела на него, чувствуя такое умиление, что вот-вот поймаю его и обниму.

— Я хочу, чтобы бездна получил тело, а ты занял его место. Представляешь? Ты будешь властен над самой смертью! — произнесла Ригина, беря в руки цветок, а он рассыпался в прах, который тут же сдул ветер.

— Я не хочу быть властным над смертью! — отмахнулся волчонок, пытаясь уйти. — Я не хочу никому отдавать свое тело!

— Захочешь-захочешь, — послышался голос богини, а она растворилась.

Я смотрела, как свет падает в черном тронном зале, как умирает король, а ребенок держит его за руку, пряча слезы изо всех сил. Я видела мальчика у постели матери, которая гладила его по голове, а маленький принц ронял слезинки, когда ослабевшая рука проводила по черным волосам. Малыш выл, обнимая колени, когда уносили слуг, смотрел, как сбегают из замка последние уцелевшие, а где-то за окном медленно умирает тот самый красивый сад.

— Пошел вон! — кричал маленький принц, топая ногой на котенка, который бежал за ним по дорожке. — Уходи, или ты тоже умрешь! Пусть все уходят!

«Принц убил своих родителей!», — шептались на улицах. — «Во дворце все умирают!».

Я видела ребенка, который сидел и гладил маленького котенка, а по щеке мальчика стекала слеза. Я сейчас брошусь и обниму его. Нельзя так издеваться над ним!

— Только ты не умирай, — шептал принц, а котенок цеплялся коготками за его руку. — Не вздумай! Вонючка! Эй...

Я видела, как маленький принц сидит над котенком, который лежит у него на коленях, гладит его, а позади него стоит Богиня Смерти, улыбаясь.

— Ну что, мой принц? Ты согласен? — произнесла она, а котенок тихонько поник. — Говори. И это будет истиной. Никто, ни ты, ни я, никогда и никому не расскажешь об этих условиях!

— У меня есть условия, — несвойственным ребенку голосом произнес принц, глядя на мертвый сад. — Я хочу, чтобы люди перестали умирать сами!

Он помолчал, вздохнул, а я уже рвалась к нему. Мой маленький. Что ж ты творишь, Богиня!

— Пусть каждый знает, когда ему суждено умереть! И пусть смерть приходит к нему сама в день смерти! Видимая! Не крадется, не прячется! — голос принца становился громче. Он почти кричал, сжимая кулаки. — И чтобы каждый мог избежать смерти, загадав последнее желание. Если смерть не сможет его выполнить, то человек будет жить дальше! Срок жизни его снова продлевается! Если смерть не смогла догнать человека, а он убежал, то у нее будет четыре минуты! Потом она бессильна!

— Ты хоть понимаешь, что будет? Людей станет слишком много! — изумилась Ригина, явно ожидая машинку, мячик и вон ту собачку. Ага, сейчас прямо! Так он тебе и загадал трансформера!

— Зато ты и твоя бездна не сможете больше пугать людей! — ответил принц, тяжело дыша. Мой мальчик. Ты — гений. Ты. У меня на глазах выступили слезы.

— Но ты учти, что ты сам станешь бездной! А бездна питается душами умерших! И ты сам уничтожишь мир, когда оголодаешь! Правила распространяются на любую смерть! Даже, когда вместо меня, покинувшей свой храм придет жнец, который станет тебя кормить, на нее тоже будут распространяться эти правила! — произнесла Ригина, а мальчик кивнул. Через мгновение огромный черный волк вырвался из него сгустком тьмы, а тело опустило голову на колени богини.

— Просыпайся, моя бездна. — улыбнулась она, глядя ребенка по щекам, а тело вселялась другая тень. — Итак, я — регентша, а ты — маленький принц. Историю мы придумаем. Просыпайся!

Я все еще сидела и смотрела в темноту, видя перед глазами смерть, склонившуюся над ребенком.

— Вот и вся история, — вздохнула чужая бездна, которую я гладила по черной шерсти. — Как только принц снова вернется в свое тело, его условия договора будут разрушены. Мир станет таким, каким я его помню. А теперь позволь мне уйти. Мне пора. Твой принц, настоящий принц, так и останется бездной. Но у него будет его тело. Он больше не будет заперт в зеркале, имея шанс иногда вырваться. А я уйду. Она ждет меня. До сих пор ждет. Моя истинная.

Я видела, как черный, обьятый тьмой зверь покидает тело, которое тут же превращается в человеческое. Я видела, как нити тьмы всасываются в тело, приподнимая его.

— Иди сюда, мой мальчик, — зарыдала я, обнимая голову принца, который вымахал под два с половиной метра. — Мой маленький... Я ведь чувствовала, что что — то не так... Мой маленький...

— Чего ты? — слышался хриплый голос, а огромная лапища «маленького» сгребла меня в охапку. — Пирожочек! Не плачь.

— Мой маленький, — всхлипывала я, чувствуя, как меня бесцеремонно прижали к себе. — Я не знала. Честно, не знала. Ты говорил, что у тебя аллергия на котят. Я не знала, почему.

— Успокойся, мой пирожочек! Тише, булочка! — слышала я рычание, сидя на руках. — Прекрати плакать, а то я тебя за попу укушу!

— И кусочек откуси. Побольше, — икнула я, потершись об него щекой.

— Спасибо тебе, мой маленький, сладкий — пресладкий пирожочек, — шептал Бездна. — Я бы никогда не пожелал другой смерти... Ну все, успокаивайся. Давай, мой пирожочек, вытри слезки.

Я чувствовала, как меня целуют в пухлую щечку.

— А мы покрасим комнату в розовый? — прошептала я, немного успокаиваясь. — И котят заберем?

— Покрасим и заберем, — слышался голос моей Бездны, а понимала, что как бы нас не звали, мы так и будем называть друг друга Бездной и Пирожочком. — Только они будут спать в отдельной комнате. Хотя нет, Вонючка будет спать с нами.

Да, да, конечно, так я тебе и поверила!